

ГЕНЕРАЛЬНАЯ ПРОКУРАТУРА
РЕСПУБЛИКИ БЕЛАРУСЬ

**ГЕНОЦИД
БЕЛОРУССКОГО НАРОДА
ПРЕСТУПЛЕНИЯ ПАЛАЧЕЙ
118-го
КАРАТЕЛЬНОГО БАТАЛЬОНА**

Минск
 «Беларусь»
2025

УДК [94+343.337.5](476)”1941/1945”(093)
ББК 63.3(4Бел)622
Г34

Под общей редакцией
Генерального прокурора Республики Беларусь,
доктора юридических наук А.И. Шведа

*Выпуск издания осуществлен по заказу и при финансовой поддержке
Министерства информации Республики Беларусь*

Г34 **Геноцид белорусского народа. Преступления палачей 118-го карательного батальона** / Генеральная прокуратура Республики Беларусь ; под общей редакцией А.И. Шведа. – Минск : Беларусь, 2025. – 199 с. : ил.
ISBN 978-985-01-1791-5.

В издании представлены полученные в ходе расследования Генеральной прокуратурой Республики Беларусь уголовного дела о геноциде белорусского народа доказательства массового уничтожения карателями мирного населения оккупированных территорий БССР в годы Великой Отечественной войны. Одной из целей расследования Генеральной прокуратуры является не только привлечение к уголовной ответственности виновных в геноциде лиц, но и необходимость показать через полученные доказательства их истинное лицо.

Одним из результатов этой работы стали уголовные дела в отношении командира 118-го батальона охранной полиции К.А. Смовского и его подчиненного В.К. Катрюка. Проведенное Генеральной прокуратурой расследование установило все обстоятельства совершенных ими массовых расправ с мирным населением Беларуси.

УДК [94+343.337.5](476)”1941/1945”(093)
ББК 63.3(4Бел)622

ISBN 978-985-01-1791-5

© Генеральная прокуратура
Республики Беларусь, 2025
© Оформление. УП «Издательство
«Беларусь», 2025

ПРЕДИСЛОВИЕ

В годы Великой Отечественной войны вся территория современной Республики Беларусь была оккупирована немецко-фашистскими захватчиками, которые установили здесь варварский режим, направленный на реализацию преступных планов руководства нацистской Германии по тотальному уничтожению и порабощению нашего населения.

В основу управления захваченной территорией была положена тщательно спланированная до нападения на СССР политика геноцида.

Согласно разработанному нацистами плану «Ост», 75 % населения БССР подлежало «выселению». Вместе с тем под «выселением» в данном документе в действительности понималось уничтожение белорусского народа. Указанный вывод подтверждается следующими фактами.

В официальных документах государственных органов нацистской Германии существовала повсеместная практика замены терминов, в том числе и слово «уничтожение» заменялось более благозвучными: «умиротворение», «особая обработка», «выселение»; уничтожение еврейского населения определялось как «окончательное решение еврейского вопроса»; мирное население и партизаны назывались «бандами и бандитами» и т. д. Как самим планом «Ост», так и другими документами нацистской Германии не предусматривались мероприятия по созданию поселений из числа т. н. «переселенных» жителей БССР и не регламентировались вопросы их дальнейшего проживания, что также свидетельствует о сокрытии истинных намерений о тотальном уничтожении белорусского народа.

В апреле 2021 года Генеральный прокурор Республики Беларусь возбудил уголовное дело по факту геноцида населения БССР в годы Великой Отечественной войны и послевоенный период. Результаты расследования свидетельствуют о том, что масштабы трагедии белорусского народа значительно больше, чем считалось ранее. Только на территории Беларуси за годы оккупации нацистскими карателями уничтожено не менее 3 миллионов мирных жителей и военнопленных, угнано в немецкое рабство под угрозой смерти более 380 тысяч человек, разрушено 209 городов, уничтожено полностью или частично свыше 12,3 тысячи деревень, из которых не менее 288 повторили трагическую судьбу Хатыни, будучи уничтоженными со всем населением и так и не возродившимися после войны. Нашей стране в ценах сегодняшнего дня причинен ущерб на сумму, эквивалентную 43,5 тысячи тонн золота. При этом указанная сумма не содержит исчерпывающих данных по ущербу, причиненному вывозом культурных ценностей.

Для реализации кощунственных преступных планов нацисты активно привлекали коллаборационистов – предателей Родины из числа уроженцев союзных республик. В то время как советский народ массово оказывал героическое сопротивление нацистским карателям, эта горстка предателей,

руководствуясь своими корыстными и низменными мотивами, охотно исполняла приказы немецкого командования по массовому уничтожению своих же соотечественников. Они приносили присягу на верность Гитлеру и нацистскому режиму, получали форменное обмундирование, знаки отличия, вооружение и в рядах специально созданных военизированных подразделений бок о бок с другими нацистами массово участвовали в геноциде белорусского народа. Свои низменные мотивы они часто прикрывали националистическими идеями, как, к примеру, белорусские коллаборационисты, которые использовали бело-красно-белое полотно и герб «Погоня» в качестве идентифицирующей символики, или коллаборационисты из числа украинских националистических формирований, прикрывающих жажду насилия и корысть лозунгами об отстаивании «национальных идей и независимости».

Как во время, так и после окончания Второй мировой войны остро встал вопрос преследования выживших нацистских преступников. Советский Союз как держава, внесшая ключевой вклад в разгром нацизма, и в этой деятельности оказался на передовой. По всей стране массово проходили судебные процессы в отношении нацистов, по результатам которых были постановлены обвинительные приговоры и назначены максимально строгие виды наказаний – от больших сроков лишения свободы до смертной казни.

Вместе с тем вопреки выводам приговора Нюрнбергского трибунала не все страны пошли по стопам Советского Союза в вопросе преследования нацизма. Многие из них не только не инициировали вопрос привлечения к ответственности скрывшихся на их территории преступников, но и массово предоставляли им убежища: Канада, США, Аргентина, Австралия и др. В последующем каратели, получившие в этих странах гражданство, стали возводиться в ранг «героев».

Поэтому одной из ключевых целей расследования Генеральной прокуратуры является не только привлечение к уголовной ответственности палачей белорусского народа, которые по тем или иным причинам ее избежали, но и необходимость показать через полученные доказательства их истинное лицо.

В силу ст. 85 Уголовного кодекса Республики Беларусь к лицам, совершившим геноцид (преступление, предусмотренное ст. 127 Уголовного кодекса Республики Беларусь), не применяется освобождение от уголовной ответственности в связи с истечением сроков давности.

В 2023 году Генеральной прокуратурой разработан и внесен в Палату представителей Национального собрания Республики Беларусь законопроект об изменении Уголовно-процессуального кодекса Республики Беларусь, которым предусмотрено изменение главы 49² указанного кодекса в части производства по материалам и уголовным делам в случае смерти подозреваемых, обвиняемых, лиц, подлежащих привлечению в качестве указанных процессуальных участников. Внесенные поправки в уголовно-процессуальное законодательство позволили обеспечить судебное рассмотрение уголовных дел о преступлениях против мира и безопасности человечества в отношении умерших лиц, которые в силу различных причин не понесли заслуженного наказания, с принятием решений о признании виновными в совершении преступления без назначения наказания либо об оправдании.

Одним из результатов этой многовекторной и планомерной работы стали уголовные дела в отношении командира отделения 1-го взвода 1-й роты 118-го батальона охранной полиции В.К. Катрюка и командира

Государственный мемориальный комплекс «Хатынь»

118-го батальона охранной полиции К.А. Смовского. Проведенное Генеральной прокуратурой расследование установило все обстоятельства совершенных В.К. Катрюком и К.А. Смовским зверств в период нацистской оккупации – массовых расправ с населением Беларуси, в том числе осуществление убийств стариков, женщин и детей.

По итогам рассмотрения Верховным Судом Республики Беларусь уголовных дел в отношении В.К. Катрюка и К.А. Смовского последние признаны виновными в геноциде, то есть преступлении, предусмотренном ст. 127 Уголовного кодекса Республики Беларусь. Обвинительные приговоры в отношении них вступили в законную силу.

Настоящая книга является сборником ключевых процессуальных документов из уголовных дел в отношении В.К. Катрюка и К.А. Смовского, полученных в ходе расследования уголовного дела о геноциде и отражающих лишь отдельные эпизоды преступной деятельности 118-го батальона охранной полиции, а изложенные в ней доказательства злодеяний указанных лиц на их примере позволят читателю из первоисточника в очередной раз удостовериться в беспрецедентных по своему масштабу преступлениях, которые осуществляли в годы Великой Отечественной войны нацисты и их пособники – коллаборационисты.

ГЛАВА I

ПРАВОВЫЕ ОСНОВАНИЯ УГОЛОВНОГО ПРЕСЛЕДОВАНИЯ ЗА СОВЕРШЕНИЕ ГЕНОЦИДА

Конвенция Организации Объединенных Наций от 9 декабря 1948 г. «О предупреждении преступления геноцида и наказании за него»

Вступила в силу для Белорусской ССР 9 ноября 1954 г.

Договаривающиеся Стороны,
принимая во внимание, что Генеральная Ассамблея Организации Объединенных Наций в своей резолюции 96 (I) от 11 декабря 1946 года объявила, что геноцид является преступлением, нарушающим нормы международного права и противоречащим духу и целям Организации Объединенных Наций, и что цивилизованный мир осуждает его,
признавая, что на протяжении всей истории геноцид приносил большие потери человечеству, и
будучи убежденными, что для избавления человечества от этого отвратительно-го бедствия необходимо международное сотрудничество,
соглашаются, как это предусмотрено ниже:

Статья I

Договаривающиеся Стороны подтверждают, что геноцид, независимо от того, совершается ли он в мирное или военное время, является преступлением, которое нарушает нормы международного права и против которого они обязуются принимать меры предупреждения и карать за его совершение.

Статья II

В настоящей Конвенции под геноцидом понимаются следующие действия, совершаемые с намерением уничтожить, полностью или частично, какую-либо национальную, этническую, расовую или религиозную группу как таковую:

- a) убийство членов такой группы;
- b) причинение серьезных телесных повреждений или умственного расстройства членам такой группы;
- c) предумышленное создание для какой-либо группы таких жизненных условий, которые рассчитаны на полное или частичное физическое уничтожение ее;
- d) меры, рассчитанные на предотвращение деторождения в среде такой группы;
- e) насильственная передача детей из одной человеческой группы в другую.

Статья III

Наказуемы следующие деяния:

- a) геноцид;
- b) заговор с целью совершения геноцида;
- c) прямое и публичное подстрекательство к совершению геноцида;
- d) покушение на совершение геноцида;
- e) соучастие в геноциде.

Статья IV

Лица, совершающие геноцид или какие-либо другие из перечисленных в статье III деяний, подлежат наказанию, независимо от того, являются ли они ответственными по конституции правителями, должностными или частными лицами.

Статья V

Для введения в силу положений настоящей Конвенции Договаривающиеся Стороны обязуются провести необходимое законодательство, каждая в соответствии со своей конституционной процедурой, и, в частности, предусмотреть эффективные меры наказания лиц, виновных в совершении геноцида или других упомянутых в статье III преступлений.

Статья VI

Лица, обвиняемые в совершении геноцида или других перечисленных в статье III деяний, должны быть судимы компетентным судом того государства, на территории которого было совершено это деяние, или таким международным уголовным судом, который может иметь юрисдикцию в отношении Сторон настоящей Конвенции, признавших юрисдикцию такого суда.

Статья VII

В отношении выдачи виновных, геноцид и другие перечисленные в статье III деяния не рассматриваются как политические преступления.

В таких случаях Договаривающиеся Стороны обязуются осуществлять выдачу в соответствии со своим законодательством и действующими договорами.

Статья VIII

Каждый участник настоящей Конвенции может обратиться к соответствующему органу Объединенных Наций с требованием принять, в соответствии с положениями Устава Организации Объединенных Наций, все необходимые по его мнению меры в целях предупреждения и пресечения актов геноцида или одного из других перечисленных в статье III деяний.

Статья IX

Споры между Договаривающимися Сторонами по вопросам толкования, применения или выполнения настоящей Конвенции, включая споры относительно ответственности того или другого государства за совершение геноцида или одного из других перечисленных в статье III деяний, передаются на рассмотрение Международного суда по требованию любой из Сторон в споре.

Статья X

Настоящая Конвенция, английский, китайский, испанский, французский и русский тексты которой являются равно аутентичными, датируется 9 декабря 1948 года.

Статья XI

Настоящая Конвенция будет открыта для подписания ее до 31 декабря 1949 года от имени любого члена Организации Объединенных Наций и любого не состоящего членом Организации государства, получившего приглашение Генеральной Ассамблеи подписать Конвенцию.

Настоящая Конвенция подлежит ратификации, и акты о ратификации депонируются у Генерального секретаря Организации Объединенных Наций.

Начиная с 1 января 1950 г. к настоящей Конвенции могут присоединиться любой член Организации Объединенных Наций и любое не состоящее членом этой Организации государство, получившее вышеозначенное приглашение.

Акты о присоединении депонируются у Генерального секретаря Организации Объединенных Наций.

Статья XII

Любая из Договаривающихся Сторон может в любое время путем извещения на имя Генерального секретаря Организации Объединенных Наций распространить применение настоящей Конвенции на все или некоторые территории, за ведение внешних отношений которых она ответственна.

Статья XIII

В день, когда у Генерального секретаря будут депонированы первые двадцать актов о ратификации или присоединении, Генеральный секретарь заготавливает Протокол, который в копиях препровождается всем государствам – членам Организации Объединенных Наций и всем не состоящим членами Организации государствам, предусмотренным в статье XI.

Настоящая Конвенция вступает в силу на девяностый день, считая со дня депонирования двадцатого акта о ратификации или присоединении.

Акты о ратификации и присоединении, полученные после вступления в силу настоящей Конвенции, вступают в действие на девяностый день, считая со дня их депонирования у Генерального секретаря Организации Объединенных Наций.

Статья XIV

Настоящая Конвенция действительна в течение десяти лет, начиная со дня вступления ее в силу.

Она остается в силе на последующие пятилетия в отношении тех Договаривающихся Сторон, которые не денонсируют ее по меньшей мере за шесть месяцев до истечения соответствующего срока ее действия.

Денонсация производится путем письменного уведомления на имя Генерального секретаря Организации Объединенных Наций.

Статья XV

Если в результате денонсации число участников настоящей Конвенции станет менее шестнадцати, Конвенция прекращает свое действие в день вступления в силу последней денонсации.

Статья XVI

Требование о пересмотре настоящей Конвенции может быть представлено в любое время любой из Договаривающихся Сторон путем письменного сообщения на имя Генерального секретаря.

Генеральная Ассамблея решает о том, какие меры необходимо принять в отношении такого требования, если она признает необходимым принятие каких-либо мер.

Статья XVII

Генеральный секретарь Организации Объединенных Наций извещает всех членов Организации Объединенных Наций и не состоящие членами Организации государства, предусмотренные в статье XI:

- a) о всех актах о подписании, ратификации и присоединении, полученных в соответствии со статьей XI;
- b) о всех заявлениях, полученных в соответствии со статьей XII;
- c) о дне вступления в силу настоящей Конвенции в соответствии со статьей XIII;
- d) о денонсациях, полученных в соответствии со статьей XIV;
- e) об отмене Конвенции в соответствии со статьей XV;
- f) о заявлениях, полученных в соответствии со статьей XVI.

Статья XVIII

Подлинник настоящей Конвенции депонируется в архив Организации Объединенных Наций.

Заверенные копии Конвенции рассылаются всем членам Организации Объединенных Наций и не состоящим членами Организации государствам, предусмотренным в статье XI.

Статья XIX

Настоящая Конвенция регистрируется Генеральным секретарем Организации Объединенных Наций в день вступления ее в силу.

Выписка из Уголовного кодекса Республики Беларусь

Статья 127. Геноцид.

Действия, совершаемые с целью планомерного уничтожения полностью или частично какой-либо расовой, национальной, этнической, религиозной группы или группы, определенной на основе любого другого произвольного критерия, путем убийства членов такой группы или причинения им тяжких телесных повреждений, либо умышленного создания жизненных условий, рассчитанных на полное или частичное физическое уничтожение такой группы, либо насильственной передачи детей из одной этнической группы в другую, либо принятия мер по воспрепятствованию деторождению в среде такой группы (геноцид), –

наказываются лишением свободы на срок от двенадцати до двадцати лет со штрафом или без штрафа, или пожизненным лишением свободы, или смертной казнью.

Закон Республики Беларусь от 5 января 2022 г. №146-З «О геноциде белорусского народа»

Настоящий Закон принят в целях сохранения памяти о миллионах советских граждан, которые стали жертвами в годы Великой Отечественной войны и послевоенный период*, в соответствии с Конституцией Республики Беларусь, а также на основе Конвенции о предупреждении преступления геноцида и наказании за него от 9 декабря 1948 года, Конвенции о неприменимости срока давности

* Под послевоенным периодом для целей настоящего Закона понимается период по 31 декабря 1951 г.

к военным преступлениям и преступлениям против человечества от 26 ноября 1968 года и направлен на законодательное обеспечение защиты фундаментальных ценностей белорусского народа, установления действенных барьеров на пути попыток фальсификации событий и итогов Второй мировой войны, дачи справедливой оценки злодеяниям нацистских преступников и их пособников, националистических формирований в годы Великой Отечественной войны и послевоенный период.

Статья 1. Совершенные нацистскими преступниками и их пособниками, националистическими формированиями в годы Великой Отечественной войны и послевоенный период злодеяния, направленные на планомерное физическое уничтожение белорусского народа^{**} путем убийства и иных действий, признаваемых геноцидом в соответствии с законодательными актами и нормами международного права, являются геноцидом белорусского народа.

Статья 2. Дополнить Уголовный кодекс Республики Беларусь от 9 июля 1999 г. статьей 130² следующего содержания:

«Статья 130². Отрицание геноцида белорусского народа

1. Отрицание геноцида белорусского народа, содержащееся в публичном выступлении, либо в печатном или публично демонстрирующемся произведении, либо в средствах массовой информации, либо в информации, размещенной в глобальной компьютерной сети Интернет, иной сети электросвязи общего пользования или выделенной сети электросвязи, –

наказывается арестом, или ограничением свободы на срок до пяти лет, или лишением свободы на тот же срок.

2. Действие, предусмотренное частью 1 настоящей статьи, совершенное лицом, ранее судимым за отрицание геноцида белорусского народа, либо должностным лицом с использованием своих служебных полномочий, –

наказывается лишением свободы на срок от трех до десяти лет».

Статья 3. Генеральной прокуратуре принять дополнительные меры по всестороннему, полному и объективному исследованию обстоятельств геноцида белорусского народа, установлению лиц, причастных к его совершению, и их уголовному преследованию.

Статья 4. Совету Министров Республики Беларусь:

на постоянной основе принимать меры по:

увековечению памяти жертв геноцида белорусского народа, а также по признанию и осуждению геноцида белорусского народа на международном уровне;

распространению достоверной информации о геноциде белорусского народа, а также по просвещению граждан по вопросам геноцида белорусского народа;

в шестимесячный срок принять иные меры, направленные на реализацию настоящего Закона.

Статья 5. Настоящий Закон вступает в силу через десять дней после его официального опубликования.

Президент Республики Беларусь

А. Лукашенко

Выписка из Уголовно-процессуального кодекса Республики Беларусь.

Пункт 7 части 1 и пункт 2 части 5 статьи 29. Обстоятельства, исключающие производство по уголовному делу.

Уголовное дело не может быть возбуждено, за исключением случаев, предусмотренных пунктами 3 и 4 части 1 настоящей статьи, а по возбужденному делу производство подлежит прекращению в отношении умершего, за исключением лица, совершившего преступление, указанное в статье 85 Уголовного кодекса Республики Беларусь, а также случаев, когда производство по уголовному делу необходимо для реабилитации умершего.

Отказ в возбуждении уголовного дела, а также прекращение производства по уголовному делу по основанию, предусмотренному пунктом 7 части 1 настоящей статьи, не допускаются и производство по материалам и уголовному делу продолжается в порядке, установленном главой 49² настоящего Кодекса в случае совершения умершим подозреваемым, обвиняемым, лицом, подлежащим привлечению в качестве подозреваемого, обвиняемого, преступления, указанного в статье 85 Уголовного кодекса Республики Беларусь, независимо от позиции лица, подавшего заявление о привлечении к участию в производстве по материалам и уголовному делу в качестве представителя умершего подозреваемого, обвиняемого, лица, подлежащего привлечению в качестве подозреваемого, обвиняемого, в порядке, установленном настоящим Кодексом.

Часть 3 статьи 294. Участие обвиняемого в судебном разбирательстве.

Разбирательство уголовного дела в отсутствие обвиняемого происходит в случае, если наступила смерть обвиняемого и участвующим в производстве по уголовному делу представителем умершего обвиняемого не дано согласие на его прекращение по основанию, предусмотренному пунктом 7 части 1 статьи 29 настоящего Кодекса, а также в случае смерти лица, обвиняемого в совершении преступления, указанного в статье 85 Уголовного кодекса Республики Беларусь. При этом уголовное дело рассматривается в порядке, установленном главой 49² настоящего Кодекса.

Часть 1 статьи 468¹⁸. Признание умершего лица подозреваемым, привлечение умершего лица в качестве обвиняемого.

При наличии оснований для признания умершего лица подозреваемым или привлечения умершего лица в качестве обвиняемого и при поступлении заявления, предусмотренного статьей 468¹⁴ настоящего Кодекса, а при производстве по уголовному делу о преступлении, указанном в статье 85 Уголовного кодекса Республики Беларусь, – независимо от поступления такого заявления орган уголовного преследования выносит в отношении умершего лица мотивированное постановление о признании подозреваемым или о привлечении в качестве обвиняемого в порядке, установленном статьей 241 настоящего Кодекса.

^{**} Под белорусским народом для целей настоящей статьи понимаются советские граждане, проживавшие на территории Белорусской Советской Социалистической Республики в годы Великой Отечественной войны и (или) послевоенный период.

ГЛАВА II

В.К. КАТРЮК И 118-й БАТАЛЬОН ОХРАННОЙ ПОЛИЦИИ. УГОЛОВНОЕ ПРЕСЛЕДОВАНИЕ КАРАТЕЛЕЙ 118-го БАТАЛЬОНА ОХРАННОЙ ПОЛИЦИИ НА ТЕРРИТОРИИ БЕЛАРУСИ

В.К. Катрюк.
Материалы уголовного
дела № 21028030022
о геноциде населения
Беларуси в годы Великой
Отечественной войны
и послевоенный период

В ходе расследования уголовного дела о геноциде Генеральной прокуратурой установлено, что Владимир Константинович Катрюк родился 1 октября 1921 г. в деревне Лужаны, располагавшейся в тот период на территории Буковины, Королевство Румыния (современная территория Черновицкой области Украины).

После окончания 6 классов школьного образования в 1935–1940 гг. трудился на мясокомбинате в городе Черновцы. Незадолго до присоединения Буковины к Советскому Союзу В.К. Катрюк вернулся в родную деревню.

С началом Великой Отечественной войны, осенью 1941 г., В.К. Катрюк добровольно вступил в осуществлявшее пособничество нацистам военизированное вооруженное формирование украинских националистов «Буковинский курень», в составе которого прибыл в город Киев.

Справочно: «Буковинский курень» – сформированное сторонниками руководителя одной из фракций Организации украинских националистов А.А. Мельника в августе 1941 г. парамилитарное украинское националистическое формирование, в состав которого входили выходцы из Буковины. Насчитывало более 900 участников. Данное формирование активно участвовало в преступлениях нацистских оккупантов в Бабьем Яру (город Киев). В конце 1941 – начале 1942 г. расформировано нацистами, из бывших участников созданы карательные батальоны охранной полиции. Карателям «Буковинского куреня» в городе Черновцы в 1995 г. установлен памятник как национальным героям.

Некоторое время спустя, в продолжение своих целей о сотрудничестве с нацистами В.К. Катрюк добровольно вступил в сформированный 115-й батальон охранной полиции. К концу 1942 г. служащих 3-й роты 115-го батальона направили в 1-ю роту сформированного 118-го батальона охранной полиции, в который также был переведен последний с назначением на должность командира 2-го отделения 1-го взвода 1-й роты и присвоением звания «сержант».

Новое военизированное подразделение также было создано нацистами с единственной целью – содействие в реализации массовой политики геноцида. Оно состояло из трех рот, каждая из которых делилась на три взвода, а взводы – на отделения из 10–13 человек, и пулеметного взвода. В составе батальона числилось приблизительно 500 человек, в подавляющем большинстве украинцев, добровольно изъявивших желание поступить на службу к нацистам. Руководили 118-м батальоном охранной полиции украинские офицеры под общим командованием немецких офицеров.

Летом 1942 года батальон был направлен на борьбу с партизанами в Черниговскую область, где мы пробыли месяц-полтора месяца. Командиры разбежались, никакой организации не было. В конце 1942 года нас отправили в город Минск. Здесь батальон стал именоваться 118 полицейским батальоном. Он состоял из штаба, трех стрелковых рот, пулеметного взвода. При батальоне имелась одна пушка и в каждой роте по одному ротному миномету. Командовали батальоном немец КЕРНЕР и украинец СМОВСКИЙ Эдуард, оба в звании майора. Штабом руководили немец, фамилии его не помню, и украинец ВАСЮРА. Командиром первой роты был ВИННИЦКИЙ Иосиф. Командиров второй и третьей рот не помню. В первой роте командирами взводов были: первого – МЕЛЕШКО Василий, второго – КУИТ Иван, третьего – ПАСЕЧНИК. Я служил командиром 1 отделения первого взвода первой роты. На должность командира отделения меня назначили в городе Минске. Командиром первого отделения я был до бегства в Германию летом 1944 года. В отсутствие командира взвода МЕЛЕШКО его замещали или я, ЛАКУСТА, или командир второго отделения первого взвода КАТРЮК Владимир. Официально командир взвода не имел заместителей. Третьим отделением в первом взводе командовал ДАНЬКО Николай. При каждом взводе еще было по два немца.

Из протокола допроса карателя 118-го батальона охранной полиции Г.Г. Лакусты от 4 апреля 1973 г.
Материалы уголовного дела № 21028030022 о геноциде населения Беларуси
в годы Великой Отечественной войны и послевоенный период

118-й батальон охранной полиции (с декабря 1943 г. переименован в 63-й батальон охранной полиции) с декабря 1942 по июнь 1943 г. дислоцировался в поселке Плещеницы Логойского района, с июля 1943 по июль 1944 г. – в городе Новогрудке, поселке Ивье.

В период службы в 118-м батальоне охранной полиции В.К. Катрюк активно принимал участие в карательных операциях и расправах над мирным населением. Более того, он служил в самой «ударной» и жестокой роте, нередко сам изъявлял желание участвовать в карательных операциях, на которые не направлялось его отделение. Эти обстоятельства отмечались как командирами карательного подразделения, так и остальными служащими батальона.

В конце 1942 года 118 полицейский батальон был передислоцирован в г. Минск и после непродолжительного нахождения там 1 и 3 роты с минометным взводом и пушкой были направлены в поселок Плещеницы Логойского района Минской области к месту постоянной дислокации. 2 рота, если не ошибаюсь, была направлена для несения охраны шоссе Минск-Слуцк. В конце декабря 1942 года я был назначен на должность адъютанта батальона, что соответствует должности начальника штаба. Вместо меня первым взводом 1 роты, в котором Катрюк был командиром отделения, стал командовать Мелешко Засилий. Хочу заметить, что личный состав 1 роты, особенно ее первого взвода, состоял из выходцев Западной Украины, отличавшихся ненавистью к Советской власти и проявлявших особое рвение и жестокость при проведении карательных акций против советских партизан и мирного населения. Но даже среди полицейских 1 взвода 1 роты Катрюк выделялся своей жестокостью. Он участвовал фактически во всех карательных операциях батальона, причем если на карательную акцию направлялся не весь батальон, то Катрюк всегда добровольно вызывался участвовать в ней, за что немецкое командование батальона неоднократно ставило его в пример другим полицейским.

*Из протокола допроса карателя 118-го батальона охранной полиции Г.Н. Васюры от 16 сентября 1987 г.
Материалы уголовного дела № 21028030022 о геноциде населения Беларуси
в годы Великой Отечественной войны и послевоенный период*

В июле 1944 г. каратели начали спешное отступление под натиском Красной Армии. В.К. Катрюк и иные участники 63-го батальона охранной полиции были перенаправлены с территории Восточной Пруссии в город Безансон (Франция) для формирования 30-й гренадерской дивизии СС.

Прибыв в августе 1944 г. в Вальдерхарн (Франция), бывшие служащие 118-го батальона охранной полиции, в том числе и В.К. Катрюк, дезертировали.

О дальнейшей жизни В.К. Катрюка известно лишь из его показаний и официальных документов, исследованных Федеральным судом Канады при рассмотрении вопроса о лишении гражданства последнего.

Согласно протоколу судебного заседания, предоставленному компетентными органами Российской Федерации в рамках исполнения запроса об оказании правовой помощи по уголовному делу о геноциде белорусского народа, в период с сентября 1944 по июль 1951 г. В.К. Катрюк находился на территории Франции. В августе 1951 г. иммигрировал в Канаду, поселился в городе Монреаль. В 1958 г. получил гражданство Канады. В период с 1945 по 1958 г. жил под другими именем и фамилией – Николас Шпирка.

Вместе с тем в августе 1996 г. министр по гражданству и миграции Канады направил В.К. Катрюку уведомление о намерении подать ходатайство генерал-губернатору об аннулировании его гражданства. Уведомление содержало краткое обвинение в том, что последний скрыл свою настоящую личность перед иммиграционными органами.

Разбирательства по поводу лишения гражданства В.К. Катрюка продолжились в суде. Несмотря на длительный судебный процесс, в ходе которого всплыли и факты каратель-

ной деятельности Катрюка на территории БССР, он сохранил гражданство Канады и умер 22 мая 2015 г. в возрасте 93 лет, не будучи осужденным за совершенные преступления.

В СССР на постоянной основе принимались меры по установлению и привлечению к ответственности всех карателей и пособников нацистов, в том числе бывших военнослужащих 118-го батальона охранной полиции.

На основании полученных сведений о неопровержимой причастности к сожжению деревни Хатынь и уничтожению ее населения, совершению ряда иных тяжких преступлений в отношении мирного населения Беларуси в годы Великой Отечественной войны в 1973 г. Комитетом государственной безопасности при Совете Министров БССР по Гродненской области возбуждено уголовное дело в отношении поделщиков В.К. Катрюка – командира 1-го отделения 1-го взвода 1-й роты 118-го батальона охранной полиции Г.Г. Лакусты, полицейских указанного батальона М.Д. Курки, И.М. Лозинского, О.Ф. Кнапа, С.В. Сахно. В марте 1974 г. судебной коллегией по уголовным делам Гродненского областного суда последние признаны виновными в измене Родине и приговорены к исключительной мере наказания – смертной казни.

Справочно: по результатам рассмотрения Верховным Судом СССР жалоб осужденных М.Д. Курки, И.М. Лозинского, О.Ф. Кнапа, С.В. Сахно смягчены наказания, назначенные последним.

Г.Г. Лакуста

О.Ф. Кнап

М.Д. Курка

С.В. Сахно

И.М. Лозинский

*Материалы уголовного дела № 21028030022 о геноциде населения Беларуси
в годы Великой Отечественной войны и послевоенный период*

В.А. Мелешко.
Материалы уголовного
дела № 21028030022
о геноциде населения
Беларуси в годы Великой
Отечественной войны
и послевоенный период

По аналогичным основаниям в 1974 г. возбуждено уголовное дело в отношении командира 1-го взвода 1-й роты 118-го полицейского батальона В.А. Мелешко. В мае 1975 г. Военным трибуналом Краснознаменного Белорусского военного округа последний приговорен за измену Родине к высшей мере наказания – смертной казни.

Г.Н. Васюра.
Материалы уголовного
дела № 21028030022
о геноциде населения
Беларуси в годы Великой
Отечественной войны
и послевоенный период

Дольше всех избегал уголовной ответственности за измену Родине и тяжкие преступления против мирного населения Беларуси в годы Великой Отечественной войны начальник штаба 118-го батальона охранной полиции Г.Н. Васюра – уголовное дело в отношении последнего было возбуждено в 1985 г. Военным трибуналом Краснознаменного Белорусского военного округа в декабре 1986 г. в отношении Г.Н. Васюры также вынесен обвинительный приговор с назначением исключительной меры наказания – смертной казни.

Расследование преступлений, совершенных бывшими сослуживцами по 118-му батальону охранной полиции, показало всю картину совершенных карателями злодеяний, а также непосредственную роль в них В.К. Катрюка.

Тщательная работа по обеспечению правосудия проводилась Прокуратурой БССР и в случае с преступной деятельностью В.К. Катрюка, в отношении которого 16 сентября 1987 г. Прокурором БССР Г.С. Тарнавским было возбуждено уголовное дело по части 1 ст. 61 Уголовного кодекса БССР.

Прокуратура Белорусской ССР Форма № 1

ПОСТАНОВЛЕНИЕ

о возбуждении уголовного дела

г. Минск 16. сентября 1987 г.
(место вынесения постановления)

Прокурор Белорусской ССР государственный советник юстиции 2 класса
(района, области, классный чин, фамилия)

Тарнавский

рассмотрев имеющиеся в
прокуратуре БССР материалы о преступной деятельности Катрюка В.К.,
(указание, от кого поступили материалы или заявление и краткое их содержание)

который летом 1942 года добровольно поступил на службу в 118
полицейский батальон, где до июля 1944 года служил в должности
командира отделения первого взвода первой роты. За время службы
немецко-фашистским оккупантам Катрюк В.К. принимал личное участие
в истреблении путем расстрелов и сожжения заживо мирных жителей,
грабил их имущество, поджигал деревни

имея во внимание, что в материалах о преступной деятельности Кат-
рюка В.К. (материалах, заявлении)

имеются достаточные данные, указы-
вающие на признаки преступления, предусмотренного ст. 61 ч. I УК БССР, и что на
основании ст. 123 УПК БССР производство предварительного следствия по делам об этих преступле-
ниях обязательно руководствуясь п. 6 части I и частью 2 ст. 105, п. 1 части 3
статьи 4 ст. 108, ст. ст. 110 и 113 п. 1 УПК БССР,

ПОСТАНОВИЛ:

Возбудить по материалам о преступной деятельности Катрюка В.К.
(материалам, заявлению)

уголовное дело по признакам преступления, предусмотрен-
ного ст. 61 ч. I УК БССР, ~~с чем сообщать~~ Расследование по уголовному делу
поручить прокурору отдела Прокуратуры БССР Гуриновичу

1. Направить настоящее дело для производства предварительного следствия
дознания

2. суду
дознания

Прокурор Белорусской ССР
(классный чин и подпись) Г.С. Тарнавский
государственный советник
юстиции 2 класса

Постановление о возбуждении уголовного дела в отношении В.К. Катрюка.
Материалы уголовного дела № 21028030022 о геноциде населения Беларуси
в годы Великой Отечественной войны и послевоенный период

Следственной группой Прокуратуры БССР была проведена колоссальная работа по фиксации обстоятельств расправ над мирными гражданами. Но, несмотря на неопровержимость полученных доказательств, отсутствие возможности проведения с участием В.К. Катрюка следственных действий и его пребывание в Канаде стали причиной приостановления предварительного расследования 21 декабря 1987 г.

ПОСТАНОВЛЕНИЕ

о приостановлении предварительного следствия

г.Минск, 21 декабря 1987 г.

Старший помощник прокурора Белорусской ССР старший советник юстиции Иванков, рассмотрев материалы уголовного дела по обвинению Катрюка Владимира Константиновича, –

У с т а н о в и л :

Катрюк В.К., проживая на временно оккупированной немецко-фашистскими захватчиками территории Украинской ССР, в 1942 году изменил Родине, добровольно перешел на сторону врага и поступил в 118-ый полицейский батальон (с сентября 1943 года переименован в 63 полицейский батальон), сформированный оккупантами в гор.Киеве для борьбы с партизанами и уничтожения мирного населения.

В этом карательном формировании Катрюк В.К. принял присягу на верность службе фашистской Германии, имел на вооружении значале карабин, а позже ручной пулемет и автомат. Проходя службу в должности командира отделения первого взвода первой роты, в декабре 1942 года в составе 118 батальона Катрюк В.К. прибыл на территорию Белорусской ССР и в 1943–1944 годах принимал непосредственное активное участие в массовых расстрелах и сожжении заживо мирных советских граждан деревень Чмелевичи, Селище, Котели, Заречье, Козыри, Хатыни, Россохи, Дальковичи – все Логойского района Минской области; Вилейки и Осовы Докшицкого района Витебской области, расстреле мирных граждан в Лучинском бору на территории Ивьевского района Гродненской области. Катрюк В.К. принимал активное личное участие в карательных операциях против партизан, грабеже имущества жителей деревень, сожжении населенных пунктов. При проведении карательных операций Катрюк В.К. проявлял к советским гражданам особую жестокость.

С целью избежать ответственности за совершенные преступления, в 1944 году при отступлении фашистских войск, Катрюк В.К. бежал вместе с гитлеровцами в Западную Европу, а после укрылся в Канаде, где и проживает в настоящее время.

Принимая во внимание, что по делу все следственные действия, производство которых возможно в отсутствие обвиняемого выполнены,

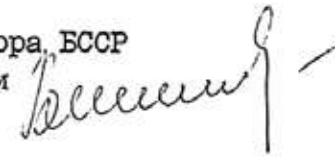
316

2

а поэтому руководствуясь ст.194 п.1 УК БССР

П о с т а н о в и л :

Предварительное следствие по делу по обвинению Катрюка Владимира Константиновича приостановить.

Старший помощник Прокурора БССР
старший советник юстиции В.Ф.Иванков

*Постановление о приостановлении предварительного следствия.
Материалы уголовного дела № 21028030022 о геноциде населения Беларуси
в годы Великой Отечественной войны и послевоенный период*

Правоохранительными органами Российской Федерации также принимались меры по уголовному преследованию В.К. Катрюка. Следственным комитетом Российской Федерации 8 мая 2015 г. возбуждено уголовное дело в отношении последнего по ст. 357 Уголовного кодекса Российской Федерации – геноцид. Однако смерть Катрюка стала причиной принятия 14 октября 2016 г. решения о прекращении производства по уголовному делу после получения по дипломатическим каналам оригинала легализованного и переведенного свидетельства о смерти на территории Канады.

Генеральной прокуратурой Республики Беларусь 7 апреля 2021 г. принято решение о возбуждении уголовного дела по ст. 127 Уголовного кодекса по факту геноцида населения БССР в годы Великой Отечественной войны и послевоенный период.

№ 21028030022

ПОСТАНОВЛЕНИЕ
о возбуждении уголовного дела

г.Минск

07 апреля 2021 г.
17 часов 15 минут

Генеральный прокурор Республики Беларусь государственный советник юстиции 2 класса Швед А.И., рассмотрев материалы проверки о совершении на территории Беларуси фактов деяний против мира и безопасности человечества,

УСТАНОВИЛ

В ходе Великой Отечественной войны (1941 – 1945 гг.) и в послевоенный период нацистскими преступниками, их соучастниками, преступными формированиями на территории БССР и других государств с целью планомерного уничтожения советских граждан, белорусов, лиц иных национальностей и этнической принадлежности, находящихся на территории БССР, путем массовых убийств, умышленного создания жизненных условий, рассчитанных на их физическое уничтожение, проводились карательные операции, уничтожение населенных пунктов вместе с жителями, насильственная депортация для выполнения принудительных работ, создавались места принудительного содержания населения, концентрационные лагеря и лагеря смерти, такие как «Тростенец» и «Озаричи». В результате геноцида на территории БССР погибло свыше 2 миллионов человек.

Принимая во внимание изложенное, руководствуясь статьями 34, 166, 167, 170, 174, 175, 177 Уголовно-процессуального кодекса Республики Беларусь,

ПОСТАНОВИЛ

1. Возбудить по факту геноцида уголовное дело по признакам преступления, предусмотренного ст. 127 Уголовного кодекса Республики Беларусь.

2. Производства предварительного следствия поручить группе прокуроров и следователей.

Генеральный прокурор
Республики Беларусь
государственный советник
юстиции 2 класса

А.И.Швед

*Постановление о возбуждении уголовного дела.
Материалы уголовного дела № 21028030022 о геноциде населения Беларуси
в годы Великой Отечественной войны и послевоенный период*

В рамках расследования начался сбор доказательств, подтверждающих факты участия в геноциде тех лиц, которые избежали уголовной ответственности за совершенные преступления. К их числу относился и В.К. Катрюк.

В ходе расследования уголовного дела о геноциде белорусского народа 12 сентября 2023 г. Генеральной прокуратурой отменено постановление Прокуратуры БССР о приостановлении предварительного следствия от 21 декабря 1987 г.

Следственной группой Генеральной прокуратуры повторно проанализированы результаты работы предшественников, проведены необходимые следственные действия, направленные на установление обстоятельств совершения преступлений В.К. Катрюком и иными участниками 118-го батальона охранной полиции. Кропотливая работа позволила получить неопровержимые доказательства виновности В.К. Катрюка в совершении многочисленных эпизодов геноцида и выявить новые, ранее неизвестные факты таких преступлений. В связи с этим было вынесено постановление о привлечении В.К. Катрюка к расследованию в качестве обвиняемого. По результатам предварительного расследования в декабре 2023 г. Генеральной прокуратурой Республики Беларусь уголовное дело в отношении В.К. Катрюка направлено в Верховный Суд Республики Беларусь для рассмотрения по существу.

Таким образом, на основании законодательства Республики Беларусь впервые сформирована практика расследования и направления в суд уголовных дел в отношении нацистских преступников, которые избежали наказания за совершенные ими преступления в годы Великой Отечественной войны и умерли.

Полученные в ходе следствия доказательства стали подтверждением вины В.К. Катрюка в совершении инкриминируемых последнему преступлений, основанием для вынесения Верховным Судом Республики Беларусь законного, обоснованного, мотивированного и справедливого обвинительного приговора.

*Оглашение постановления о направлении уголовного дела в суд.
Материалы уголовного дела № 87028030015 в отношении В.К. Катрюка*

ПОСТАНОВЛЕНИЕ
о направлении уголовного дела в суд

г. Минск

«15» декабря 2023 г.

Генеральный прокурор Республики Беларусь государственный советник юстиции 2 класса Швед А.И., рассмотрев материалы уголовного дела № 87028030015, поступившего в порядке ст. 468¹⁹ Уголовно-процессуального кодекса Республики Беларусь,

УСТАНОВИЛ:

Управлением Генеральной прокуратуры Республики Беларусь по надзору за расследованием особо важных уголовных дел 14.12.2023 окончено расследование уголовного дела № 87028030015 в отношении умершего Катрюка В.К., обвиняемого в совершении преступления, предусмотренного ст. 127 Уголовного кодекса Республики Беларусь (далее – УК).

Действия обвиняемого Катрюка В.К. правильно квалифицированы по ст. 127 УК.

По делу собраны достаточные доказательства, подтверждающие виновность Катрюка В.К. в совершении инкриминируемого ему деяния.

Оснований для возвращения уголовного дела для производства дополнительно предварительного расследования не имеется.

Уголовное дело направляется в Верховный Суд Республики Беларусь для определения подсудности.

На основании изложенного, руководствуясь ст.ст. 34, 263, 264, 274, 468²⁰, 468²¹ Уголовно-процессуального кодекса Республики Беларусь,

ПОСТАНОВИЛ:

1. Уголовное дело № 87028030015 в отношении умершего Катрюка Владимира Константиновича, 1 октября 1921 года рождения, обвиняемого в совершении преступления, предусмотренного ст. 127 УК, направить в Верховный Суд Республики Беларусь для определения подсудности.

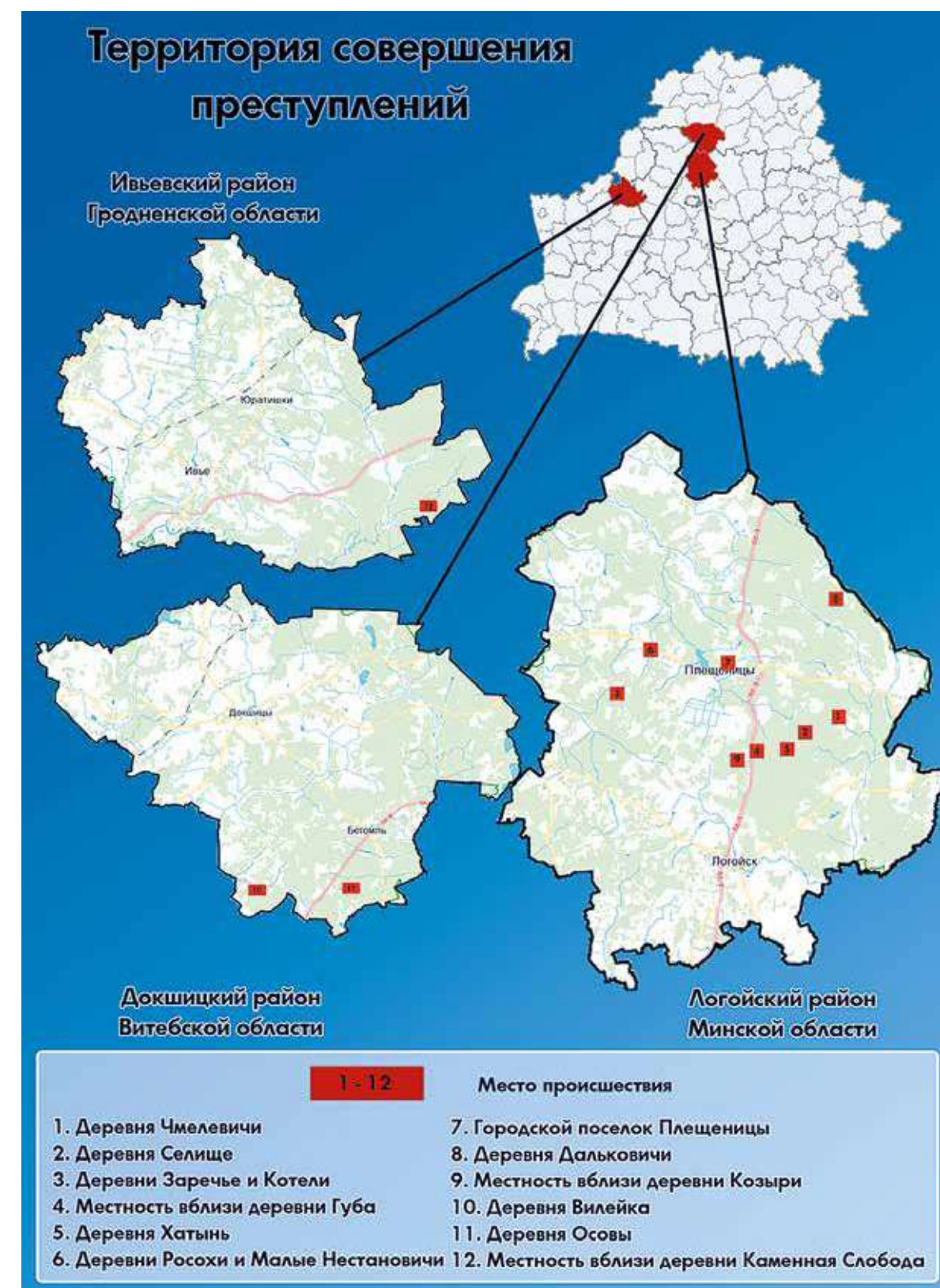
2. О принятом решении уведомить защитника и потерпевшего.

Генеральный прокурор
Республики Беларусь
государственный советник
юстиции 2 класса

А.И.Швед

*Постановление о направлении уголовного дела в суд.
Материалы уголовного дела № 87028030015 в отношении В.К. Катрюка*

ГЛАВА III
ПРЕСТУПНАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ В.К. КАТРЮКА

ПОСТАНОВЛЕНИЕ
о привлечении в качестве обвиняемого

12 декабря 2023 года

город Минск

Руководитель группы прокуроров – начальник управления Генеральной прокуратуры Республики Беларусь по надзору за расследованием особо важных уголовных дел полковник юстиции Толкачев В.В., рассмотрев материалы уголовного дела № 87028030015,

УСТАНОВИЛ:

Приговором Международного военного трибунала для суда и наказания главных военных преступников европейских стран оси в городе Нюрнберге от 1 октября 1946 года признано доказанным, что руководство нацистской Германии, развязавшее Вторую мировую войну, преследовало цель уничтожить Союз Советских Социалистических Республик (далее – СССР, Советский Союз) как независимое государство, расчленив его, создать так называемые имперские комиссариаты, превратить Белорусскую Советскую Социалистическую Республику (далее – БССР) и другие территории Советского Союза в германские колонии.

Массовые систематические убийства гражданского населения оккупированных территорий, его принудительный угон на территорию Западной Европы, включая Германию, для привлечения к рабскому труду и иным формам эксплуатации в пользу нацистской Германии, разграбления и расхищения имущества всех форм собственности на оккупированных территориях, уничтожение городов, сел и деревень, экономическая эксплуатация СССР, убийства комиссаров и политических руководителей, бесчеловечное обращение с советскими военнопленными, создание концентрационных лагерей и лагерей смерти стали частью тщательно разработанного руководством нацистской Германии плана по реализации идеи (теории) расширения жизненного пространства на Восток в целях обеспечения существования, развития и господства арийской расы посредством ведения на территории Советского Союза войны на уничтожение, выполнение которого началось без предупреждения 22 июня 1941 года.

Немецко-фашистские захватчики, совершив 22 июня 1941 года вероломное нападение на Советский Союз, временно оккупировали территорию БССР, где по преступным указаниям гитлеровского правительства и командования германской армии, попирая правила и обычаи ведения войны, установленные международными конвенциями и договорами, проводили массовое истребление и истязание мирного населения и военнопленных, в том числе в концентрационных лагерях и лагерях смерти, осуществляли их принудительный угон в немецкое рабство, грабили, сжигали и уничтожали города, села, промышленные предприятия, школы, больницы и другие культурные и материальные ценности.

Безнаказанное применение любых форм и методов истребления советских граждан прямо предусматривалось в разработанных руководством нацистской Германии документах политического, экономического, военного

и идеологического характера, в том числе подписанной А. Гитлером 18 декабря 1940 года Директивой № 21 «План Барбаросса», Генеральным планом «Ост», в соответствии с которым не менее 75 % населения БССР подлежало уничтожению, а также переселению с занимаемой территории, оставшаяся его часть – насильственному онемечиванию.

Советские граждане, белорусы, лица иных национальностей и этнической принадлежности, находившиеся на территории БССР в годы Великой Отечественной войны (далее – белорусский народ), то есть группа, определенная нацистскими преступниками на основе национального, этнического, территориального, идеологического и других произвольных критериев, подверглись всем формам геноцида, предусмотренным Конвенцией Организации Объединенных Наций от 9 декабря 1948 года «О предупреждении преступления геноцида и наказании за него»: убийствам членов такой группы; причинением ее членам серьезных телесных повреждений или умственного расстройства; предумышленному созданию для группы таких жизненных условий, которые рассчитаны на полное физическое уничтожение ее; мерам, рассчитанным на предотвращение деторождения в среде такой группы; насильственной передаче детей из этой человеческой группы в другую.

Жители оккупированных территорий Советского Союза из числа поддерживающих идеологию нацистской Германии, являясь пособниками нацистских преступников – исполнителями приказов нацистского режима, военного командования вермахта, вспомогательной полиции и их союзников, военнослужащих СС, признанной вышеуказанным приговором Нюрнбергского трибунала преступной организацией, поступившие добровольно или по призыву на службу в указанные подразделения, а также иные лица, умышленно содействовавшие исполнению приказов нацистских преступников в любой форме, реализовывали единую с нацистскими преступниками цель планомерного уничтожения полностью белорусского народа в составе националистических (коллорабационистских) и иных преступных формирований, в том числе батальонах охранной полиции (Schutzmannschaft-Bataillone, шуцманшафт-батальоны).

Одним из указанных пособников нацистских преступников, непосредственно участвовавшим в совершении геноцида белорусского народа, являлся Катрюк Владимир Константинович, 1 октября 1921 года рождения, уроженец поселка Лужаны Кицманского района Черновицкой области Украинской Советской Социалистической Республики (до 28 июня 1940 года – территория Буковины, Румыния), умерший 22 мая 2015 года.

Катрюк В.К., преследуя цель планомерного уничтожения полностью белорусского народа, руководствуясь мотивами национальной и идеологической вражды и розни, сформированными на почве ненависти к государственной идеологии СССР, осенью 1941 года добровольно вступил во входившее в состав Организации украинских националистов формирование «Буковинский курень», затем – в 115-й батальон охранной полиции, а впоследствии до 6 января 1943 года вошел в состав 118-го батальона охранной полиции (далее – 118-й батальон).

Созданный для реализации вышеназванной преступной цели и ее осуществлявший 118-й батальон представлял собой вооруженную организованную группу, то есть устойчивое и управляемое преступное

формирование предварительно объединившихся для совместной преступной деятельности лиц, организационная структура которого включала роты, взводы, отделения, штаб и другие подразделения, имевшее на вооружении артиллерийское и стрелковое огнестрельное боевое оружие, в том числе 45-миллиметровое орудие (пушку), минометы, пулеметы, автоматы, винтовки, карабины, пистолеты и др., взрывные устройства и боеприпасы, в том числе гранаты.

Непосредственные организацию исполнения преступных нацистских приказов, в том числе бригадефюрера СС и генерал-майора полиции округа Курта фон Готтберга, и руководство 118-м батальоном осуществляли штурмбаннфюрер СС Э. Кёрнер и подчиненный ему К. Смовский.

Во исполнение общей цели нацистских преступников, направленной на геноцид белорусского народа, руководствуясь вышеназванными мотивами, осознавая фактический характер и общественную опасность совершаемых действий, их направленность на достижение названной цели, предвидя их общественно опасные последствия и желая их наступления, Катрюк В.К., имевший гражданство СССР, перешел на сторону врага и в период с января по август 1943 года в составе вооруженной организованной группы – 118-го батальона, являясь командиром отделения первого взвода первой роты данного батальона в звании «сержант», добровольно исполняя заведомо для него преступные приказы нацистских преступников, вышестоящих командиров 118-го батальона и иных лиц, действуя совместно и согласованно с начальником штаба 118-го батальона Васюрой Г.Н., осужденным приговором Военного трибунала Белорусского военного округа от 26 декабря 1986 года по части 1 статьи 61 УК БССР, командиром первого взвода первой роты – заместителем командира первой роты 118-го батальона Мелешко В.А., осужденным приговором Военного трибунала Краснознаменного Белорусского военного округа от 22 мая 1975 года по части 1 статьи 61 УК БССР, командиром отделения – помощником командира взвода этого же батальона Лакустой Г.Г., рядовыми полицейскими того же батальона Куркой М.Д., Кнапом О.Ф., Лозинским И.М. и Сахно С.В., осужденными приговором судебной коллегии по уголовным делам Гродненского областного суда от 15 марта 1974 года по части 1 статьи 61 УК БССР, а также военнослужащими особого батальона СС О. Дирлевангера, другими лицами, в том числе подчиненными ему в 118-м батальоне, в ходе осуществления на территории БССР карательных операций совершил геноцид – действия, направленные на планомерное уничтожение полностью белорусского народа, путем:

убийств, в том числе массовых, то есть умышленного противоправного лишения жизни лиц по мотивам национальной и идеологической вражды и розни, включая заведомо малолетних, престарелых и находящихся в беспомощном состоянии, беременных женщин, в том числе с особой жестокостью и общеопасным способом, посредством расстрелов из артиллерийского и стрелкового огнестрельного боевого оружия, применения взрывных устройств и боеприпасов, сожжения заживо, истязаний, нанесения ударов в жизненно важные органы, а также умышленного совершения по мотивам национальной и идеологической вражды и розни непосредственно направленных на лишение жизни указанными способами действий, в том числе в отношении заведомо

малолетних и находящихся в беспомощном состоянии, сопровождавшихся причинением лицам телесных повреждений различной степени тяжести, включая тяжкие телесные повреждения, которые не были доведены до конца по не зависящим от него обстоятельствам;

умышленного создания жизненных условий, рассчитанных на полное физическое уничтожение белорусского народа, посредством лишения, в том числе с применением насилия, опасного для жизни и здоровья потерпевших и угроз применения такого насилия (т. е. путем разбоя), жилья, продуктов питания и предметов одежды, домашнего скота и птицы, другого имущества, необходимых человеку для выживания и обеспечения минимальных жизненных потребностей, принуждения под угрозой убийства к длительному пребыванию в суровых климатических условиях в зимний период на улице без верхней одежды, обрекая людей на гибель от природных факторов и болезней, а также посредством принудительного перемещения людей в Германию в условиях, угрожающих их жизни и здоровью, и без средств к существованию, для привлечения к непосильному рабскому труду и иным формам их эксплуатации в пользу нацистской Германии, осознавая, что такие действия могут влечь гибель человека от физического изнеможения, истощения и голода, предвидя их общественно опасные последствия и желая их наступления, при следующих обстоятельствах.

1. Катрюк В.К. 6 января 1943 года, действуя в составе 118-го батальона и являясь командиром отделения – структурного подразделения вооруженной организованной группы, совместно и согласованно с Мелешко В.А., Васюрой Г.Н., Лакустой Г.Г., Куркой М.Д., Кнапом О.Ф., Лозинским И.М., Сахно С.В. и иными лицами, реализуя общую с нацистскими преступниками цель планомерного уничтожения полностью белорусского народа, имея умысел на противоправное лишение жизни (убийство) неограниченного числа лиц, создание жизненных условий, рассчитанных на полное физическое уничтожение белорусского народа, действуя по мотивам национальной и идеологической вражды и розни, осуществил карательную операцию в отношении жителей деревни Чмелевичи Плещеницкого района Минской области (в настоящее время – деревня Чмелевичи Логойского района Минской области), среди которых было не менее 20 детей, в том числе заведомо малолетних.

Находясь в указанной деревне, действуя с особой жестокостью, осознавая, что совершает убийства потерпевших в присутствии их близких и других лиц, которые понимают характер и последующую направленность его действий на лишение их жизни, и причиняет им тем самым особые нравственные и психические страдания, Катрюк В.К. совместно с иными участниками вооруженной организованной группы и другими лицами умышленно противоправно лишил жизни путем расстрела из артиллерийского и стрелкового огнестрельного боевого оружия, состоявшего на вооружении 118-го батальона, то есть находящегося в пользовании организованной группы, 3 человек:

1. Демидчик Марию,
2. Пугач Агрипину,
3. Рабецкого Василия Федоровича.

Продолжая свои преступные действия, направленные на физическое уничтожение лиц, проживавших в указанной деревне, Катрюк В.К., действуя

в составе 118-го батальона – вооруженной организованной группы, с особой жестокостью, проявляя исключительный цинизм и особую безжалостность, после лишения жизни указанных лиц принудительно, под угрозой убийства вывел местных жителей, включая заведомо малолетних и женщин (точное количество не установлено), не способных оказать ему сопротивление, из жилых домов на улицу, где в течение нескольких часов удерживал их без верхней одежды в зимнее время года в условиях морозной погоды.

Кроме того, в целях создания условий, рассчитанных на физическое уничтожение жителей деревни Чмелевичи, похитил путем разбоя принадлежащий им домашний скот и другое имущество, включая предметы одежды и запасы продовольствия, а также уничтожил общепасным способом путем поджога 58 жилых домов и иных строений, лишив жителей деревни жилья и имущества, необходимого для обеспечения минимальных жизненных потребностей и условий выживания.

2. Он же, продолжая преступную деятельность, 19 января 1943 года, действуя в составе 118-го батальона и являясь командиром отделения – структурного подразделения вооруженной организованной группы, совместно и согласованно с Мелешко В.А., Лакустой Г.Г., Куркой М.Д., Лозинским И.М., Сахно С.В. и иными лицами, реализуя общую с нацистскими преступниками цель планомерного уничтожения полностью белорусского народа, имея умысел на противоправное лишение жизни (убийство) неограниченного числа лиц, создание жизненных условий, рассчитанных на полное физическое уничтожение белорусского народа, действуя по мотивам национальной и идеологической вражды и розни, осуществил карательную операцию в деревне Селище Плещеницкого района Минской области (в настоящее время – деревня Селище Логойского района Минской области).

Находясь в указанной деревне, Катрюк В.К., являясь лицом, ранее совершившим убийство, совместно с иными участниками вооруженной организованной группы умышленно противоправно лишил жизни путем расстрела из стрелкового огнестрельного боевого оружия, состоявшего на вооружении 118-го батальона, то есть находящегося в пользовании организованной группы, 7 человек, персональные данные которых не установлены.

После этого в целях создания условий, рассчитанных на физическое уничтожение жителей деревни Селище, Катрюк В.К. совместно с иными участниками вооруженного преступного формирования уничтожил, а также под угрозой убийства путем разбоя похитил принадлежащий местным жителям домашний скот, птицу и другое имущество, включая предметы одежды и запасы продовольствия, необходимое для обеспечения минимальных жизненных потребностей и условий выживания.

3. Он же, продолжая преступную деятельность, 18 февраля 1943 года, действуя в составе 118-го батальона и являясь командиром отделения – структурного подразделения вооруженной организованной группы, совместно и согласованно с Мелешко В.А., Васюрой Г.Н., Лакустой Г.Г., Куркой М.Д., Кнапом О.Ф., Лозинским И.М., Сахно С.В. и иными лицами, реализуя общую с нацистскими преступниками цель планомерного уничтожения полностью

белорусского народа, имея умысел на противоправное лишение жизни (убийство) неограниченного числа лиц, создание жизненных условий, рассчитанных на полное физическое уничтожение белорусского народа, действуя по мотивам национальной и идеологической вражды и розни, осуществил карательную операцию в деревнях Заречье и Котели Плещеницкого района Минской области (в настоящее время – деревни Заречье и Котели Логойского района Минской области).

Находясь в названных населенных пунктах, Катрюк В.К., являясь лицом, ранее совершившим убийство, совместно с иными участниками вооруженной организованной группы, действуя с особой жестокостью, осознавая, что совершает убийства потерпевших в присутствии их близких и других лиц, которые понимают характер и последующую направленность его действий на лишение их жизни, и причиняет им особые нравственные, психические, физические страдания и мучения, умышленно противоправно лишил жизни путем расстрела из артиллерийского и стрелкового огнестрельного боевого оружия, состоявшего на вооружении 118-го батальона, то есть находящегося в пользовании организованной группы, а также общепасным способом путем поджога жилых домов и иных строений и сожжения заживо находящихся в них лиц не менее 16 человек, среди которых:

1. Бохан Ванда Викентьевна,
2. Буцкевич Вера,
3. Буцкевич Мария Ивановна,
4. Буцкевич Татьяна Иосифовна,
5. Валицкая Стефанида Андреевна,
6. Гейно Софья (София) Александровна,
7. Драгун Елизавета Антоновна,
8. Кажуро Пелагея Ивановна,
9. Лис (Бублис) Магдалена (Магдалина),
10. Медвецкая (Медведская) Мария Степановна,
11. Новодворский,
12. заведомо престарелый Петровский Тимофей,
13. Судниковский Константин,
14. Черник Михаил Федорович,
15. Черник Надежда Степановна,
16. Черник Анастасия,

и иные жители данной местности, персональные данные которых не установлены, а также указанными действиями и при названных обстоятельствах пытался умышленно противоправно лишить жизни еще не менее 6 человек – Буцкевич Елизавету, заведомо малолетнего Буцкевича Ярослава Ивановича, Веремей Марию Антоновну, Мирутко Антона Григорьевича, Ровен (Ровину) Домну Григорьевну, причинив им в результате огнестрельных ранений телесные повреждения различной степени тяжести, а также заведомо малолетнюю Баханович Елену Вильгельмовну. Убийство названных лиц не было доведено до конца по не зависящим от Катрюка В.К. обстоятельствам вследствие принятых мер по спасению жизни ими самими и другими лицами.

Кроме того, в целях создания условий, рассчитанных на физическое уничтожение жителей деревень Заречье и Котели, Катрюк В.К. совместно с иными участниками вооруженной организованной группы путем разбоя под угрозой убийства похитил принадлежащий им домашний скот и другое имущество, включая предметы одежды и запасы продовольствия, а также общеопасным способом путем поджога уничтожил 40 жилых домов и иных строений, лишив жителей деревень жилья и имущества, необходимого для обеспечения минимальных жизненных потребностей и условий выживания.

4. Он же, продолжая преступную деятельность, 22 марта 1943 года, действуя в составе 118-го батальона и являясь командиром отделения – структурного подразделения вооруженной организованной группы, совместно и согласованно с Мелешко В.А., Васюрой Г.Н., Лакустой Г.Г., Куркой М.Д., Кнапом О.Ф., Лозинским И.М., Сахно С.В. и иными лицами, реализуя общую с нацистскими преступниками цель планомерного уничтожения полностью белорусского народа, находясь возле деревни Губа Плещеницкого района Минской области (в настоящее время территория Логойского района Минской области, деревня после Великой Отечественной войны не восстановлена), имея умысел на противоправное лишение жизни (убийство) неограниченного числа лиц, создание жизненных условий, рассчитанных на полное физическое уничтожение белорусского народа, действуя по мотивам национальной и идеологической вражды и розни, осуществил карательную операцию в отношении жителей данной местности.

Катрюк В.К., являясь лицом, ранее совершившим убийство, совместно с иными участниками вооруженной организованной группы, принудительно под угрозой убийства вывел мужчин, женщин и несовершеннолетних подростков, которые по указанию оккупационных властей под угрозой расправы занимались вырубкой леса вдоль шоссе Плещеницы – Логойск, из лесного массива на проезжую часть дороги, заставил следовать в направлении н. п. Плещеницы и, реализуя умысел на совершение массового убийства мирных жителей, умышленно противоправно лишил жизни путем расстрела из стрелкового огнестрельного боевого оружия, состоявшего на вооружении 118-го батальона, то есть находящегося в пользовании организованной группы, не менее 30 человек, среди которых:

1. Акулич Александр,
2. Акулич Иосиф,
3. несовершеннолетний Акулич Михаил Михайлович,
4. Бальцевич (Балцевич) Иван Антонович,
5. Вашкевич Антон,
6. Доменецкий Доменик,
7. Дорожинский Петр Казимирович,
8. Картуль Антон Степанович,
9. Карчашко (Корчашко, Курчашка) Аделя Феликсовна,
10. Карчашка Стася,
11. Корчашко (Карчашка) Александр Адамович,
12. несовершеннолетняя Корчашко (Карчашка) Екатерина (Кася) Александровна,
13. Корчашко (Карчашка) Петр Павлович,
14. Курако (Курака) Павел Аврамович,

15. Лайковский Антон Иванович,
16. Лайковский Иван,
17. несовершеннолетний Лис Антон Иванович,
18. Лис Антон Иванович,
19. Лис Болеслав (Болислав) Иванович,
20. Лис Бронислав Иванович,
21. Лис Виктор,
22. Лис Станислав Антонович,
23. Лис Степан Иванович,
24. Лис Юльян Семенович,
25. Лис Янина Ивановна,
26. Петровский Казимир Ильич,
27. Рашкевич Антон,
28. Рашкевич Павлина Францевна,
29. Тихонович (Тиханович) Иван,
30. Чернявский Зенон Павлович,

и иные жители данной местности, персональные данные которых не установлены, а также указанными действиями и при названных обстоятельствах пытался умышленно противоправно лишить жизни еще не менее 12 человек, в том числе Анискевича (Анисковича) Иосифа Ивановича, несовершеннолетнего Акулича (Окулича) Петра Иосифовича, Гуздельского Казимира Иосифовича, Корчашко Ивана, Лайковского Степана Ивановича, Лиса Петра Григорьевича, несовершеннолетнюю Шалупину Надежду (Ядвигу) Петровну, Шатило Владимира Брониславовича, причинив им в результате огнестрельных ранений телесные повреждения различной степени тяжести, а также Вашкевича Казимира, Германович Станиславу Васильевну, Гуздельского Болеслава Казимировича, Лиса Михаила Иосифовича и иных жителей данной местности, персональные данные которых не установлены. Убийство названных лиц не было доведено до конца по не зависящим от Катрюка В.К. обстоятельствам вследствие принятых мер по спасению жизни ими самими и другими лицами.

5. Он же, продолжая преступную деятельность, в этот же день, 22 марта 1943 года, после совершения массового убийства мирных жителей возле деревни Губа Логойского района Минской области, действуя в составе 118-го батальона и являясь командиром отделения – структурного подразделения вооруженной организованной группы, совместно и согласованно с Мелешко В.А., Васюрой Г.Н., Лакустой Г.Г., Куркой М.Д., Кнапом О.Ф., Лозинским И.М., Сахно С.В. и иными лицами, а также военнослужащими особого батальона СС О. Дирлевангера, реализуя общую с нацистскими преступниками цель планомерного уничтожения полностью белорусского народа, имея умысел на противоправное лишение жизни (убийство) неограниченного числа лиц, создание жизненных условий, рассчитанных на полное физическое уничтожение белорусского народа, действуя по мотивам национальной и идеологической вражды и розни, осуществил карательную операцию в деревне Хатынь Плещеницкого района Минской области (в настоящее время территория Логойского района Минской области, деревня после Великой Отечественной войны не восстановлена).

Находясь в указанном населенном пункте, Катрюк В.К., являясь лицом, ранее совершившим убийство, совместно и согласованно с Мелешко В.А.,

Васюрой Г.Н., Лакустой Г.Г., Куркой М.Д., Кнапом О.Ф., Лозинским И.М., Сахно С.В., иными участниками вооруженной организованной группы и иными лицами с целью убийства принудительно водворил жителей деревни в сарай и, препятствуя возможности покинуть данное помещение, запер его, после чего, действуя с особой жестокостью, осознавая, что причиняет потерпевшим, в том числе заведомо малолетним и находящимся в беспомощном состоянии, особые страдания и мучения, совершая убийства потерпевших в присутствии их близких и других лиц, которые понимают характер и последующую направленность его действий на лишение их жизни, проявляя особое зверство, исключительный цинизм и особую безжалостность по отношению к лицам, лишенным возможности оказать сопротивление и иным образом противостоять ему и другим карателям, умышленно противоправно общепасным способом путем поджога сарая и сожжения находившихся в нем лиц заживо, расстрелял их из стрелкового огнестрельного боевого оружия, состоявшего на вооружении 118-го батальона, то есть находящегося в пользовании организованной группы, а также состоявшего на вооружении особого батальона СС О. Дирлевангера, лишил жизни 149 человек (в том числе не менее 77 детей), а именно:

1. Барановскую Анну Викентьевну,
2. Барановского Иосифа Ивановича,
3. несовершеннолетнего Барановского Николая,
4. несовершеннолетнего Барановского Станислава,
5. малолетнего Барановского Владимира,
6. малолетнего Барановского Геннадия,
7. малолетнюю Барановскую Леониду,
8. малолетнюю Барановскую Марию,
9. малолетнюю Барановскую Софию,
10. малолетнюю Барановскую Елену,
11. Барановскую Софию,
12. Барановскую Ванду,
13. несовершеннолетнюю Барановскую Анну,
14. малолетнего Барановского Николая,
15. Довгеля Антона Антоновича,
16. малолетнего Довгеля Бориса,
17. Дразынскую Юзефу Антоновну,
18. малолетнюю Дразынскую Валентину,
19. малолетнюю Дразынскую Михалину,
20. Желобковича Андрея Ивановича,
21. Желобкович Анну Викентьевну,
22. несовершеннолетнего Желобковича Степана,
23. несовершеннолетнюю Желобкович Анну,
24. малолетнюю Желобкович Софию,
25. Желобковича Петра Антоновича,
26. Желобкович Стефаниду Алексеевну,
27. несовершеннолетнюю Желобкович Ольгу,
28. несовершеннолетнего Желобковича Станислава,
29. малолетнюю Желобкович Раису,
30. малолетнюю Желобкович Лидию,
31. Желобковича Романа Степановича,
32. Желобкович Стефаниду Ивановну,

33. малолетнего Желобковича Виктора,
34. малолетнюю Желобкович Галину,
35. Желобковича Ивана Ивановича,
36. Желобкович Софию Антоновну,
37. Желобковича Владимира,
38. малолетнюю Желобкович Лену,
39. малолетнюю Желобкович Леониду,
40. малолетнего Желобковича Михаила,
41. Желобкович Марию,
42. Желобкович Ефрасинию Ивановну,
43. Желобковича Иосифа,
44. Желобкович Ольгу,
45. Жыдовича Савелия Казимировича,
46. Жыдович Елену Антоновну,
47. малолетнего Жыдовича Степана,
48. малолетнего Жыдовича Казимира,
49. малолетнего Жыдовича Адама,
50. малолетнего Жыдовича Николая,
51. малолетнего Жыдовича Вячеслава,
52. малолетнего Жыдовича Михаила,
53. Жыдович Марию Антоновну,
54. Иотку Казимира Феликсовича,
55. Иотку Елену Степановну,
56. Иотку Марию,
57. несовершеннолетнего Иотку Альберта,
58. малолетнюю Иотку Станиславу,
59. малолетнего Иотку Доминика,
60. малолетнюю Иотку Регину,
61. малолетнего Иотку Степана,
62. малолетнего Иотку Юзефа,
63. Иотку Ивана Александровича,
64. Иотку Анастасию Степановну,
65. малолетнего Иотку Казимира,
66. малолетнюю Иотку Юзефу,
67. Каминского Ивана Иосифовича,
68. Каминскую Ольгу Антоновну,
69. Каминского Вячеслава,
70. несовершеннолетнюю Каминскую Марию,
71. малолетнего Каминского Станислава,
72. малолетнюю Каминскую Аню,
73. малолетнюю Каминскую Юзефу,
74. Каминскую Адэлю,
75. Каминскую Ядвигу,
76. несовершеннолетнего Каминского Адама,
77. малолетнего Каминского Михаила,
78. малолетнюю Каминскую Вилю,
79. Карабан Юлию Амбросиевну,
80. Карабана Иосифа,
81. Карабан Марию,

82. Карабан Анну,
83. Карабана Виктора,
84. малолетнего Карабана Владимира,
85. Карабана Петра Васильевича,
86. Карабан Елену Гавриловну,
87. Карабана Константина Устиновича,
88. Карабан Марию,
89. несовершеннолетнюю Карабан Леокадию,
90. малолетнюю Карабан Надежду,
91. малолетнего Карабана Константина,
92. Климовича Антона Максимовича,
93. Климович Юлию,
94. несовершеннолетнего Климовича Антона,
95. Кункевича Антона,
96. Миранович Стефаниду Климентьевну,
97. Мирановича Иосифа Иосифовича,
98. Миранович Феклу Николаевну,
99. Миранович Нину,
100. малолетнего Мирановича Федора,
101. малолетнего Мирановича Петра,
102. малолетнего Мирановича Василия,
103. малолетнюю Миранович Елену,
104. Новицкого Александра Романовича,
105. Новицкую Александру,
106. несовершеннолетнего Новицкого Леонида,
107. малолетнего Новицкого Евгения,
108. малолетнюю Новицкую Марию,
109. малолетнюю Новицкую Анну,
110. малолетнего Новицкого Константина,
111. малолетнего Новицкого Антона,
112. малолетнего Новицкого Михаила,
113. Рудак Марию Ивановну,
114. Рудак Зинаиду,
115. малолетнего Рудака Александра,
116. малолетнюю Рудак Регину,
117. малолетнего Рудака Антона,
118. Рудака Иосифа Ивановича,
119. Рудак Прасковью Ивановну,
120. Рудака Михаила Иосифовича,
121. Рудак Христину,
122. малолетнюю Рудак Софию,
123. малолетнюю Рудак Христину,
124. Рудак Стефаниду Антоновну,
125. Слонскую Христину Максимовну,
126. малолетнего Соколовского Петра Леоновича,
127. Федарович Анну Сидоровну,
128. Федаровича Иосифа Сидоровича,
129. Федарович Петрунелю Амбросиевну,
130. Федарович Марию,

131. Федаровича Антона,
132. Федаровича Иосифа Иосифовича,
133. Федарович Юлию Антоновну,
134. малолетнюю Федарович Екатерину,
135. малолетнюю Федарович Аню,
136. Яскевича Ивана Антоновича,
137. Яскевич Юлию Ивановну,
138. малолетнюю Яскевич Софию,
139. малолетнюю Яскевич Елену,
140. малолетнюю Яскевич Аню,
141. малолетнего Яскевича Михаила,
142. Яскевича Антона Антоновича,
143. Яскевич Елену Сидоровну,
144. Яскевича Виктора,
145. Яскевич Ванду,
146. Яскевич Веру,
147. малолетнюю Яскевич Надежду,
148. малолетнего Яскевича Владислава,
149. малолетнего Яскевича Толика,

а также указанными действиями и при названных обстоятельствах пытался умышленно противоправно лишить жизни 3 жителей деревни: малолетнего Барановского Антона Иосифовича, малолетнего Желобковича Виктора Андреевича, Каминского Иосифа Иосифовича, причинив им телесные повреждения различной степени тяжести в результате огнестрельных ранений, а Каминскому И.И. и в виде ожогов, однако не довел преступление до конца по независящим от него обстоятельствам, поскольку названным потерпевшим удалось спастись из горящего сарая и скрыться.

В целях создания условий, рассчитанных на физическое уничтожение выживших жителей деревни и иных жителей данной местности, Катрюк В.К. совместно с иными участниками вооруженного преступного формирования путем разбоя похитил принадлежащее жителям деревни Хатынь имущество, уничтожил общепасным способом путем поджога 26 жилых домов и иных строений, лишив выживших и иных жителей данной местности жилья и имущества, необходимого для обеспечения минимальных жизненных потребностей и условий выживания.

6. Он же, продолжая преступную деятельность, 5 апреля 1943 года, действуя в составе 118-го батальона и являясь командиром отделения – структурного подразделения вооруженной организованной группы, совместно и согласованно с Лакустой Г.Г., Куркой М.Д., Кнапом О.Ф., Лозинским И.М., Сахно С.В. и иными лицами, реализуя общую с нацистскими преступниками цель планомерного уничтожения полностью белорусского народа, имея умысел на противоправное лишение жизни (убийство) неограниченного числа лиц, создание жизненных условий, рассчитанных на полное физическое уничтожение белорусского народа, действуя по мотивам национальной и идеологической вражды и розни, осуществил карательную операцию в отношении жителей деревень Рассохи и Малые Нестановичи Плещеницкого района Минской области (в настоящее время – деревни Росохи и Малые Нестановичи Логойского района).

Находясь возле указанных деревень, Катрюк В.К., являясь лицом, ранее совершившим убийство, совместно с иными участниками вооруженной организованной группы умышленно противоправно лишил жизни путем расстрела из стрелкового огнестрельного боевого оружия, состоявшего на вооружении 118-го батальона, то есть находящегося в пользовании организованной группы, не менее 9 человек:

1. Гейно Гелену (Елену),
2. Гороховик Марию,
3. Гунько Марию,
4. Кушнеревич Генефу (Евгению),
5. Хоревич (Харевич) Зофью (Софию),
6. Хоревич (Харевич) Валентину,
7. заведомо малолетнего Хоревича (Харевича) Александра,
8. Хоревич Ядвигу Иосифовну,
9. Шавейко Василия.

При этом убийство Шавейко В. было совершено Катрюком В.К. и действовавшими совместно с ним участниками преступного формирования с особой жестокостью: после производства нескольких выстрелов из огнестрельного оружия в живот потерпевшему Шавейко В., не способному вследствие полученных телесных повреждений оказывать какое-либо сопротивление, то есть находящемуся в беспомощном состоянии, были нанесены удары прикладами данного оружия в голову, что сопровождалось причинением потерпевшему особых физических страданий и мучений.

7. Он же, продолжая преступную деятельность, в апреле 1943 года (более точное время следствием не установлено), действуя в составе 118-го батальона и являясь командиром отделения – структурного подразделения вооруженной организованной группы, совместно и согласованно с Васюрой Г.Н., Лакустой Г.Г. и иными лицами, реализуя общую с нацистскими преступниками цель планомерного уничтожения полностью белорусского народа, имея умысел на противоправное лишение жизни (убийство) неограниченного числа лиц, создание жизненных условий, рассчитанных на полное физическое уничтожение белорусского народа, действуя по мотивам национальной и идеологической вражды и розни, являясь лицом, ранее совершившим убийство, находясь в городском поселке Плещеницы Плещеницкого района Минской области (в настоящее время – городской поселок Плещеницы Логойского района Минской области), подверг пыткам и истязанию Андриянова (Андрианова) Василия Ивановича, партизана отряда «Мститель» бригады «Народные мстители» Минской области, осуществлявшего борьбу с немецко-фашистскими захватчиками, после чего умышленно противоправно лишил его жизни путем расстрела из стрелкового огнестрельного боевого оружия, состоявшего на вооружении 118-го батальона, то есть находящегося в пользовании организованной группы.

8. Он же, продолжая преступную деятельность, 13 мая 1943 года, действуя в составе 118-го батальона и являясь командиром отделения – структурного подразделения вооруженной организованной группы, совместно и согласованно с Мелешко В.А., Васюрой Г.Н., Лакустой Г.Г., Куркой М.Д., Лозинским И.М., Сахно С.В. и иными лицами, реализуя общую с нацистскими преступниками цель планомерного уничтожения полностью белорусского народа, имея

умысел на противоправное лишение жизни (убийство) неограниченного числа лиц, создание жизненных условий, рассчитанных на полное физическое уничтожение белорусского народа, действуя по мотивам национальной и идеологической вражды и розни, осуществил карательную операцию в деревне Дальковичи Плещеницкого района Минской области (в настоящее время – деревня Дальковичи Логойского района Минской области).

Находясь в указанной деревне, Катрюк В.К., являясь лицом, ранее совершившим убийство, совместно с иными участниками вооруженной организованной группы умышленно противоправно, с особой жестокостью и общеопасным способом, лишил жизни, в том числе лицо, заведомо находящееся в беспомощном состоянии, путем расстрела из артиллерийского и стрелкового огнестрельного боевого оружия, состоявшего на вооружении 118-го батальона, то есть находящегося в пользовании организованной группы, и сожжения заживо не менее 14 человек:

1. Аринича Данилу (Даниила) Ларионовича (Илларионовича),
2. Бардушко Василия Адамовича,
3. Бичун Зинаиду Павловну,
4. Глинского Николая Никитовича,
5. Жило (Жила) Григория Игнатьевича,
6. Истягина Петра,
7. Ковшик Дорофею, заведомо находившуюся в беспомощном состоянии вследствие полной слепоты,
8. Кононович Анну Станиславовну,
9. Кононовича Герасима Андреевича (Александровича),
10. Кононович (Конанович) Пелагею Даниловну,
11. Немыткова Григория Андреевича,
12. Новицкого Василия Иосифовича,
13. Рулева Анатолия Павловича,
14. Устин (Устим) Марию Яковлевну,

и иных жителей данной местности, персональные данные которых не установлены.

При этом убийства потерпевших Кононовича Г.А. и Кононович А.С. совершены Катрюком В.К. и действовавшими совместно с ним участниками преступного формирования с особой жестокостью: Кононович Г.А. был привязан к столбу возле его подожженного дома и сожжен заживо, а на груди Кононович А.С. вырезана пятиконечная звезда, что сопровождалось причинением потерпевшим особых физических страданий и мучений.

Кроме того, в целях создания условий, рассчитанных на физическое уничтожение жителей деревни Дальковичи, Катрюк В.К. совместно с иными участниками вооруженного преступного формирования путем разбоя похитил принадлежащий им домашний скот и другое имущество, уничтожил общеопасным способом путем поджога 55 жилых домов и иных строений, лишив жителей деревни жилья и имущества, необходимого для обеспечения минимальных жизненных потребностей и условий выживания.

9. Он же, продолжая преступную деятельность, с марта по май 1943 года (более точное время следствием не установлено), действуя в составе 118-го батальона и являясь командиром отделения – структурного подразделения вооруженной организованной группы, реализуя общую с нацистскими

преступниками цель планомерного уничтожения полностью белорусского народа, имея умысел на противоправное лишение жизни (убийство) неограниченного числа лиц, создание жизненных условий, рассчитанных на полное физическое уничтожение белорусского народа, действуя по мотивам национальной и идеологической вражды и розни, являясь лицом, ранее совершившим убийство, находясь вблизи деревни Козыри Логойского района Минской области, умышленно противоправно лишил жизни путем расстрела из стрелкового огнестрельного боевого оружия, находящегося у него в пользовании, одного неустановленного мужчину – жителя данной деревни.

10. Он же, продолжая преступную деятельность, в период с 15.05.1943 по 21.06.1943, действуя в составе 118-го батальона и являясь командиром отделения – структурного подразделения вооруженной организованной группы, совместно и согласованно с Васюрой Г.Н., Лакустой Г.Г., Куркой М.Д., Кнапом О.Ф., Лозинским И.М., Сахно С.В. и иными лицами, реализуя общую с нацистскими преступниками цель планомерного уничтожения полностью белорусского народа, имея умысел на противоправное лишение жизни (убийство) неограниченного числа лиц, создание жизненных условий, рассчитанных на полное физическое уничтожение белорусского народа, действуя по мотивам национальной и идеологической вражды и розни, осуществил карательную операцию под наименованием «Коттбус», проводившуюся в соответствии с приказом от 15 мая 1943 года бригадефюрера СС и генерал-майора полиции К. фон Готтберга при участии особого батальона под командованием оберштурмбаннфюрера СС О. Дирлевангера и других преступных вооруженных формирований в районе населенных пунктов Хрост – Плещеницы – Докшицы – Лепель, а также других населенных пунктов в районе реки Березины и озера Палик на территориях Минской и Витебской областей. Задачи карательной операции «Коттбус» предусматривали уничтожение советских партизан, осуществлявших борьбу с немецко-фашистскими захватчиками, разрушение их лагерей и изъятие продовольственных запасов, убийство местных жителей и их принудительный угон для привлечения к рабскому труду в пользу нацистской Германии, уничтожение их жилых домов, полное лишение всех сельскохозяйственных продуктов и домашнего скота.

В ходе указанной карательной операции Катрюк В.К., являясь лицом, ранее совершившим убийство, действуя в составе 118-го батальона и являясь командиром отделения – структурного подразделения вооруженной организованной группы, совместно и согласованно с Мелешко В.А., Васюрой Г.Н., Лакустой Г.Г., Куркой М.Д., Кнапом О.Ф., Лозинским И.М., Сахно С.В. и иными лицами, реализуя общую с нацистскими преступниками цель планомерного уничтожения полностью белорусского народа, имея умысел на противоправное лишение жизни (убийство) неограниченного числа лиц, создание жизненных условий, рассчитанных на полное физическое уничтожение белорусского народа, действуя по мотивам национальной и идеологической вражды и розни, 22 мая 1943 года в деревне Вилейка Бегомльского района Минской области (в настоящее время – деревня Вилейка Докшицкого района Витебской области), с целью убийства принудительно водворил не менее 30 местных жителей, среди которых в основном были женщины и дети, в сарай и, препятствуя возможности покинуть данное помещение, запер его.

После чего Катрюк В.К. совместно с иными участниками вооруженного преступного формирования, действуя с особой жестокостью, осознавая, что причиняет потерпевшим, в том числе заведомо малолетним, престарелым и находящимся в беспомощном состоянии, беременной женщине, особые страдания и мучения, совершая убийства потерпевших в присутствии их близких и других лиц, которые понимают характер и последующую направленность его действий на лишение их жизни, проявляя особое зверство, исключительный цинизм и особую безжалостность по отношению к лицам, лишенным возможности оказать сопротивление и иным образом противостоять ему и другим карателям, умышленно противоправно общепасным способом лишил жизни находящихся в сарае лиц путем расстрела из артиллерийского и стрелкового огнестрельного боевого оружия, состоявшего на вооружении 118-го батальона, применения взрывных устройств и боеприпасов, находящихся в пользовании организованной группы, и сожжения заживо.

Продолжая свои преступные действия, Катрюк В.К. 22–23 мая 1943 года в том же месте совместно с иными участниками вооруженного преступного формирования умышленно противоправно лишил жизни путем расстрела из стрелкового огнестрельного боевого оружия, состоявшего на вооружении 118-го батальона, то есть находящегося в пользовании организованной группы, еще не менее 5 лиц, находившихся в указанной деревне.

Всего в деревне Вилейка Катрюк В.К., являясь лицом, ранее совершившим убийство, действуя в составе вооруженной организованной группы, с особой жестокостью, общепасным способом, по мотивам политической и идеологической вражды и розни, умышленно противоправно лишил жизни не менее 35 человек, в том числе заведомо малолетних, престарелых и находящихся в беспомощном состоянии, беременную женщину, среди которых:

престарелый Гайчук (Гойчук) Федор Павлович,
Завадская Елена и ее двое малолетних детей,
Завадский Николай Андреевич,
Завадский Трофим (Трафим, Атрахим) Иванович,
Зикрацкий Леон (Леонид),
Зикрацкий Николай,
Зикрацкая Прузина (Прузына) Фоминична,
Зикрацкая Татьяна Ефимовна и ее пятеро детей, из них четверо – малолетние,
Падемацкий (Падомацкий, Подемацкий) Александр (Алексей),
Падемацкая (Падомацкая, Подемацкая) Ульяна Юльяновна и ее не менее двух малолетних детей,
Смоленский Антон,
Садко Вера Антоновна и ее двое малолетних детей – Марфа и Зина,
Соболь (Собаль) Иван,
малолетний Черныш Алеша (Алексей),
беременная Черныш Анна Федоровна и ее трое малолетних детей, один несовершеннолетний ребенок,
Черныш Степанида Кондратьевна,
престарелая Шинкевич Анастасия Антоновна,
Шинкевич Анатолий Антонович,
Шинкевич Антон Иванович,
Юзько (Юсько) Василий Иванович,

и иные жители данной местности, персональные данные которых не установлены.

Кроме того, в целях создания жизненных условий, рассчитанных на полное физическое уничтожение белорусского народа, Катрюк В.К. совместно с иными участниками вооруженного преступного формирования, в ходе карательной операции «Коттбус» под угрозой убийства осуществил захват не менее 6 жителей этой местности из числа молодежи для их последующего направления в условиях, угрожающих их жизни и здоровью, и без средств к существованию, в Германию для привлечения к непосильному рабскому труду и иным формам их эксплуатации в пользу нацистской Германии, осознавая, что такие действия могут влечь гибель человека от физического изнеможения, истощения и голода, желая совершить эти действия, предвидя их опасные последствия и желая их наступления. При этом путем разбоя под угрозой убийства похитил принадлежащий жителям деревни Вилейка домашний скот и другое имущество, включая предметы одежды и запасы продовольствия, уничтожил общепасным способом путем поджога 39 жилых домов и иных строений, лишив оставшихся жителей деревни жилья и имущества, необходимого для обеспечения минимальных жизненных потребностей и условий выживания.

11. Он же, продолжая преступную деятельность, 27 мая 1943 года, действуя в составе 118-го батальона и являясь командиром отделения – структурного подразделения вооруженной организованной группы, совместно и согласованно с Мелешко В.А., Васюрой Г.Н., Лакустой Г.Г., Куркой М.Д., Лозинским И.М., Сахно С.В. и иными лицами, реализуя общую с нацистскими преступниками цель планомерного уничтожения полностью белорусского народа, имея умысел на противоправное лишение жизни (убийство) неограниченного числа лиц, создание жизненных условий, рассчитанных на полное физическое уничтожение белорусского народа, действуя по мотивам национальной и идеологической вражды и розни, осуществил карательную операцию в деревне Осовы Бегомльского района Минской области (в настоящее время – деревня Осовы Докшицкого района Витебской области).

Находясь в указанном населенном пункте, Катрюк В.К., являясь лицом, ранее совершившим убийство, совместно с иными участниками вооруженной организованной группы с целью убийства принудительно водворил жителей деревни в сарай и, препятствуя возможности покинуть данное помещение, запер его, после чего, действуя с особой жестокостью, осознавая, что причиняет потерпевшим, в том числе заведомо малолетним и находящимся в беспомощном состоянии, особые страдания и мучения, совершая убийства потерпевших в присутствии их близких и других лиц, которые понимают характер и последующую направленность его действий на лишение их жизни, проявляя особое зверство, исключительный цинизм и особую безжалостность по отношению к лицам, лишенным возможности оказать сопротивление и иным образом противостоять ему и другим карателям, умышленно противоправно общепасным способом путем поджога сарая и сожжения находившихся в нем лиц заживо, расстрела их из стрелкового огнестрельного боевого оружия, состоявшего на вооружении 118-го батальона, применения взрывных устройств и боеприпасов, находящихся в пользовании организованной группы, лишил жизни не менее 78 человек, включая заведомо малолетних, среди которых:

супруга Гаравчика Афанасия Антоновича – Анна и ее не менее трех детей, Гаравчик (Горавчик) Мария Афанасьевна и ее трое детей, Гриб (Грип) Ольга с малолетним сыном, Ковель Макрина Дмитриевна, Островко (Островка, Астровко) Иван, Политико (Политыко) Полина (Пелогей) Ивановна, Семенчук (Семенчик) Поликарп Александрович, Семенчук (Семенчик) Просковья (Прасковья, Парасья), малолетняя Семенчук (Семенчик) Зинаида Поликарповна, Скаун Анна и ее трое малолетних детей – Владимир, Галина и Виктор, Скаун Анастасия Николаевна и ее трое малолетних детей, малолетний Скаун Владимир Иванович, малолетняя Скаун Зинаида Ивановна, малолетний Скаун Николай Иванович, Скаун Степан Михайлович, его супруга и их не менее двух детей, супруга Скауна Константина Адамовича – Мария (Марья) и ее трое детей, Сушко Александра Антоновна, Сушко Анна Ивановна и ее четверо малолетних детей – дочери Ядвига и Нина, сыновья Виктор и Тимофей,

Шило Анастасия Григорьевна и ее двое малолетних детей – Владимир и Валентина, и иные жители данной местности, персональные данные которых не установлены.

12. Он же, продолжая преступную деятельность, в июле – августе 1943 года, действуя в составе 118-го батальона и являясь командиром отделения – структурного подразделения вооруженной организованной группы, совместно и согласованно с Васюрой Г.Н., Лакустой Г.Г., Куркой М.Д., Кнапом О.Ф., Лозинским И.М., Сахно С.В. и иными лицами, реализуя общую с нацистскими преступниками цель планомерного уничтожения полностью белорусского народа, имея умысел на противоправное лишение жизни (убийство) неограниченного числа лиц, создание жизненных условий, рассчитанных на полное физическое уничтожение белорусского народа, действуя по мотивам национальной и идеологической вражды и розни, осуществил карательную операцию под наименованием «Герман», проводившуюся в соответствии с приказом от 7 июля 1943 года бригадефюрера СС и генерал-майора полиции К. фон Готтберга при участии особого батальона под командованием оберштурмбаннфюрера СС О. Дирлевангера и других преступных вооруженных формирований в районе населенных пунктов Мир – Рубежовичи – Раков – Холькло – Богданов – Ивье – Пудино – Кореличи. Задачи карательной операции «Герман» предусматривали уничтожение советских партизан, осуществлявших борьбу с немецко-фашистскими захватчиками, разрушение их лагерей и изъятие продовольственных запасов, убийство местных жителей и их принудительный угон для привлечения к рабскому труду в пользу нацистской Германии, уничтожение их жилых домов, полное лишение всех сельскохозяйственных продуктов и домашнего скота.

Находясь в указанный период в Лучинском Бору Налибокской пущи, расположенном вблизи деревни Каменская Слобода Юратишского района Барановичской области (в настоящее время – деревня Каменная Слобода

Ивьевского района Гродненской области), Катрюк В.К., являясь лицом, ранее совершившим убийство, действуя в составе 118-го батальона и являясь командиром отделения – структурного подразделения вооруженной организованной группы, совместно и согласованно с Васюрой Г.Н., Лакустой Г.Г., Куркой М.Д., Кнапом О.Ф., Лозинским И.М., Сахно С.В., иными участниками вооруженной организованной группы и иными лицами, обнаружил скрывавшихся от преследования карателей в землянках жителей данной местности еврейской национальности и, действуя с особой жестокостью, осознавая, что совершает убийства потерпевших в присутствии их близких и других лиц, которые понимают характер и последующую направленность его действий на лишение их жизни, и причиняет им тем самым особые нравственные и психические страдания, путем применения взрывных устройств и боеприпасов, расстрела из стрелкового огнестрельного боевого оружия, состоявших на вооружении 118-го батальона, то есть находящихся в пользовании организованной группы, умышленно противоправно лишил жизни не менее 50 человек, в том числе заведомо малолетних и престарелых (их персональные данные не установлены).

Таким образом, реализуя общую с нацистскими преступниками цель планомерного уничтожения полностью белорусского народа, перейдя на сторону врага и действуя в составе вооруженной организованной группы, Катрюк В.К. по мотивам национальной и идеологической вражды и розни умышленно противоправно лишил жизни, в том числе с особой жестокостью и общеопасным способом, посредством расстрелов из артиллерийского и стрелкового огнестрельного боевого оружия, применения взрывных устройств и боеприпасов, сожжения заживо, истязаний, нанесения ударов в жизненно важные органы, не менее 393 человек, включая не менее 125 детей, в том числе заведомо малолетних, а также престарелых и находящихся в беспомощном состоянии лиц, беременных женщин, являясь лицом, ранее совершившим убийство, и во исполнение названной цели указанными способами по мотивам национальной и идеологической вражды и розни умышленно покушался на лишение жизни еще не менее 21 человека, включая заведомо малолетних и находящихся в беспомощном состоянии, причинив им телесные повреждения различной степени тяжести, в том числе тяжкие телесные повреждения, однако не смог довести свои преступные действия, направленные на лишение их жизни, до конца по не зависящим от него обстоятельствам; умышленно создал жизненные условия, рассчитанные на полное физическое уничтожение белорусского народа, посредством лишения, в том числе путем разбоя, жителей не менее 7 деревень жилья, продуктов питания и предметов одежды, домашнего скота и птицы, другого имущества, необходимых человеку для выживания и обеспечения минимальных жизненных потребностей, а также посредством принудительного перемещения в Германию в условиях, угрожающих их жизни и здоровью, и без средств к существованию, для привлечения к непосильному рабскому труду и иным формам их эксплуатации в пользу нацистской Германии не менее 6 человек, осознавая, что такие действия могут влечь гибель человека от физического изнеможения, истощения и голода, предвидя их общественно опасные последствия и желая их наступления.

Всего нацистскими преступниками и их пособниками с целью планомерного уничтожения полностью белорусского народа в годы Великой Отечественной войны на территории БССР умышленно противоправно лишено жизни около 3 миллионов мирных граждан и военнопленных; принудительно угнано на территорию Западной Европы, включая Германию, для привлечения к рабскому труду и иным формам эксплуатации в пользу нацистской Германии не менее 377 776 человек; разрушено не менее 209 городов, сожжено полностью или частично, в том числе вместе с жителями, не менее 11 726 сел и деревень; уничтожено и угнано в Германию не менее 2 800 000 голов крупного и не менее 5 700 000 мелкого скота, а всего республике причинен имущественный ущерб в размере, эквивалентном не менее 43 529,3 тонны золота.

Своими умышленными действиями Катрюк В.К. совершил геноцид – действия, совершаемые с целью планомерного уничтожения полностью белорусского народа – национальной, этнической группы и группы, определенной на основе территориального, идеологического и других произвольных критериев, путем убийства членов такой группы и причинения им тяжких телесных повреждений, умышленного создания жизненных условий, рассчитанных на полное физическое уничтожение такой группы, то есть преступление, предусмотренное статьей 127 УК Республики Беларусь.

Принимая во внимание, что при производстве предварительного расследования возникли основания для предъявления Катрюку В.К. обвинения, руководствуясь статьями 185, 240, 241, 243, 468-18 УПК Республики Беларусь,

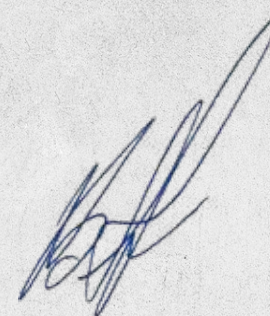
ПОСТАНОВИЛ:

1. Привлечь Катрюка Владимира Константиновича, 1 октября 1921 года рождения, уроженца поселка Лужаны Кицманского района Черновицкой области Украинской Советской Социалистической Республики (до 28 июня 1940 года – территория Буковины, Румыния), умершего 22 мая 2015 года, в качестве обвиняемого по уголовному делу № 87028030015 в совершении преступления, предусмотренного статьей 127 УК Республики Беларусь.

2. Копию постановления направить прокурору, осуществляющему надзор за ходом расследования уголовного дела, и вручить защитнику.

Руководитель группы прокуроров –
Начальник управления Генеральной
прокуратуры Республики Беларусь
по надзору за расследованием особо
важных уголовных дел

полковник юстиции

В.В. Толкачев

*Материалы уголовного дела № 21028030022 о геноциде населения Беларуси
в годы Великой Отечественной войны и послевоенный период*

Из протокола допроса свидетеля, заместителя директора Национального архива Республики Беларусь С.В. Кулинка от 31 октября – 1 ноября 2023 г.

«...С приходом в январе 1933 года к власти Адольфа Гитлера в нацистской Германии началась постепенная реализация идеи «расширения жизненного пространства на Восток» (имеется в виду территория Третьего рейха), которая подразумевала захват обширных территорий Восточной Европы, в том числе Советского Союза, вплоть до Урала. Обоснованием концепции идеи «жизненного пространства» стала расовая теория Адольфа Гитлера о превосходстве арийской нордической расы над остальными и необходимость создания условий для дальнейшего развития данной расы, в том числе посредством колонизации территорий, занимаемых восточно-славянскими народами.

Концепция изначально начала реализовываться на идеологическом уровне, в обществе путем массовой пропаганды идей расового превосходства и захвата жизненного пространства. Впоследствии Германия в одностороннем порядке отказалась соблюдать условия Версальского договора 1919 года. Этим договором Германия (-и): 1) лишалась части своих территорий; 2) ограничивалась в развитии своих вооруженных сил (армия численностью не более 100 тысяч); 3) запрещалось иметь наступательные виды вооружения (боевой флот и т. д.). Вопреки условиям указанного договора, нацистская Германия начала активную милитаризацию.

Военный поход Германии против СССР А. Гитлер стратегически планировал почти сразу после прихода к власти. Однако разработка соответствующих нормативных документов военного, политического и экономического характера во исполнение указанной цели в нацистской Германии началась не позднее второй половины 1940 года.

Военное вторжение на территорию СССР руководством нацистской Германии объявлялось «войной на уничтожение». Война, которую планировало развязать немецкое руководство, должна была в корне отличаться от той, которую до этого вел вермахт на Западе. Адольф Гитлер объявлял, что на Востоке «жестокость является благом для будущего», потому что это будет «борьба двух идеологий», потому что «речь идет о борьбе на уничтожение». Этот тезис и подкреплялся «расовой теорией» о превосходстве германской нации и наличии целого ряда рас, неполноценных по своему развитию (недочеловеков), к которым относились евреи, цыгане и славяне.

В соответствии с запланированной агрессией против СССР военно-политическое руководство разработало и утвердило целый ряд нормативно-правовых документов (приказы, памятки, меморандумы, наставления и т. д.), касающихся разных аспектов предстоящей военной кампании и оккупационной политики.

Условно эти документы можно разделить на три большие группы:

1. Документы военного характера определяли основные направления и формы вооруженной борьбы с Советским государством, цели и задачи военной кампании, роль и место вермахта и полицейских структур в вопросе ведения войны и поддержании порядка на оккупированных территориях.

2. Документы экономического характера, направленные на тотальную эксплуатацию захваченных территорий, создание специальных экономических органов по разграблению промышленности и сельского хозяйства, создание античеловеческих условий проживания местного населения (налоговая и трудовая политика) и создание необходимых условий, способствующих его физическому уничтожению.

3. Документы политико-идеологического характера должны были стать обоснованием войны и объяснить поработанным народам «истинные» ее цели – борьба с иудо-большевизмом и «освобождение поработанных» народов от коммунизма. Эти документы регу-

лировали организацию политического управления захваченными территориями, идеологическую и культурную политику оккупантов.

Далее подробнее расскажу об основных документах, разработанных руководством нацистской Германии перед военным вторжением в СССР.

18 декабря 1940 года А. Гитлером была подписана Директива № 21 «План Барбаросса», которой предусматривалось «разбить советскую Россию в ходе кратковременной кампании», что подразумевало под собой полную победу над вооруженными силами Советского Союза.

Организация управления захваченными «восточными» территориями на первоначальном этапе планировалась «Инструкцией об особых областях к Директиве № 21», утвержденной начальником штаба Верховного командования вермахта фельдмаршалом Вильгельмом Кейтелем 13 марта 1941 года.

В целях осуществления после окончания военной кампании колонизации на «восточных» территориях, то есть их освоения и заселения немецким населением, был подготовлен план «Ост» (имеется в виду совокупность документов, связанных с его разработкой, коррективами и дополнениями). Генеральный план «Ост» принадлежал к числу самых секретных документов Третьего рейха, разрабатывался с привлечением ведущих политиков, идеологов и экономистов нацистской Германии и фактически являлся планом ликвидации СССР как государства. Содержанием замечаний и предложений по Генеральному плану «Ост» рейхсфюрера войск СС Гимmlера и доктора Эрхарда Ветцеля от 27 апреля 1942 года предусматривалось выселение (что также включало уничтожение) не менее 75 % белорусского населения с занимаемой им территории, а также 25 % населения предполагалось онемечить и использовать в качестве рабочей силы, то есть «тщательнее отобрать белорусов нордического типа, пригодных по расовым признакам и политическим соображениям для онемечивания и отправить их в империю с целью использования в качестве рабочей силы».

Приказом главы Верховного командования сухопутных сил (ОКХ) фельдмаршала Вальтера фон Браухича «О комиссарах» от 6 мая 1941 года предусматривалось массовое истребление политработников во фронтовой зоне германскими войсками, в тыловой зоне – айнзацгруппами.

Приказом от 13 мая 1941 года «О военной подсудности в районе «Барбаросса» и об особых полномочиях войск» обеспечивалась неподсудность военнослужащих за преступления в отношении «вражеских гражданских лиц».

Таким образом, созданная в нацистской Германии нормативная правовая база о военном вторжении на территорию СССР основывалась на расовой теории, теории жизненного пространства и намерении применения форм и методов геноцида в целях уничтожения гражданского населения и военнопленных.

Составной частью политики нацистской Германии в отношении СССР стал геноцид белорусского народа, то есть советских граждан, проживавших на территории Белорусской Советской Социалистической Республики в годы Великой Отечественной войны.

В геноциде белорусского народа принимали участие подразделения и формирования, входящие в состав вооруженных сил Германии: подразделения сухопутных сил, охранные дивизии, тайная полевая полиция, полевая жандармерия, органы военной разведки и контрразведки (абвер), полевые и местные комендатуры, охранные полки и батальоны, коллаборационистические (националистические) формирования (охранные батальоны полиции – шуцманшафт-батальоны), органы и подразделения СС и СД: айнзацгруппы, бригады, полки и батальоны охранных войск СС, полиция безопасности и СД, криминальная полиция, разведка СД и т. д.

При подготовке к нападению на СССР немецкие спецслужбы активно сотрудничали с националистическими и эмигрантскими организациями. Наиболее активной среди них стала Организация украинских националистов (далее – ОУН).

С первых же дней своего существования ОУН ратовала за установление национальной диктатуры, открыто провозглашала принцип вождизма, противопоставление всем партиям, союзам и группировкам.

В основе националистической доктрины ОУН лежал радикальный национализм, крайний антисоветизм, антисемитизм и установка на реализацию данных устремлений путем массовых насильственных действий.

В течение 1938–1939 годов руководящие круги ОУН за рубежом вели активные переговоры о возможном военном сотрудничестве с абвером. В них участвовали активисты ОУН Е. Коновалец, Р. Ярый и В. Курманович. Были достигнуты договоренности о военной помощи, которую абвер предоставит ОУН. В рамках этой помощи в 1938 году оуновцы активно готовили своих боевиков в 60 учебных лагерях абвера. С помощью немецкой разведки ОУН открыла радиостанции в Вене, Граце и Линце. Члены Военной референтуры ОУН (в общей сложности 80 человек), имевшие военную подготовку в польской или бывших украинских армиях, прошли подготовку в лагерях абвера Зауберсдорф (50 км от Вены) и у озера Кимзее (Бавария). Кураторами офицерской военной подготовки со стороны немцев были полковник абвера Э. фон Лахузен и генерал-лейтенант Т. Эндерс, а с украинской стороны – генерал М. Капустянский и полковник Р. Сушко. Курсанты за шесть месяцев получали крепкую теоретическую подготовку, солидные практические навыки, участвовали в маневрах вермахта.

В течение 1938 года руководство ОУН направляло немалые средства на закупку оружия и оборудования для подпольных лабораторий по изготовлению взрывчатых веществ, десятки оуновцев проходили военные курсы в лагерях хорватских усташей (хорватских националистов), в спецшколах Германии и Италии, а Р. Шухевич заканчивал курс подготовки в военной академии Мюнхена.

В конце 1938 года начальник 2-го (диверсионного) отдела абвера Э. фон Лахузен провел встречу с одним из руководителей ОУН А. Мельником, который к этому времени уже переехал из Польши в рейх. На этой встрече полковник Мельник был завербован абвером и получил оперативный псевдоним Консул. Официально он числился резидентом «Абверштелле Берлин» и состоял на связи с его сотрудником капитаном Пуллумом (доктором Пухертом).

По договоренности с немцами оуновцы должны были активизировать свою подпольную сеть на территории СССР, при этом все расходы абвер брал на себя. Помимо абвера, Мельника опекало также гестапо.

После разгрома Польши сотрудничество ОУН с немцами продолжилось. 25 октября 1939 года гестапо получило приказ об учете всех украинцев. Украинскими делами в Берлине ведала новая организация – Украинское представительство (Ukrainische Vertrauensstelle) под руководством Романа Сушко. Представительство вело учет украинских эмигрантов, отвечало за их обеспечение и направление на работу. Аналогичное представительство открылось и в Вене.

Активно привлекались националисты ОУН к подрывной деятельности против СССР. С этой целью немецкой разведкой в конце 1939 года был организован «Абверштелле Краков», дислоцировался в городе Кракове по ул. Вокзальная, в здании бывшего воеводства, который направлял и вел разведывательную и подрывную работу на территории западных областей УССР и БССР. Для подрывной работы против Советского Союза «Абверштелле Краков» использовал на территории оккупированной Польши кадры украинских нацио-

налистов-эмигрантов, членов ОУН и УЦК (Украинский центральный комитет) и оуновское подполье в западных областях УССР.

В декабре 1939 года в Закопане была основана секретная школа абвера по подготовке агентов. Среди ее «студентов» было 120 украинцев. Подготовка продолжалась 5 месяцев, после чего выпускники использовались в различных округах в качестве охранников в тюрьмах и лагерях, а также направлялись с террористическо-подрывными заданиями на территории Западной Беларуси и Украины. Школа управлялась Вальтером Крюгером и его помощником Вильгельмом Розенбаумом. За украинское подразделение отвечал Микола Лебедь.

В 1940 году «Абверштелле Краков» создал на территории бывшего Польского генерал-губернаторства, в местечках Криница, Дукла, Каменица, Барвинек, Закопаны и Пищаны (Словакия) т. н. учебные украинские лагеря, куда при содействии «бандеровцев» и «мельниковцев» направлялись для подготовки участники ОУН. В мае 1941 года в лагерях Дукла, Каменица, Барвинек, Закопаны одновременно обучалось 700–800 чел. («бандеровцы»); в Кринице – 120–150 чел. («мельниковцы»). Обучавшиеся проходили военную подготовку и разведывательно-диверсионное дело. Инструкторами были немцы из соединения «Бранденбург-800». Для маскировки разведшколы именовались «лагерями трудовой повинности», а обучавшиеся в них периодически занимались прокладкой дорог, выкорчевкой леса и другими работами.

Начиная с конца 1939 года боевые подразделения ОУН активно засылаются на территорию западных территорий УССР и БССР с целью совершения диверсий и терактов против военнослужащих Красной Армии, сотрудников органов госбезопасности, партийного актива и членов их семей.

Особую ставку нацисты сделали на ОУН. Следует отметить, что в составе ОУН действовало два «крыла»: сторонники А. Мельника и С. Бандеры («крыло» А. Мельника – ОУН-М, С. Бандеры – ОУН-Б). 14 апреля 1941 года глава ОУН-М А. Мельник направил германскому руководству меморандум, в котором в том числе упоминал о тесном сотрудничестве с нацистской Германией. Свое намерение сотрудничать с гитлеровским режимом высказали и сторонники С. Бандеры.

Таким образом, исходя из необходимости усилить свои позиции, воспользовавшись возможной войной Германии и СССР, обе части ОУН развернули активные контакты с немецкими представителями по созданию украинских военных формирований для вероятного их участия в войне против СССР.

6 июля 1941 года Мельник послал Гитлеру «декларацию об абсолютной верности». Письмо заканчивалось следующими словами: «Мы просим, чтобы нам разрешили маршировать плечом к плечу с легионами Европы и с нашим освободителем, германским вермахтом, и именно поэтому мы просим позволения создать украинское военное формирование». 10 июля, 4 дня спустя, ОУН-М еще раз заверила Гитлера «в своей верности и повиновении во имя создания Европы, свободной от евреев, большевиков и плутократов».

В июле 1941 года началась запись добровольцев для создания украинского националистического военизированного формирования на территории Черновицкой области УССР (до июля 1940 года территория Северной Буковины Румынии), впоследствии получившего название «Буковинский курень». Организатором этого процесса был украинский националист Петро Войновский. 6 июля 1941 года Петро Войновский вернулся в Черновцы и по приказу Центрального провода ОУН-М начал набирать добровольцев в Украинскую национальную армию и немецкую администрацию. Их основу составили бывшие подпольные группы из националистов, которые здесь действовали во времена румынской оккупации, а также после освобождения этой территории Советским Союзом.

В Черновцах записью добровольцев занималась группа под руководством Балюка. Основу составляли добровольцы из рабочей и студенческой молодежи. «Буковинский курень» формировался под видом рабочей колонны (arbeitskolonne). В июле 1941 года было сформировано 4 составные «рабочие колонны»: Черновецкая, Кицманская, Прикарпатская и Белицкая. Временем выхода этих частей было определено начало августа 1941 года.

Всего организация ОУН в Буковине насчитывала около 2000 человек, из которых более 900 вошло на оккупированную территорию УССР в составе «Буковинского куреня». Таким образом, можно говорить о завершении формирования к августу 1941 года т. н. парамилитарного украинского националистического формирования, активно сотрудничавшего с нацистской Германией, под названием «Буковинский курень». Данное формирование активно участвовало в преступлениях нацистских оккупантов в Бабьем Яру.

В списке участников «Буковинского куреня» и южной походной группы ОУН под № 114 значился уроженец д. Лужаны Черновицкой области УССР (до июля 1940 года территория Северной Буковины Румынии) Владимир Катрюк...

1. Деревня Чмелевичи Логойского района, 6 января 1943 г.

1.1. Из протокола допроса свидетеля А.В. Жолудь от 15 мая 1973 г.

В январе 1943 года, число точно не помню, утром в район деревни Чмелевичи по дороге из Плещениц прибыли немецкие каратели. В это время из-за деревни, с ее противоположного конца с косогора, партизаны отряда «Лунева», бывшие как раз здесь, открыли огонь по карателям. Каратели, рассыпавшись по полю и ведя огонь, ворвались в деревню Чмелевичи. Некоторые мужчины из местных жителей и человек 5 партизан, ночевавших в деревне, успели скрыться в ближайшем лесу. Ворвавшись в деревню, каратели начали обшаривать все дома, забирали все, что им попадалось на глаза. Несмотря на мороз, каратели выгнали всех жителей деревни (женщин, детей, стариков) на улицу, которые не успели даже ни одеться, ни обуться. Тут же каратели поджигали дома и надворные постройки. В этот день каратели убили Рабецкого Василия Федоровича, местного жителя, которого после расстрела сожгли вместе с его домом. Было ему тогда примерно под 60 лет. Тогда же каратели расстреляли местных жительниц Пугач Агриппину и Демидчик Марию. Было им тогда примерно больше 60 лет каждой. Всех оставшихся жителей деревни Чмелевичи каратели выгнали полураздетыми на край деревни к колхозному сараю. В это время горела почти вся деревня. Горел уже подожженный карателями и этот сарай. Все мы ожидали скорой расправы, так как никого из согнанных сюда жителей каратели не отпускали. Продержав нас полураздетых на январском морозе с утра до часов 16 (шестнадцати), каратели уехали обратно по направлению Плещениц. Они забрали с собой все награбленное имущество – коров, овец, свиней. На месте нашей деревни, в которой до этого насчитывалось более 60 (шестидесяти) домов, осталось лишь 6 (шесть) домов. Свои злодеяния каратели проводили очень спешно и нервно, так как боялись партизан.

1.2. Из протокола допроса свидетеля А.Д. Рабецкой от 8 февраля 1973 г.

6 января 1943 года, эту дату хорошо помню, так как это было перед религиозным праздником Рождества, я услышала выстрелы за деревней со стороны Плещениц. Вскоре после выстрелов в деревню прибыли с обозом каратели, в числе которых были немцы и украинцы. Когда они подходили к деревне, то стреляли трассирующими пулями, от чего загорелся наш сарай. В деревне в то время находилось несколько человек партизан, но они до входа карателей смогли уйти в лес, в бой с карателями не вступали. К нам в дом зашло несколько карателей, выгнали на улицу меня, мать мужа (умерла) и детей, не разрешив даже одеться, и погнали к сараям бывшего колхозного двора. Отца мужа – Рабецкого Василия – вернули в дом. Нас и других односельчан согнали к бывшим колхозным сараям и поставили около одного из сараев, вокруг нас поставили три пулемета. Потом каратели подожгли сарай. Находившиеся каратели в деревне грабили имущество односельчан и поджигали дома и надворные постройки. Около сарая было много односельчан, только некоторым удалось бежать в лес. Награбив имущество, каратели уехали в сторону Плещениц, а нас оставили около сарая. После отъезда карателей мы ушли в деревню. В деревне в то время насчитывалось примерно 60 домов. Не сожженных осталось примерно восемь домов, была сожжена карателями и школа. Вернувшись в деревню, были обнаружены убитыми карателями две женщины. Помню, что одной убитой женщины была фамилия Пугач, фамилию другой не помню. Отец мужа – Рабецкий Василий – был убит карателями в доме и сожжен. Больше каратели никого не убили. Вместе с карателями тогда в деревню Чмелевичи приезжали бургомистр Плещеницкого района Юдин, а также предатель Жолудь Игнат, который до войны работал в торговле, а с приходом немцев работал где-то в Плещеницах. Помню, что среди карателей были и полицейские в черной форме.

1.3. Из протокола допроса свидетеля О.Ф. Кнапа от 14 октября 1987 г.

В составе I-й роты II8-го батальона во всех крупных карательных операциях активное участие принимал КАТРИК и подчиненные ему полицейские. Многие каратели нашего батальона за чинимые зверства, в их числе и я, были награждены гитлеровским командованием медалями. Так, в начале января 1943 года I-я и 3-я роты и приданные им подразделения, а также штаб II8-го батальона совместно с жандармерией и полицейскими плещеницкого гарнизона приняли участие в карательной операции против партизан и мирных жителей деревни ЧМЕЛЕВИЧИ Логойского района Минской области.

Ворвавшись в ЧМЕЛЕВИЧИ, я в составе 2-го взвода 1-й роты был поставлен в оцепление, а остальные полицейские, в их числе и КАТРЮК, по распоряжению наших командиров ходили по домам и хозяйственным постройкам и с помощью физической силы и под угрозой оружия выгоняли мирных советских граждан на улицу, не давая им надеть на себя верхнюю одежду. Среди жителей были старики, женщины, дети, которых каратели, согнав на окраину деревни, продержали на морозе несколько часов. Полицейские занялись грабежом. Имущество граждан грузили в специально приготовленные для этой цели сани. Одновременно угоняли из деревни домашний скот. Перед уходом из ЧМЕЛЕВИЧЕЙ каратели подожгли дома и хозяйственные постройки. Находясь в оцеплении, я отчетливо видел с расстояния не более 30 метров, как КАТРЮК вместе с другими полицейскими обыскивал дома, выгонял женщин, стариков и детей полураздетыми на мороз, конвоировал их к месту сбора, после чего занимался грабежом имущества мирного населения, грузил его на сани, выгонял из хозяйственных построек домашний скот, а перед уходом из деревни поджигал дома и постройки. Имели ли место факты расстрелов мирных жителей и участия в них КАТРЮКА, не помню. В моей памяти сохранилось лишь то, что после ухода карателей из ЧМЕЛЕВИЧЕЙ мирные советские граждане оставались стоять полураздетыми на морозе, оставленные без средств существования в горячей деревне.

Материалы уголовного дела № 21028030022 о геноциде населения Беларуси в годы Великой Отечественной войны и послевоенный период

1.4. Из протокола допроса свидетеля И.М. Лозинского от 21 марта 1973 г.

Так, в начале января 1943 года 118-й батальон совместно с жандармерией и полицией плещеницкого гарнизона принял участие в карательной операции против партизан и мирного населения в районе деревни ЧМЕЛЕВИЧИ Логойского района Минской области. Припоминаю, что мы вели бой с партизанами, но силы были неравны, перевес был на нашей стороне и вскоре они отступили. Полицейские ворвались в деревню. Часть из них стали в оцепление. Другие ходили по домам и искали партизан. Затем по приказу наших командиров начали выгонять полураздетых людей на улицу и собирать в одно место на окраине деревни. Среди этих мирных жителей были в основном женщины, старики, подростки и дети. Находясь в деревне, я видел, как КАТРЮК в числе других полицейских обыскивал дома и конвоировал людей к месту сбора. На морозе под страхом смерти граждане пробыли несколько часов. А в это время КАТРЮК и другие полицейские, из которых помню Мелешко, Лещенко, Панькова, Литвина, занялись грабежом имущества, которое грузили на сани. После чего перед уходом из деревни КАТРЮК и другие названные мною полицейские подожгли дома и надворные постройки...

Материалы уголовного дела № 21028030022 о геноциде населения Беларуси в годы Великой Отечественной войны и послевоенный период

1.5. Из протокола допроса свидетеля Н.А. Франчука от 25 июля 1973 г.

В январе 1943 года числа 7-10 1-я рота 118-го батальона с приданным батальоном Билыка вышла на операцию совместно с Плещеницкой, Бегомльской полицией, жандармерией и СД. Вечером указанные подразделения вернулись поздно, пригнав много скота, овец, а также привезли много награбленных вещей. Вечером в комнате, где я жил с комвзвода Пасечником, он мне рассказал, что на операцию выезжали в деревню Чмелевичи, это по дороге на Борисов, куда шла 1-я рота, Плещеницкая, Бегомльская полиция, жандармерия. За военным городком пошла другой дорогой 1-я рота, пройдя примерно 8-9 км, развернулась вправо, начала прочесывать лес и, пройдя 4-5 км, побежала на услышанную стрельбу, а когда уже добежали до деревни, стреляя на ходу, увидели убегающую подводу, командир отделения Катрюк открыл по ней огонь с ручного пулемета и видно попал. При нашем заходе в деревню жители уже были собраны, оцеплены полицией и жандармерией и немцы вели с ними разговоры, расспрашивая о партизанах, трое гражданских лиц были Лакустой совместно с немцами расстреляны, скот, имущество забрано, деревня сожжена, особенно потешился Катрюк, который с пулемета стрелял по окнам, потом бросал гранату и затем поджигал дом. На второй день утром командир роты Винницкий собрал командиров взводов, их помощников и некоторых командиров отделений и провел как бы разбор операции, отметил уже взвод Мелешко, лично Катрюка, Лакусту и др.

1.6. Копия доклада командиру жандармерии Белоруссии через главную команду жандармерии в городе Минске о проведении операции против бандитов в деревне Чмелевичи 6 января 1943 г. от 7 января 1943 г. Оригинал и перевод с немецкого языка.

155
Окружной начальник
са и полиции
Корнелот (Илленбург)

Илленбург, 7.1.1943

Командиру жандармерии Белоруссии
Через заграничное учреждение в Минске

Содержание: Операция, проведенная 6.1.1943г. в направлении
населенного пункта Чмелевичи (км.2243 гол.)

Надежное доверенное лицо сообщило, что в школе в Чмеле-
вичих (км.2243 гол.) находится штаб банды. В деревне якобы
расположилось около 500 бандитов. Население деревни - комму-
нисты. Другие поступившие сведения имели примерно такое же
содержание.

6.1.43 силами 20 жандармов, 40 полицейских и 115 чел. из
118 батальона была проведена операция против Чмелевичей. План
проведения операции был разработан вместе с майором Кернером.
3 взвода после выхода в исходное положение должны были окру-
жить населенный пункт. Другие 2 взвода были предназначены
для атаки. Подход совершался на 90 сагах. Когда колонна около-
10.30 приблизилась к деревне примерно на 1,5 км., с одной из
лежащих перед деревней высоток послышались три предупредитель-
ных выстрела, которые были слышны, вероятно, выставленным постом.

Исходное положение для наступления была линия примерно в
0,5 км. перед Чмелевичи. Непосредственно после подхода обоих
взводов окружения (11.00) они были обстрелены со стороны дерев-
ни. Предусмотренное окружение не могло быть выполнено, и затем
последовала фронтальная атака. Глубокий снег, сильная метель,
и очень плохая видимость страшно затрудняли продвижение вперед.
Бандиты стреляли из домов, с крыш и т.д. Беспрепятственно продви-
гаться вперед и бить огонь, около 11.30 мы достигли деревни,
причем оба фланга пытались совершить охват, что было очень
затруднено глубоким снегом.

Весь населенный пункт был сожжен дотла. Осталось лишь
около 20 детей, 10 женщин и 6 стариков. В домах было обнаружено
примерно 120 патронов и большое количество пищи. Возникло
подозрение, что другие боеприпасы спрятаны в домах. После

156
2.

чего 10 домов было подожжено. Во время пожара постоянно слы-
шались взрывы винтовочных патронов.

В школьном здании-помещении штаба бандитов, которое распо-
ложено в 300 м от населенного пункта, были обнаружены 20 ми-
нированных действий, 6 русских ручных гранат и винтовочные
патроны. Наполовину освеженный баран и другие продукты
питания были также оставлены бандитами. Здание было подожжено.

Потери бандитов нельзя было установить. Собственных
потерь не имеется.

В 14.00 был начат обратный марш и в 18.30 колонна прибыла
в Илленбург. Доставлено 3 коров, 3 свиньи, которые переданы в
распоряжение зондерфюреров. Различные признаки позволяют
сделать вывод, что речь идет о той же банде, которая заложила
мину между Илленбургом и Логойском.

Хардберг,
лейтенант жандармерии
окружной начальник жандармерии

Перевел: *Мизников* (Мизников)

г. и пол.-областной
Берислав (М.С.С.С.С.)

157
Плесеница, 7.1.1943.

В деревне
Колонистов, в деревне
Плесеница
д. и пол.-областной
Берислав.

Содержание: Деревня Плесеница (пол. и. 2248 д. и.) от 6.1.1943.

В деревне Плесеница (пол. и. 2248 д. и.) от 6.1.1943. В деревне Плесеница (пол. и. 2248 д. и.) от 6.1.1943. В деревне Плесеница (пол. и. 2248 д. и.) от 6.1.1943.

В деревне Плесеница (пол. и. 2248 д. и.) от 6.1.1943. В деревне Плесеница (пол. и. 2248 д. и.) от 6.1.1943. В деревне Плесеница (пол. и. 2248 д. и.) от 6.1.1943.

В деревне Плесеница (пол. и. 2248 д. и.) от 6.1.1943. В деревне Плесеница (пол. и. 2248 д. и.) от 6.1.1943. В деревне Плесеница (пол. и. 2248 д. и.) от 6.1.1943.

В деревне Плесеница (пол. и. 2248 д. и.) от 6.1.1943. В деревне Плесеница (пол. и. 2248 д. и.) от 6.1.1943. В деревне Плесеница (пол. и. 2248 д. и.) от 6.1.1943.

В деревне Плесеница (пол. и. 2248 д. и.) от 6.1.1943. В деревне Плесеница (пол. и. 2248 д. и.) от 6.1.1943. В деревне Плесеница (пол. и. 2248 д. и.) от 6.1.1943.

В деревне Плесеница (пол. и. 2248 д. и.) от 6.1.1943. В деревне Плесеница (пол. и. 2248 д. и.) от 6.1.1943. В деревне Плесеница (пол. и. 2248 д. и.) от 6.1.1943.

В деревне Плесеница (пол. и. 2248 д. и.) от 6.1.1943. В деревне Плесеница (пол. и. 2248 д. и.) от 6.1.1943. В деревне Плесеница (пол. и. 2248 д. и.) от 6.1.1943.

В деревне Плесеница (пол. и. 2248 д. и.) от 6.1.1943. В деревне Плесеница (пол. и. 2248 д. и.) от 6.1.1943. В деревне Плесеница (пол. и. 2248 д. и.) от 6.1.1943.

Материалы уголовного дела № 21028030022 о геноциде населения Беларуси в годы Великой Отечественной войны и послевоенный период

1.7. Копия справки исполкома Каненского сельского Совета (май 1973 г.)

Исполком Каненского сельского Совета подтверждает, что граждане д. Числовичи, Каненского сельского совета, бывшего Плесеницкого района, ныне Логойского района, Минской области, Рабенский Василий Федорович, Пугач Агриппина Федоровна и Демичик Мария в январе 1943 года зверски убиты немецкими карателями в д. Числовичи. В тот же день карателями было сожжено 58 домов вместе с надворными постройками этой деревни. Данные получены на основании опроса сторожков д. Числовичи.

Справка выдана органами КГБ.

Председатель исполнительного комитета сельского Совета депутатов трудящихся /Курилович К.И./

Секретарь исполнительного комитета сельского Совета депутатов трудящихся /Дубаневич Р.П./

Материалы уголовного дела № 21028030022 о геноциде населения Беларуси в годы Великой Отечественной войны и послевоенный период

2. Деревня Селище Логойского района, 19 января 1943 г.

2.1. Из протокола допроса свидетеля А.М. Пучек от 20 ноября 1987 г.

...Каратели всех найденных в деревне односельчан согнали к бывшему колхозному двору. Женщины и дети стали плакать и просить у карателей пощады. Часть карателей в это время грабили деревню: забирали скот, одежду, продукты и грузили на захваченные партизанские сани. Награбленное в тот же день они увезли с собой. Уехали каратели в направлении Плещениц. Часа за два до отъезда они разрешили нам разойтись по домам. Никто из местных жителей карателями убит не был, деревню не сжигали.

Когда каратели из деревни Селище уехали, местными жителями на лугу за деревней были обнаружены семь убитых партизан. Тела убитых привезли в бывший колхозный амбар, они были захоронены в общей могиле в нашей деревне. Кто то из односельчан, кто именно не помню, говорил, что среди убитых находился комиссар партизанского отряда. После войны останки убитых партизан были перезахоронены в братскую могилу в деревне Камено Логойского района. В

В числе карателей тогда в деревне Селище были немцы, полицейские в черных шинелях и изменники в какой-то другой форме, разговаривавшие на украинском языке. Последние были особенно вредными и жестокими.

Материалы уголовного дела № 21028030022 о геноциде населения Беларуси в годы Великой Отечественной войны и послевоенный период

2.2. Из протокола допроса обвиняемого С.В. Сахно от 26 ноября 1973 г.

...Когда полицейские нашего батальона с жандармами и полицейскими Плещеницкой полиции подъезжали к деревне Селище, то по команде Мелешко был открыт огонь по деревне. Стрелял по деревне и я. <...> На участке местности, отделявшем деревню от леса, я видел трупы партизан. Трупы были на некотором расстоянии друг от друга. Я видел, как мне помнится, 7 убитых партизан. Возможно, партизаны при отступлении имели потери и в лесу, так как огонь по ним продолжался и тогда, когда они начали бежать по лесу. Проческой леса участники

операции не занимались, так как лежал глубокий снег. Кто конкретно из нас, участвовавших в бою с партизанами, убил партизан при их отступлении из деревни Селище, я сказать не могу, так как это определить было невозможно. Все мы стреляли по партизанам, в том числе и я, в составе полицейских взвода Пасечника и других полицейских из 1-й роты 118-го батальона. Я видел, что возле убитых находились Вельке, Мелешко, Лакуста, Пасечник, Катрюк. Кто-то из полицейских 1-й роты, кто именно не помню, снимал одежду из убитых. <...> По приказанию кого-то из командиров, кого конкретно не

помню, мы возвратились в деревню забрать партизанские лошади, запряженные в сани. Была дана команда собрать людей, находившихся в деревне, в одно место. Я тоже ходил в деревне по домам, собирая ее жителей. Помнится, что людей в деревне оставалось немного, в основном старики и дети. Они были собраны и закрыты в одном каком-то сарае или гумне. Как с ними дальше поступать, мне не было известно, так как от командиров на этот счет никаких дополнительных указаний не поступало. <...> Забирали свиней, кур, продукты питания. В грабеже участвовал и я. Ходили по домам Лакуста, Пасечник, Панкив, Лютык, Кмит, Слижук, Василенко, Семенюк, Лозинский, Спивак. <...> С награбленным имуществом и с десятком партизанских повозок с лошадьми мы в тот же день возвратились в Плещеницы.

2.3. Из протокола допроса свидетеля П.Ф. Дзебы от 2 ноября 1987 г.

Припоминаю, что несколько раньше операции в деревнях Котели и Заречье первая рота нашего батальона в полном составе выезжала на операцию в деревню Селище, расположенную примерно в 15 километрах от поселка Плещеницы. Выезжали на санях. В непосредственной близости от деревни мы были обстрелены партизанами. После непродолжительного обстрела партизаны стали уходить из деревни в лес. По команде командира первого взвода Мелешко полицейские взвода открыли интенсивный огонь по убегавшим партизанам. Хорошо помню, что по ним вел огонь из винтовки и Катрюк.

Материалы уголовного дела № 21028030022 о геноциде населения Беларуси в годы Великой Отечественной войны и послевоенный период

2.4. Из протокола допроса свидетеля Н.А. Франчука от 25 июля 1973 г.

...После операции в деревне Чмелевичи взвод Мелешко, взвод Пасечника, артминвзвод Билыка под общей командой командира взвода Мелешко и шефом 1-й роты Вельке выезжали на карательную операцию в деревню Селище Плещеницкого района. На эту операцию выезжала Плещеницкая, Бегомльская полиция и жандармерия. По возвращении из операции обзор сделал командир взвода Мелешко, отметил хорошие действия взвода Пасечника, лично Лакусту, Катрюка и других лиц...

3. Деревни Заречье и Котели Логойского района, 18 февраля 1943 г.

(Справочно: деревни Заречье и Котели расположены близко друг к другу, в связи с чем воспринимались некоторыми при даче показаний как один населенный пункт.)

3.1. Из протокола допроса свидетеля И.М. Бохана от 19 ноября 1987 г.

... На следующий день, 18 февраля 1943 года в нашу деревню нагрянули каратели. Они появились со стороны Логойска, обойдя партизанскую засаду, выставленную в направлении Плещениц. Каратели открыли по деревням Заречье и Котели огонь из пушек и минометов. Я хорошо слышал кононаду, находясь в деревне Селище, расположенной в километре от деревни Заречье. Затем я увидел дым, поднимающийся над деревнями Заречье и Котели. Вечером того же дня, еще не совсем стемнело, я с сестрой вернулся домой. В деревне карателей уже не было, часть домов была сожжена, помимо приблизительно 25-30 домов, сгорела школа и колхозные постройки. Наш дом уцелел, хотя все надворные постройки сгорели. На пороге дома мы увидели убитую мать, у нее была прострелена грудь. Кроме нашей матери в тот день карателями были убиты и другие односельчане: Судниковский Константин, Буцкевич Мария, Буцкевич Татьяна, Буцкевич Вера, Гейно Софья, Медведская Мария, Драгун Елизавета, Кажуро Пелагея, Валицкая Стефанида, Бублис Магдалена и Новодворский, имени не помню, из деревни Нестановичи, вернее, из деревни Белое Нестановичского сельсовета, приехавший к своей родственнице Медведской Марии. В тот же день карателями были ранены жители деревни Заречье Веремей Марию Антоновну и Буцкевича Ярослава Ивановича. В деревне Котели каратели 18 февраля 1943 года убили Черник Михаила, Черник Надежду, Черник Анастасию и Петровского Тимофея. Ровен Домна была ранена в руку.

Материалы уголовного дела № 21028030022 о геноциде населения Беларуси
в годы Великой Отечественной войны и послевоенный период

3.2. Из протокола допроса свидетеля С.А. Бурака от 19 ноября 1987 г.

... Ворвавшиеся в деревни каратели разграбили имущество мирных жителей и подожгли там дома и надворные постройки. В деревне Котели ими были убиты 4, а в деревне Заречье 10 человек из числа местных жителей. В деревнях сгорело несколько десятков домов. Партизанской разведкой было установлено, что злодеяния в деревнях Заречье и Котели учинили немцы, полицейские плещеницкой полиции и изменники Родины из украинского батальона.

Материалы уголовного дела № 21028030022 о геноциде населения Беларуси
в годы Великой Отечественной войны и послевоенный период

3.3. Из протокола допроса свидетеля Е.Т. Васильевой от 19 ноября 1987 г.

... Находясь в деревне Селище, я слышала стрельбу и видела столбы дыма со стороны деревень Котели и Заречье. На следующий день, решив, что каратели покинули эти деревни, я возвратилась домой, в деревню Котели. Значительная часть домов была сгоревшая. На месте нашего дома было пепелище, на котором я обнаружила обгоревший труп своего отца. На груди у него было огнестрельное ранение. Мой муж был задержан карателями. Как он мне рассказывал, они называли его бандитом, избивали прикладами, а затем потребовали принести веревку. Выбрав момент, муж бросился бежать в лес. Каратели стреляли по нему, но не попали. В тот день кроме моего отца карателями были убиты жители деревни Котели Черник Михаил Федорович, его жена Черник Надежда Степановна – их трупы с огнестрельными ранениями были обнаружены сильно обгоревшими на пепелище их дома. Тогда же каратели убили и нашу односельчанку Черник Анастасию. Огнестрельное ранение в руку получила жительница Котелей Ровен Домна Григорьевна. В соседней деревне Заречье каратели убили 12 человек и ранили Веремей Марию Антоновну и Буцкевича Ярослава, сожгли более тридцати домов. Со слов мужа мне известно, что каратели были обмундированы в гитлеровскую форму, разговаривали на русском и украинском языках. Муж в 1945 году погиб на фронте.

Материалы уголовного дела № 21028030022 о геноциде населения Беларуси
в годы Великой Отечественной войны и послевоенный период

3.4. Из протокола допроса свидетеля Е.К. Судниковской от 19 ноября 1987 г.

По существу заданных вопросов свидетель Судниковская Е.К. показала следующее: В феврале 1943 года в своем доме в деревне Заречье гитлеровскими карателями был убит мой отец Судниковский Константин Николаевич. В тот день при приближении к нашей деревне карателей я в числе других жителей Заречья и соседней деревни Котели убежала и скрылась в лесу. После ухода карателей я пришла домой и обнаружила, что наш дом равно, как и десятки других домов деревни Заречье был сожжен. На пепелище лежал сильно обгоревший труп моего отца. Находясь в лесу, я слышала сильную стрельбу в деревне и видела клубы дыма, поднимавшиеся над ней. Однако самих карателей не видела. Какое карательное формирование совершило злодеяния в нашей деревне, не знаю. Кроме моего отца в тот день каратели убили еще более десяти мирных жителей деревни Заречье, разграбили имущество местного населения. Я слышала, что и в соседней деревне Котели также были жертвы среди мирного населения, сгорело много домов.

Материалы уголовного дела № 21028030022 о геноциде населения Беларуси в годы Великой Отечественной войны и послевоенный период

3.5. Из протокола допроса свидетеля В.И. Кухарской от 25 ноября 1987 г.

...Каратели ворвались в нашу деревню Заречье и соседнюю Котели и начали жечь дома и надворные постройки, грабить имущество, убивать мирных жителей. В этот же день они в разных местах деревни Заречье убили более десяти человек, среди которых были моя мать – Гущкевич Вера Ивановна, 1894 года рождения и родная сестра – Гущкевич Татьяна Иосифовна, 1916 года рождения. Мать и сестра были убиты карателями во дворе нашего дома, а трупы их были сожжены вместе с домом и надворными постройками. В тот день я скрывалась в лесу возле деревни Селище, и поэтому не могу сказать при каких обстоятельствах были убиты мать и сестра. Из разговоров местных жителей и партизан в тот период мне стало известно, что зверскую расправу в нашей деревне учинили каратели из плешеницкого гарнизона, но сама я их не видела. В тот день карателями в деревне Заречье было сожжено около тридцати домов с надворными постройками. Тогда же в Заречьи был убит мужчина не из нашей деревни, его фамилия, как мне помнится, была Новодворский. Откуда он был, я не знаю. В деревне Заречье проживала его родная сестра Медвецкая Мария, которая вместе с ним была убита карателями. У Медвецкой близких родственников нет, имелись ли они у Новодворского, я не знаю. В деревне Котели каратели в тот день сожгли не менее десяти домов и убили четыре или пять человек местных жителей.

Материалы уголовного дела № 21028030022 о геноциде населения Беларуси в годы Великой Отечественной войны и послевоенный период

3.6. Из протокола допроса свидетеля О.Ф. Кнапа от 14 октября 1987 г.

...Остальные полицейские, и в их числе КАТРИК, ворвались в обе деревни, после чего я отчетливо видел все новые и новые очаги пожаров. Мои сослуживцы с горящими факелами ходили по деревне Котели и поджигали дома и надворные постройки, другие же грабили имущество мирного населения. Что происходило в деревне Заречье, мне было видно хуже, однако судя по тому, что и там появлялись новые очаги пожаров, можно было сделать вывод, что полицейские там также поджигали дома и занимались грабежом. Со стороны указанных деревень я отчетливо слышал одиночные выстрелы. Находясь в оцеплении, я видел возле деревни Котели два трупа мужчин в гражданской одежде. Кто их убил, я не видел. Рядом с отдельно стоявшим в стороне сараем недалеко от деревни Котели, откуда партизаны вели сильный пулеметный огонь и который я по приказу своих командиров лично поджег, находилось еще два сильно обгоревших трупа. Это были, по всей видимости, погибшие партизаны, которые вели по нашим подразделениям огонь. В связи с тем, что во время данной карательной операции я стоял в оцеплении, действия КАТРИКА конкретизировать не могу. Я видел, что он вместе с другими полицейскими входил в деревни Котели и Заречье и возвращался в составе тех же карателей с награбленным имуществом.

...Из разговоров полицейских я слышал, что в обеих деревнях от рук карателей погибло не менее 15 советских граждан, но кто конкретно их расстрелял, мне неизвестно. Когда наше карательное формирование возвращалось в Плещеницы, я лично видел, что в деревне Котели горело не менее 10 домов, а в деревне Заречье - не менее 20 домов. КАТРИК был вместе с нами. Он, как и другие полицейские, вез награбленное имущество, гнал домашний скот. На нескольких санях также везли трупы погибших накануне жандармов и полицейских плещеницкого гарнизона.

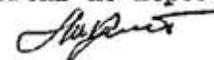
Материалы уголовного дела № 21028030022 о геноциде населения Беларуси в годы Великой Отечественной войны и послевоенный период

3.7. Из протокола допроса обвиняемого Г.Г. Лакусты от 19 сентября 1973 г.

...От Плещениц отъехали километров семь-восемь. Названия села не помню. Но ориентируясь по представленной мне топографической карте масштаба 1:200 000 полагаю, что это могли быть деревни Котели, Замошье или Заречье. Не могу определенно сказать, в какой из этих деревень мы проводили операцию. Помню, что выезжали мы в этом направлении в одну из этих деревень. Возможно в то время я и знал название деревни, но в настоящее время не помню. Операцией командовали капитан Вельке и командир первой роты Винницкий. Рота выезжала в составе трех взводов. Хорошо помню, что в составе роты выезжали: командир нашего взвода Мелешко, командир второго взвода Франчук и командир третьего взвода Пасечник, командиры отделений Я, Лакуста, Катрюк, Данько, Кмит, Ильчук, Юрченко, Цанкив, Вовк, Семенюк; рядовые полицейские Цепа, Темечко, Крашук, Курка, Дзеба, Харченко, Швейко, Болозовский, Билык, Иванкив, Бобыляк, Шелюх, Кипран, Швец, Гончаров, Зубров, Зверянский, братья Лукиняки Николай и Иван, Матис, Тошук, Ковалюк, Ярема, Клим, других не помню. Выезжал и пулеметный взвод первой роты в составе трех расчетов станковых пулеметов во главе с Слаутенко, а также расчет пушки. Помню, что был один ротный миномет с минометчиком Кишай. Выезжали с задачей: оцепить деревню, уничтожить партизан, арестовать связанных партизан, заорать труны убитых полицейских и жандармов. Задачу ставил командир роты Винницкий. Вспомнил, что вместе с нами на операцию выезжали работники штаба Лукович, Лютык, шесть немцев, старшина первой роты Слижук и писарь нашей роты Филиппов.

Впереди колонны карателей шел наш первый взвод во главе с Мелешко. Шли полевыми дорогами, местами через леса. Вышли на окраину леса перед селом. Здесь Винницкий дал команду расположить в боевой порядок взводы, установить пушки и подготовиться к наступлению. Заняли боевую позицию и расчеты станковых пулеметов.

...Винницкий и Вельке дали команду войти в село, всех, кто bude убегать стрелять, остальных арестовать. Когда первый взвод вошел в село, то я увидел, что другую половину села заняли жандармы и местные полицейские. Село имело форму буквы "Г". Дома, которые стояли поперек главной улицы, находились на некотором отдалении. Входили ли они в одно село или являлись самостоятельным селом, не знаю. Первый взвод двигался по главной улице села. Одно отделение проверяло дома с одной стороны улицы, второе - с другой. Мое первое отделение вместе с командиром взвода Мелешко двигалось по центру улицы. Мы увидели, что два мужчины пытаются перебежать с одной стороны улицы на другую. Они находились впереди нас на расстоянии 30 метров. Мелешко приказал стрелять по убегающим партизанам. Именно так он выразился. Все мое отделение, в том числе и я с Мелешко открыли огонь по перебегающим через улицу двум мужчинам.

Хорошо помню, что стреляли: Швейко из ручного пулемета, Темечко из десятизарядной винтовки, Юрашук, Дзюба, Курка, Цепа, Билик, Шелюх, Харченко из винтовок. Мелешко стрелял из автомата, я – из карабина. Один мужчина был убит прямо на улице села, второй успел перебежать улицу, но был убит во дворе. Они бежали в сторону леса. В центре села мы встретились со вторым взводом, полицейские которого тоже ходили по дворам. В той части деревни, которую проверяли полицейские второго взвода, я слышал одиночные выстрелы между домами. Но в связи с чем там раздвигались выстрелы, кто стрелял, не знаю, не видел. Видел я как один немец вел по селу мужчину, которого затем расстрелял из пистолета. Фамилии немца не знаю, то был жандарм. Я лично и полицейские моего отделения в дома не заходили и не проверяли их. Мы находились в распоряжении Мелешко, обеспечивали безопасность проверявших дома полицейских, а также контролировали улицу. После встречи со вторым взводом Мелешко дал команду возвращаться в конец села. Когда возвращались в конец села, я видел как Филиппов, Слижук, Лютык, Лукович и четыре немца из штаба нашего батальона ходили по домам. Что они делали в домах, не знаю, но в местах их нахождения слышны были пистолетные выстрелы. В конце села с левой стороны я видел труп мужчины в гражданской одежде. Он лежал на поляне. Когда этот мужчина был убит: во время обстрела деревни или его кто-либо застрелил уже после того, как мы заняли деревню, не знаю. В конце села Винницкий приказал мне и Данько занять позицию около леса с задачей прикрыть местных полицейских, которые подбирали трупы ранее убитых полицейских. Отделение Катрюка осталось с Мелешко на краю села. Когда мы стояли около леса, я видел как около тридцати полицейских собирали трупы, а остальные бегали по селу. В селе раздвигались выстрелы. Кто и в связи с чем стрелял, не знаю. Видел как местные полицейские несли к саям шубы и другую одежду, которой накрывали трупы. Село уже горело. Правда, еще во время боя был подожжен сарай и несколько домов с другого конца села.

Материалы уголовного дела № 21028030022 о геноциде населения Беларуси в годы Великой Отечественной войны и послевоенный период

3.8. Из протокола допроса свидетеля Н.А. Франчука от 25 июля 1973 г.

...Наутро 1-я рота в полном составе артминвзвода Билька с шефом 1-й роты Вельке, представителем штаба переводчиком Лукович и Лютык вышли на карательную операцию. Причем командир роты Винницкий предупредил, что мы <...> идем в деревню Заречье <...> Когда я со взводом и взвод Пасечника ворвались в деревню, пошел искать командира роты Винницкого, нашел его в районе горящего сарая, который был оцеплен взводом, по горящему сараю Кмит, Лукович, Лютык, Лакуста вели стрельбу, получив указание от командира роты обратно идти к головной заставе, я последовал к взводу, грабеж деревни продолжался, старшина роты Сторожук, помкомвзвода Катрюк, помкомвзвода Гильчук с немцем-мастером (унтер-офицером полиции) обходили дома, сначала стреляя по окнам, потом бросали гранаты, впоследствии поджигали...

3.9. Копия справки № 237 от 11 мая 1973 г., выданной исполкомом Заречского сельского Совета.

СПРАВКА.

Исполком Заречского сельского Совета подтверждает, что граждане деревни Катели Заречского сельского Совета бывшего Племеницкого района ныне Могилевского района Минской области

Черник Михаил Федорович,
Черник Надежда Степановна,
Черник Анастасия и
Петровский Тимофей

в феврале 1943 года зверски убиты немецкими карателями в деревне Катели. В тот же день карателями было сожжено до 10 домов этой деревни.

Данные получены на основании опроса жителей деревни Катели.

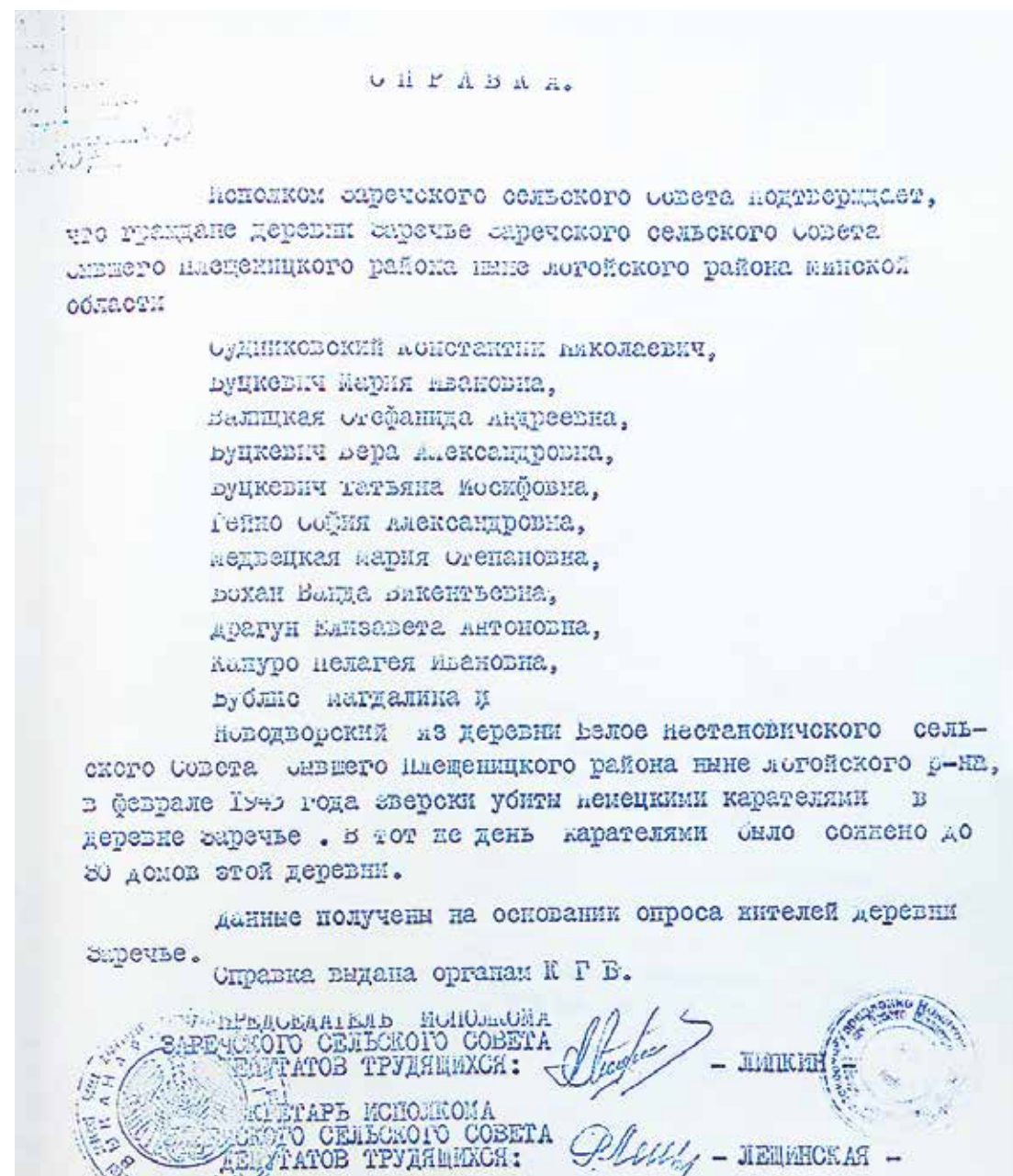
Справка выдана органам К Г Б.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ ИСПОЛКОМА
ЗАРЕЧСКОГО СЕЛЬСКОГО СОВЕТА
ДЕПУТАТОВ ТРУДЯЩИХСЯ: [подпись] - МИКИН -

СЕКРЕТАРЬ ИСПОЛКОМА
ЗАРЕЧСКОГО СЕЛЬСКОГО СОВЕТА
ДЕПУТАТОВ ТРУДЯЩИХСЯ: [подпись] - ЛЕВИНСКАЯ -

Материалы уголовного дела № 21028030022 о геноциде населения Беларуси в годы Великой Отечественной войны и послевоенный период

3.10. Копия справки № 238 от 11 мая 1973 г., выданной исполкомом Заречского сельского Совета.

Материалы уголовного дела № 21028030022 о геноциде населения Беларуси в годы Великой Отечественной войны и послевоенный период

4. Лесной массив вблизи деревни Губа Логойского района, 22 марта 1943 г.

4.1. Из протокола допроса свидетеля П.Г. Лиса от 31 января 1961 г.

...Помню, в последних числах марта 1943 года, примерно в 9–10 часов утра, меня, как и многих других односельчан, староста нашей деревни Лис Александр (убит в 1944 году, кем – не знаю) заставил пойти к шоссе Пleshеницы – Логойск, расположенному примерно в полкилометра от д. Козыри, для очистки придорожной полосы от кустарника и леса. На работу тогда заставлял идти один староста – он ходил по домам и приказывал идти всем с пилами и топорами к шоссе. Я помню взял топор и пошел к шоссе. Когда у шоссе собралось человек 40–50 односельчан (в основном были мужчины и несколько девушек), староста приказал вырубать вдоль шоссе кустарник и лес в пределах примерно 15 м. Все приступили к этой работе, вырубая лес вдоль шоссе в направлении Логойска. Поработав примерно около часа, я увидел, как со стороны Пleshениц в направлении Логойска по шоссе проехало 3 или 4 грузовых автомашины с немецкими карателями в немецкой форме зеленого цвета, вооруженные винтовками (на знаки различия тогда внимания не обратил). Вскоре после проезда этих автомобилей я услышал беспорядочную стрельбу, доносившуюся со стороны Логойска от шоссе. Когда перестрелка окончилась, к нам со стороны Логойска подъехали эти же 3 или 4 автомашины с карателями в немецкой форме зеленого цвета и, соскочив с машин, каратели начали собирать всех односельчан, работавших на очистке придорожной полосы на шоссе. Было видно, что каратели сильно обозлены. Здесь я обратил внимание, что некоторые каратели были в эсэсовской форме с знаками различия: человеческим черепом на фуражках, а некоторые в такой же форме, но без знаков различия. Вооружены они были в основном винтовками, а на одной из машин я видел ручной пулемет (были ли на других машинах пулеметы – не обратил внимания). Среди карателей многие разговаривали на русском языке с украинским акцентом (украинский язык я знаю), при этом называли нас бандитами-партизанами и приказывали идти всем на шоссе, кто сопротивлялся, того каратели били прикладами винтовок. Собрав нас на шоссе, каратели построили всех в колонну по четыре и приказали идти по шоссе в направлении Пleshениц, при этом нас впереди, справа, слева и позади конвоировало всего 15 карателей, а большинство карателей осталось на месте у машин (сколько было всех карателей на 4 машинах – не могу сказать). Пригнав нас в д. Губа, располагавшуюся вдоль шоссе примерно в полкилометра от места, где нас задержали, каратели приказали нам положить пилы и топоры и следовать дальше в направлении Пleshениц. Когда мы подошли на опушку леса за дер. Губа, то некоторые односельчане начали разбегаться в лес, тогда каратели открыли по ним стрельбу и почти всех, кто пытался бежать, расстреляли. Помню, что тогда удалось убежать раненой в руку Лис Яде Петровне, проживающей в д. Козыри, а Рашкевич Антон, два односельчанина по фамилии Лис (имен их не помню) и несколько других односельчан (кто – сейчас не помню) были убиты. Видя, что мы разбегаемся, каратели окружили нас, согнали в одно место на шоссе и приказали ложиться. Помню, я увидел, как к нам со стороны Логойска подъехала машина (одна, где были остальные машины – я не видел, но хо-

рошо помню, что нас они не обгоняли). Всех, кто не хотел идти на шоссе и ложиться, каратели беспощадно били прикладами винтовок. Я видел, как один из карателей, держа винтовку за ствол, ударил по спине прикладом Окулича Петра (живет сейчас в д. Козыри). Положив нас на шоссе, каратели начали расстреливать нас из винтовок. Я лежал неподвижно на земле лицом вниз и слышал, как каратели начали кричать, чтобы подогнали машину и расстреливали нас из пулемета, а сами продолжали стрелять из винтовок. Слышно было, как стонали раненые. Затем я услышал, как подъехала ближе машина и прямо с машины застрочил пулемет, кроме того, слышалась и беспорядочная одиночная стрельба из винтовок. Вскоре я почувствовал, что ранен в правую ягодицу, а затем было слышно, как подъехала какая-то машина со стороны Плещениц, и стрельба прекратилась. Затем слышалась немецкая речь, после чего нам каратели, разговаривавшие с украинским акцентом на русском языке, приказали подняться. Когда я поднялся, то увидел, что человек двадцать односельчан лежали мертвыми на шоссе, а человек 20 поднялись. Недалеко стояла легковая машина, а около нее какой-то офицер в немецкой эсэсовской форме (приметы его не запомнил). Вскоре немецкий офицер на легковой машине уехал в направлении Логойска, а нас каратели заставили стащить трупы односельчан в откос. Помню, я видел тогда убитого Лиса Антона, Балцевича Ивана, Лайковского Ивана, остальных не припомню. Когда трупы были оттащены в откос, нам каратели приказали идти пешком в Плещеницы. Меня, истекающего кровью, каратели также погнали в числе оставшихся в живых односельчан в Плещеницы. Конвоировали нас приблизительно 10–15 карателей, многие из которых разговаривали с нами и между собой на русском языке с украинским акцентом...

4.2. Из протокола допроса свидетеля Н.П. Шалупиной от 16 ноября 1987 г.

22 марта 1943 года по указанию старосты нашей деревни я вместе с другими односельчанами занималась вырубкой леса вдоль шоссе Логойск – Плещеницы. В тот день нас лесорубов было 45–50 человек. Когда мы рубили лес у дороги вблизи деревни Большая Губа, то со стороны Плещениц по шоссе на автомашинах проехали каратели. Впереди шла легковая автомашина, а за ней следовали две-три грузовые автомашины с карателями. Мы не знали, что недалеко от нас партизаны организовали засаду. Каратели проехали мимо нас и вскоре раздалась стрельба. Мы предположили, что каратели вступили в перестрелку с партизанами. Некоторые лесорубы сразу ушли в деревню Козыри, а я с другими осталась на месте вырубки леса. Через некоторое время стрельба у шоссе прекратилась. Каратели проезжавшие мимо нас, стали возвращаться в сторону Плещениц. Подъехав к нам, они стали нас ругать и обвинять в том, что мы знали о засаде партизан и об этом их не предупредили. Каратели говорили, что партизаны их обстреляли из засады, убили немецкого офицера и еще кого-то из карателей. Разговаривали каратели на украинском языке. После этого всех оставшихся лесорубов каратели выгнали на шоссе, поставили нас в колонну по четыре человека и начали избивать палками, прикладами от оружия, а затем под конвоем погнали в сторону Плещениц. В пути приказали оставить пилы и топоры в деревне Большая Губа. Каратели шли впереди, по сторонам и сзади нас. Пройдя около километра от деревни Большая Губа, я и другие лесорубы стали разбегаться в разные стороны. Каратели открыли по нам огонь. Стреляли из винтовок и автоматического оружия. Я была ранена в ягодицу, левую ногу выше колена, правую руку и легко в голову. Кроме меня были ранены Акулич Петр Иосифович, Лис Петр Григорьевич, Анискович Иосиф Иосифович и Карчашко, имя и отчество не помню, которая во время войны приехала в нашу деревню из Еорисова. Карчашко через сутки умерла от тяжелых ран. Легко был ранен и односельчанин Лайковский Степан, который летом 1944 года был призван в ряды Советской Армии и погиб на фронте. Лис Петр лет девять назад умер. Акулич Петр в настоящее время проживает в деревне Козыри. Всего было убито более 20 лесорубов и несколько человек было ранено. В тот день каратели угнали в Плещеницы небольшую группу из числа лесорубов, но на следующий день их отпустили.

*Материалы уголовного дела № 21028030022 о геноциде населения Беларуси
в годы Великой Отечественной войны и послевоенный период*

4.3. Из протокола допроса свидетеля И.С. Лиса от 17 ноября 1987 г.

В период временной оккупации я со своими родителями проживал в деревне Козыри Логойского района. 22 марта 1943 года мой отец, Лис Степан Иванович, был убит немецкими карателями у шоссе на дороге Плещеницы–Логойск, где вместе с другими односельчанами он работал на вырубке леса. Это было недалеко от дер. Губа. В лесу работало много жителей нашей деревни. В районе вырубки леса на шоссе партизанами были обстреляны немецкие автомашины. Прибывшие из поселка Плещеницы каратели арестовали всех работавших в лесу людей, которых они должны были отконвоировать в Плещеницы.

Во время конвоирования были расстреляны карателями человек двадцать жителей нашей деревни, в том числе и мой отец. Оставшиеся в живых односельчане рассказывали о том, что их задерживали и стреляли по ним каратели, разговаривавшие на русском и украинском языках. Формирование этих карателей стояло в поселке Плещеницы. Я не знаю, как оно называлось. Также я лично не знаю и никого из карателей, которые служили в этом формировании. Неизвестна мне и причина, по которой были расстреляны мой отец и другие односельчане.

Из числа жителей нашей деревни, убитых карателями 22 марта 1943 года, я помню следующих: Акулич Антон Михайлович, Бальцевич Иван Антонович, Дорожинский Петр Казимирович, Корчашко Петр Павлович, Корчашко Александр Адамович, его дочь Корчашко Екатерина Александровна, Картуль Антон Степанович, Лайковский Антон Иванович, Лис Антон Иванович – мой дядя, подросток Лис Антон Иванович, Лис Болеслав Иванович, Лис Станислав Антонович, Лис Степан Иванович – мой отец, Лис Гльян Семенович, Лис Янина Ивановна, Курако Павел Абрамович, Петровский Казимир Ильич, Рашкевич Павлина Францевна.

Вместе с ними в тот день были убиты Тихонович Иван, отчества которого я не знаю и не знаю из какой он деревни, и Чернявский Зенон Павлович из деревни Губа, а также Доменецкий Доменник – кузнец деревни Губа. Чернявского Зенона некоторые жители нашей деревни называют по фамилии Каминский, но его настоящая фамилия, как мне хорошо известно – Чернявский.

Тогда же были ранены Шалупина Надежда Петровна, Гуздельский Казимир Иосифович, Лис Петр Григорьевич, Курчашко Аделя Феликсовна, Анискевич Иосиф Иванович, Акулич Петр Иосифович и Лайковский Степан Иванович – родной брат Лайковского Антона Ивановича, убитого карателями. Из раненых 22 марта 1943 года Лайковский Степан погиб на фронте, а Гуздельский, Лис Петр, Анискевич Иосиф и Курчашко Аделя умерли.

Расстрелянные Корчашко Александр Адамович, его дочь Корчашко Екатерина, Чернявский Зенон Павлович, Картуль Антон Степанович, подросток Лис Антон Иванович, Лис Станислав Антонович, Лис Янина Ивановна и Тихонович Иван близких родственников в нашей и соседних деревнях не имеют.

О том, что моего отца и других односельчан убили каратели украинцы мне рассказывали Шалупина и Гуздельский Казимир. Мой отец похоронен на кладбище в дер. Корень. Как мне известно, в тот же день каратели расстреляли и сожгли всех жителей деревни Хатынь.

Уточню, что был расстрелян не Акулич Антон Михайлович, а Акулич Михаил Михайлович, я перепутал имена.

Материалы уголовного дела № 21028030022 о геноциде населения Беларуси в годы Великой Отечественной войны и послевоенный период

4.4. Из протокола допроса свидетеля К.И. Гуздельского от 5 февраля 1975 г.

...22 марта 1943 года, исполняя приказ немецких оккупационных властей, по заданию старосты деревни Лиса Александра (убит немцами), жители д. Козыри вышли очищать от леса обочины шоссе Плещеницы – Логойск. Жителей дер. Козыри тогда вышло на работу много, был тогда и я. Придя к месту работы на шоссе Плещеницы – Логойск, где сейчас располагается ресторан «Партизанский Бор», и только начав работать, мы увидели, что по шоссе со стороны Плещениц движется колонна автомашин с немецкими карателями. Впереди ехала легковая автомашина.

Сколько всего было автомашин, я сейчас не помню. Каратели были одеты в шинели зеленого цвета с желтоватым оттенком. Когда каратели отъехали от нас метров 100–150, их обстреляли партизаны. Каратели открыли огонь в сторону партизан. Партизаны ушли в сторону дер. Хатынь. После этого каратели задержали работавших по очистке обочин дороги односельчан, в том числе и меня, и стали конвоировать в сторону Плещениц. Не доходя 200–250 метров, где сейчас шоссе пересекается узкоколейной железной дорогой, односельчане начали разбегаться. Каратели открыли огонь, в результате которого убили 22 человека. Оставшимся в живых приказали стащить трупы с дороги в кювет. Тогда каратели меня ранили – прострелили ухо. Лис Петр был ранен в ногу, Корчашко Аделя (умерла) была ранена в руку. Раненых и оставшихся в живых односельчан, в том числе и меня, каратели под конвоем отвели в г. п. Плещеницы и ночь держали в сарае, а утром отпустили домой. Всех расстрелянных карателями односельчан 22 марта 1943 г. похоронили на их кладбище в дер. Корень Логойского района. Указанные каратели 22 марта 1943 года сожгли дер. Хатынь вместе с людьми...

4.5. Из протокола допроса потерпевшего И.Б. Шатило, 1931 г. р., от 27 сентября 2021 г. (справочно: родной брат пострадавшего от рук карателей В.Б. Шатило)

«...Известно..., брат рассказывал, который жив остался, с 24-го года. А с 11-го года убили. Убили на асфальте. Гнали на Плещеницы от хатынской дороги. Тут резали они лес. Заставил... председатель... староста...»

На вопрос, кто они такие, показал: «немцы, эсэсовцы. Эсэсовцы с автоматами. Сеяли, сеяли. Четыре пули попало брату старшему, 11-го (года рождения) в груди и он там, когда сносили, приказали, кто живой, встаньте, снесите трупы на откос. Снесли и тогда погнали в Плещеницы... живых... оставшихся, там много осталось, но много и убили, 32 или 33 человека убили, там на дороге. А часть пошли по следам, снежок еще был, на Хатынь и там...»

На вопрос, что рассказывал брат о карателях, показал: «Говорили, что украинцы. А тогда приехал с Плещениц немец, запретил стрелять по лежащим, а они все равно. Тогда рассказывал брат, который живой остался, отбирал автоматы у них, немец, а эти эсэсовцы, все равно сеяли (стреляли) с автоматов по лежащим. Сгоняли в Плещеницы, там их допросили, было там то-то, это брат рассказывал, и тогда дали, говорит, хлеба и сказали, чтобы убрали трупы с места, похоронили...»

4.6. Из протокола допроса свидетеля Г.В. Спивака от 2 октября 1987 г.

Весной 1943 года, как я припоминаю это было в марте месяце, число не помню, полицейские первой роты на автомашинах из Плещениц выехали в направлении Логойска для исправления линии телефонной связи. Когда мы проехали Горбатый мост на шоссе Плещеницы-Логойск, то увидели работавших в лесу людей, которые занимались расчисткой придорожной лесополосы. Проехав от моста примерно с километр, легковая машина из нашей колонны была обстреляна партизанами. В результате этой стрельбы немецкий офицер Вельке, пулеметчик Шнайдер были убиты, командир взвода Мелешко ранен. Полицейским была дана команда открыть огонь по партизанам. Когда мы подошли к месту засады партизан, их там уже не было, они отступили в лес. В снегу много валялось стрелянных гильз. Партизан мы преследовать не стали. Командиры взводов часть полицейских I роты оставили в засаде в районе перестрелки с партизанами, а остальным полицейским приказали выгнать на шоссе всех людей, которые работали по вырубке леса вдоль шоссе. Несколько полицейских из нашей роты, в том числе и я, оцепили лесорубов и выгнали их на шоссе. В числе лесорубов были мужчины, женщины и подростки. Сколько всего их было, я сказать не могу, но их было много. О происшедшем каким-то образом стало известно в штабе батальона в Плещеницах и к нам было послано подкрепление. К этому времени мы уже конвоировали лесорубов по шоссе в Плещеницы. В их конвоировании принимал участие и Катрюк со своим отделением. При конвоировании лесорубов на шоссе нас встретили полицейские, следовавшие на автомашинах из Плещениц. Вместе с полицейскими на подкрепление к нам из Плещениц прибыли шеф батальона немец Кернер, командир батальона Смковский и начальник штаба Васюра. Когда они подъехали к нашей колонне, то часть лесорубов бросились в разные стороны и побежали в сторону леса. Кто-то из командиров дал команду открыть по лесорубам огонь. По лесорубам начали стрелять полицейские из числа конвоя, в том числе и Катрюк стрелял из имевшегося у него оружия, а также стреляли полицейские, прибывшие на подкрепление из Плещениц. В результате нашей стрельбы по лесорубам около двадцати человек из их числа было убито и несколько ранено. Сколько конкретно человек в этом бою убил Катрюк, я сказать не могу. Оставшихся в живых лесорубов отправили в расположение батальона в Плещеницы.

После расправы над лесорубами полицейские I I8 батальона под командованием Кернера, Смковского и Васюры пошли на место обстрела нас партизанами. Здесь мы встретили прибывших из Логойска эсэсовцев. Рассыпавшись цепью, полицейские нашего батальона и немцы пошли прочесывать лес, куда отступили партизаны.

Спивак

*Материалы уголовного дела № 21028030022 о геноциде населения Беларуси
в годы Великой Отечественной войны и послевоенный период*

4.7. Из протокола допроса свидетеля П.Ф. Дзебы от 14 января 1986 г.

В марте 1943 года на шоссе Плещеницы-Логойск, в районе деревни Большая Губа, партизанами из засады была обстреляна колонна полицейских первой роты I I8 батальона, которая выезжала для исправления повреждения линии связи. В результате этого обстрела был убит шеф первой роты немец гауптман Вельке и трое полицейских, а командир первой роты Мелешко и кто-то еще были ранены. В момент обстрела я находился в одной из двух грузовых автомашин, следовавших за легковой автомашиной, в которой ехал Вельке. В одной из грузовых автомашин находился и Катрюк со своим отделением. После непродолжительной перестрелки партизаны отступили вглубь леса. Неподалеку от места засады в лесу работали на вырубке кустарника мирные граждане, в том числе женщины и подростки, которых по указанию Мелешко построили на шоссе и под конвоем повели в сторону поселка Плещеницы. Хорошо помню, что в числе конвоировавших лесорубов с оружием в руках был и Катрюк. Когда мы отвели лесорубов от места боя с партизанами километра на три, часть из них внезапно побежали от шоссе в сторону леса. По убежавшим лесорубам был открыт огонь. В числе стрелявших я хорошо помню Катрюка, который находился от меня в непосредственной близости, в метрах десяти, и вел огонь из имевшегося у него карабина. Стрельба была интенсивная и закончилась также неожиданно, как и началась. По окончании стрельбы, на шоссе и в кювете я увидел не менее двадцати трупов мирных лесорубов. Оставшихся в живых, в их числе несколько раненых, вновь построили в колонну и продолжили конвоировать в Плещеницы. После расстрела лесорубов конвойную группу уменьшили. Конвойные, в том числе и я, повели лесорубов в Плещеницы, а Катрюк в числе других полицейских присоединился к прибывшему из Плещениц подкреплению.

*Материалы уголовного дела № 21028030022 о геноциде населения Беларуси
в годы Великой Отечественной войны и послевоенный период*

4.8. Из протокола допроса свидетеля Т.П. Топчего от 23 января 1986 г.

По приказу гитлеровского командования наш батальон с января 1943 года неоднократно принимал участие в проведении карательных операций против мирных советских граждан. Особой жестокостью при этом отличался КАТЮЖА и подчиненные ему полицейские его отделения. Так, я вспоминаю, когда в марте 1943 года полицейскими первой роты II^{го} батальона были расстреляны не менее двадцати пяти мирных советских граждан, работавших на вырубке леса недалеко от деревни Большая Губа на шоссе Плещеницы - Логойск. Это произошло при следующих обстоятельствах. Полицейские первой роты во главе с её шефом - гауптманом Вельке выехали на исправление поврежденной партизанами телефонной связи. Неподалеку от деревни Большая Губа колонна полицейских была обстреляна из засады партизанами. В ходе перестрелки был убит гауптман Вельке и трое полицейских. Командир первого взвода Малечко и еще один полицейский, фамилию его в настоящее время не помню, ранены. На место обстрела колонны полицейских из поселка Плещеницы выехал подкрепление - остававшиеся там подразделения IIS полицейского батальона. В их числе выехал и пулеметный взвод, в составе которого я проходил службу. Когда мы приехали на место обстрела колонны полицейских партизанами, я увидел стоящих на шоссе мирных граждан, которые, судя по наличию у них пил и топоров и как мне стало известно от сослуживцев, работали по вырубке леса вдоль шоссе. Лесорубов было, насколько я помню, человек пятьдесят, в их числе были женщины и подростки. Колонну изданных лесорубов назначенные для этого полицейские контролировали в поселке Плещеницы. В числе контролеров я видел КАТЮЖА. Колонна лесорубов отошла на незначи-

4/105

тельное расстояние, и в это время по неизвестной мне причине часть лесорубов бросилась бежать к лесу. Сопровождавшие их полицейские стали стрелять по убегающим и по стоявшим на шоссе лесорубам. Стрельба велась интенсивно в течение трех - пяти минут. Лишь после того, как многие из лесорубов были убиты, а оставшиеся в живых легли на землю, стрельба по чьей-то команде прекратилась. В числе стрелявших по безоружным людям я видел КАТЮЖА, который вел по ним огонь из карабина. После расправы над лесорубами, оставшихся из их числа в живых, в том числе не менее пяти раненых, построили в колонну и продолжали конвоировать в поселок Плещеницы. Их дальнейшая судьба мне не известна.

Материалы уголовного дела № 21028030022 о геноциде населения Беларуси в годы Великой Отечественной войны и послевоенный период

4.9. Копия запроса отдела II управления Генерального комиссара в Минске окружному комиссару в Борисове о предоставлении сведений о преследовании банды и сожжении деревни Хатынь от 1 апреля 1943 г. Оригинал и перевод с немецкого языка.

168

Генеральный комиссар
в Минске
отдел II Управление

Минск (Остланд) I.4.43 г.
Г-НУ Окружному комиссару в
БОРИСОВЕ

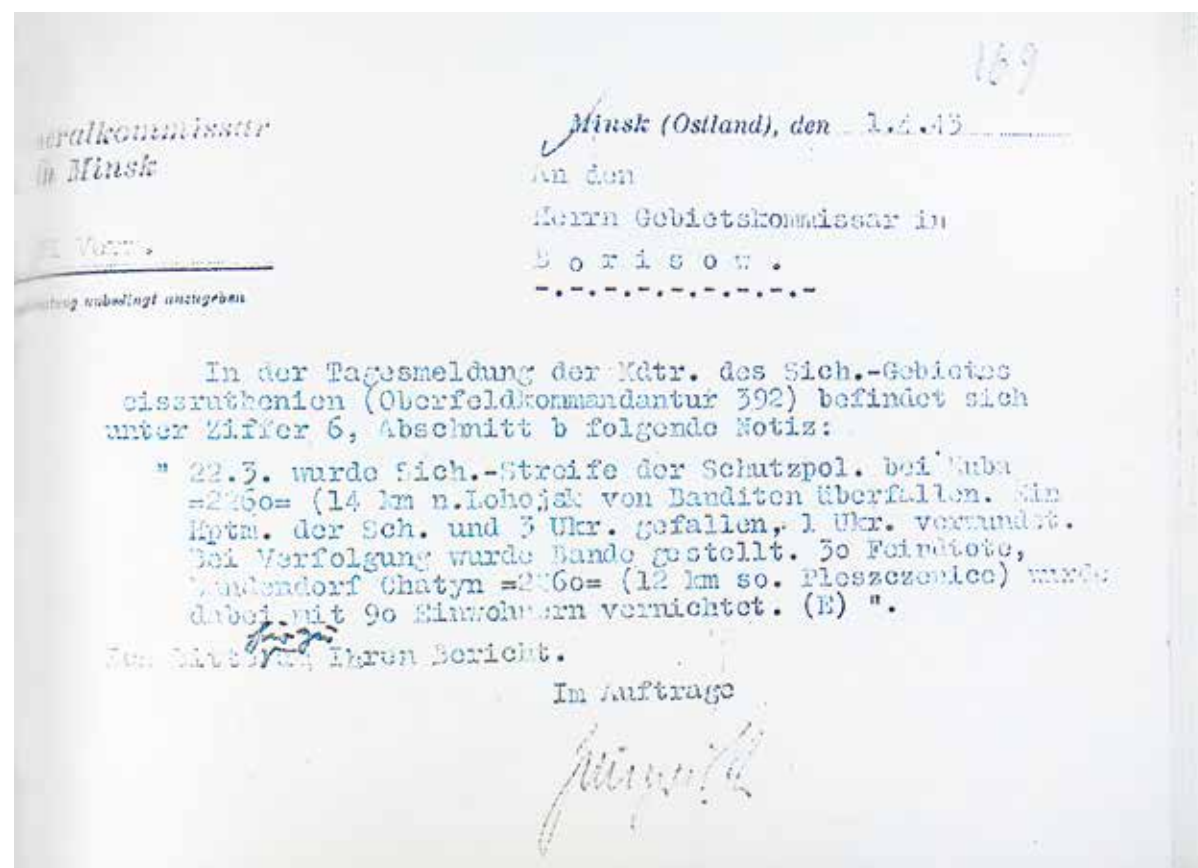
В оперативном донесении окружной комендатуры Белоруссии (полевая комендатура 392) под пунктом 6, раздел В, имеется следующее сообщение:

22.3. Дозор охранной полиции в районе Губа = 2260 = (14 км. севернее Логойска) подвергся нападению бандитов. Убиты 1 гауптман полиции и 3 украинца, 1 украинец ранен. При преследовании банда была остановлена. Потери противника - 70 убитых. Бандитская деревня Хатынь = 2260 = (12 км. ю.в. Плещениц) была при этом уничтожена вместе с 90 жителями.

Прошу доложить об этом.

ПО ПОРУЧЕНИЮ - подпись неразборчиво

ПЕРЕВЕЛ: / МЫЗНИКОВ /

Материалы уголовного дела № 21028030022 о геноциде населения Беларуси в годы Великой Отечественной войны и послевоенный период

4.10. Копия акта от 22 марта 1943 г. о расстрелянных жителях деревни Козыри

Мной инструктором Логойского РК Фурсом А. в присутствии старосты дер. Козыри Кузевичского с/с Лиса Александра, зам. секретаря Логойского райкома комсомола т. Салтыкова и гр. деревни Козыри Германович Стаси составили акт о нижеследующем: граждане дер. Козыри, ниже поименованные, работали по приказанию германских властей по шоссе Логойск – Плещеницы по вырубке леса дорожной полосы, в этот момент Плещеницкая полиция, подъезжая на автомашинах, и произвела расстрел гр-н дер. Козыри.

1. Рашкевич Павлину	36 л.
2. Карчашку Петра	37 л.
3. Карчашку Александра	35 л.
4. Карчашку Касю	15 л.
5. Карчашку Стасю	26 л.
6. Акулича Александра	45 л.
7. Акулича Иосифа	35 л.
8. Чернявского Зенюся	21 г.
9. Курако Павла	46 л.
10. Лайковского Антона	31 г.

11. Вашкевича Антона	39 л.
12. Лиса Антона	32 г.
13. Балцевича Ивана	32 г.
14. Лиса Степана	55 л.
15. Лиса Юльяна	16 л.
16. Лиса Болислава	27 л.
17. Лиса Станислава	42 г.
18. Лис Янину	26 л.
19. Лиса Антона	17 л.
20. Дорожинского Петра	30 л.
21. Петровского Казимира	21 г.
22. Акулича Михаила	16 л.
23. Тихановича Ивана	34 г.
24. Лиса Витю	24 г.

Раненых тяжело:

1. Лис Ядзю
2. Анисковича Иосифа
3. Лиса Петра

Удравшие из-под обстрела – 12 человек. О чем составили настоящий акт...

5. Деревня Хатынь Логойского района, 22 марта 1943 г.

5.1. Из протокола допроса свидетеля И.И. Каминского от 31 января 1961 г.

...До уничтожения дер. Хатынь я занимался там сельским хозяйством, а после ранения нигде не работал. 21 марта 1943 года, в воскресенье, в дер. Хатынь приехало много партизан, название отряда и бригады не знаю. Переночевав, утром еще было темно, большая часть их выехала из нашей деревни. В середине дня, то есть в понедельник 22 марта 1943 года, я, находясь дома в дер. Хатынь, услышал стрельбу около деревни Козыри, расположенной в 4–5 км от дер. Хатынь. Причем стрельба сначала была большая, потом она прекратилась и вскоре снова на некоторое время возобновилась. Не помню точно, кажется в 15 часов дня, партизаны возвратились в д. Хатынь и расположились обедать. Спустя час-полтора нашу деревню стали окружать немцы, после чего между ними и партизанами завязался бой. Несколько партизан в дер. Хатынь было убито, в частности, я лично видел, что в моем огороде лежал труп убитой женщины-партизанки, впоследствии кто-то говорил, что по национальности еврейка. Были разговоры среди местных жителей, кого конкретно – не помню, что со стороны партизан имелись другие потери, но я сам больше убитых не видел. Были ли потери со стороны немецких войск – не знаю. Партизаны после часового, примерно, боя отступили, а солдаты немецких войск стали собирать подводы и грузить на них имущество. Из числа жителей дер. Хатынь они взяли в подвозчики только одного Рудака Стефана Алексеевича, который погиб в 1944–1945 годах на фронте. Остальных жителей начали сгонять в сарай, расположенный в метрах 35–50 от моего дома, т. е. в мой сарай.

Я проживал по правой стороне и в середине деревни Хатынь, если ехать из дер. Славовище со стороны г. п. Логойска. А мой сарай, куда сгоняли каратели людей, расположен ближе к улице. Ко мне в дом сначала зашло 6 карателей, разговаривавших на украинском и русском языках. Одеты они были – трое в немецкой форме, а остальные, вернее другие три карателя, в каких-то шинелях серого цвета, как будто русских шинелях. Все они были вооружены винтовками. Дома тогда были я, моя жена Аделия и четверо детей в возрасте от 12 до 18 лет. Я стал на колени, они у меня спросили, сколько было партизан. Когда я ответил, что было у меня шесть человек, а кто они такие – не знаю, вернее, или партизаны, или другие – я так выразился, спросили затем, есть ли лошадь и предложили ее запрячь. Как только я вышел из дома, один из карателей, разговаривавший на русском языке, одетый в шинель серого цвета, у него на рукаве были нашиты знаки с каким-то, если не ошибаюсь, коричневым оттенком, высокого он роста, плотного телосложения, полный в лице, разговаривал грубым голосом, ударил меня прикладом винтовки в плечо, назвал бандитом и сказал быстрее идти запрягать лошадь. Лошадь стояла у моего брата Каминского Ивана Иосифовича, который проживал напротив моего дома через улицу. Зайдя туда во двор, я увидел, что мой брат Иван уже лежал на пороге своего дома убитым. Видимо, он был убит еще во время боя, в результате которого даже стекла частично повывлетали, в том числе в моем доме. Лошадь я запряг и ее взяли каратели, а меня и сына моего брата Владислава два карателя погнали в мой сарай. Когда я пришел в сарай, то там уже было человек 10 граждан, в том числе моя семья. Я еще спросил, почему они раздетые, на что моя жена Аделия и дочь Ядвига ответили, что их каратели раздели. Людей продолжали сгонять в этот сарай, и он через непродолжительное время был совершенно заполнен, что даже нельзя поднять рук. Размер сарая был 12×6 [м], в него согнали человек сто семьдесят моих односельчан. Из сарая, когда открывали дверь и загоняли людей, было видно, что многие дома уже горели. Я понял, что нас будут расстреливать и сказал находившимся вместе со мною в сарае жителям: «Молитесь Богу, потому что здесь умрем все». На это стоявший у дверей сарая каратель, по национальности украинец, высокого роста, худощавый, одетый в серую шинель, вооруженный автоматом, ответил: «О цэ, иконы топтали, иконы палили, мы вас сейчас спалим». Эти слова карателя мне особенно запомнились, так как в сарай были согнаны мирные жители, среди них много малолетних и даже грудного возраста детей, а остальные в основном женщины, старики. При одном воспоминании их в глазах возникает страшная картина этого чудовищного факта истребления людей, жителей дер. Хатынь, среди которых я оказался. Уже горел сарай, вернее он загорелся еще до того, как я сказал находившимся в сарае людям: «Молитесь Богу» и другие слова, о чем записано выше. Обреченные на смерть люди, в том числе я и члены моей семьи, сильно плакали, кричали. Открыв дверь сарая, каратели стали расстреливать из пулеметов, автоматов и другого оружия граждан, но стрельбы почти не было слышно из-за сильного крика (воя) людей. Я со своим 15-летним сыном Адамом оказался около стены, убитые граждане падали на меня, еще живые люди металась в общей толпе словно волны, лилась кровь из раненых и убитых. Обвалилась горевшая крыша, страшный, дикий крик, вой людей еще усилился. Под ней горевшие живьем люди так вопили и ворочались, что эта крыша прямо-таки кружилась. Мне удалось из-под трупов и горевших людей выбраться и доползти до дверей. Тут же упомянутый мною выше каратель, по национальности украинец, стоявший у дверей сарая, из автомата выстрелил по мне, в результате я оказался раненым в левое плечо; пули как будто обожгли меня, поцарапав в нескольких местах тело в области спины и порвав одежду. Мой сын Адам, до этого обгоревший, каким-то образом выскочил

из сарая, но в метрах 10 от сарая после выстрелов упал. Я, будучи раненым, чтобы не стрелял больше по мне каратель, лежал без движения, прикинувшись мертвым, но часть горевшей крыши упала мне на ноги и у меня загорелась одежда. Я после этого стал выползать из сарая, подняв немного голову, увидел, что карателей у дверей уже нет. Возле сарая лежало много убитых и обгоревших людей. Там же лежал раненый Етка Альвин Феликсович, у него из бока лилась кровь, и поскольку я находился рядом с ним, прямо текла на меня. Я еще пытался ему помочь, затыкал рукой рану, чтобы не текла кровь, но он уже умирал, будучи совершенно обгоревшим, на лице и теле не было уже кожи, тем не менее он еще два раза сказал: «Спасай», почувствовав мое прикосновение. Услышав слова умиравшего Етки Альвина, каратель подошел откуда-то и, ничего не говоря, поднял меня за ноги и бросил, но я, хотя был в полусознании, не ворочался. Тогда этот каратель ударил меня прикладом в лицо и ушел. У меня была обгоревшая задняя часть тела и руки. Лежал я совершенно разутый, так как снял горевшие валенки, когда выполз из сарая, лежа на снегу в луже крови, то есть смешавшейся со снегом. Вскоре я услышал сигнал к отъезду карателей, а когда они немного отъехали, мой сын Адам, лежавший недалеко от меня в в метрах примерно в трех, позвал меня к себе вытащить его из лужи. Я подполз, приподнял его, но увидел, что он перерезан пулями пополам. Мой сын Адам еще успел спросить: «А жива ли мама?» и тут же скончался. Какие больше трупы лежали около сарая – не помню, вспоминаю еще только Желобковича Андрея, которого видел убитым. Кроме моих членов семьи, там погибли его жена и трое детей. В том числе грудной ребенок. Я сам подняться и двигаться не мог, но вскоре подошел ко мне мой шури Яскевич Иосиф Антонович, проживавший на хуторе в полтора примерно километрах от дер. Хатынь и отвел к себе домой, вернее, почти нес на себе. Деревня Хатынь уже полностью догорала. Это было вечером 22 марта 1943 года, когда стемнело. А жгли сарай и расстреливали в нем людей каратели часов в 5–6 дня. Когда меня вел Яскевич Иосиф, который умер четыре года назад, я заметил два лежавших за деревней Хатынь в сторону дер. Мокрусь трупы, но кто они такие – не знаю... Таким образом, немецкими карательными войсками 22 марта 1943 года дотла сожжена дер. Хатынь Плещеницкого района, а ее жители в количестве 187 человек расстреляны или заживо сожжены. Причем по рассказам Рудака Стефана вблизи деревни Хатынь было убито человек 15, а остальные погибли – расстреляны и сожжены в одном сарае. Приметы карателей я только запомнил те, о которых указал выше. Могу вместе с тем уточнить, что немцев тогда в дер. Хатынь было мало, а остальные разговаривали, которых я видел в своем доме, на улице и около упомянутого сарая, на русском и украинском языках. Опознать их ввиду давности времени не смогу... Накануне, как мне впоследствии рассказывали Рудак Стефан и другие, кто – сейчас не помню, те же каратели расстреляли большую группу жителей дер. Козыри на шоссе Логойск – Плещеницы, где партизаны обстреляли карателей. Из рассказов указанных выше граждан мне известно, что из дер. Хатынь при ее сожжении, вернее из сарая, каким-то образом выскочил Етка Казимир Фелицианович, совершенно обгоревший, босиком, но он сразу же в тот же день, прибежав в дер. Козыри, здесь умер. Рудак Стефан при жизни говорил мне также, что ехавшие из дер. Хатынь после сожжения каратели видели Етку Казимира, и он у них просился добить его, но они на это только смеялись и отпустили, чтобы показать жертву другим жителям.

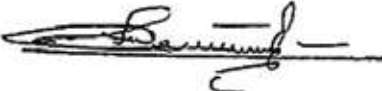
5.2. Из протокола допроса свидетеля В.А. Яскевича от 31 января 1961 г.

...Деревня Хатынь Плещеницкого района была расположена среди большого леса в четырех километрах от шоссе Логойск – Плещеницы <...> Не прошло и часа-полтора, как дер. Хатынь стали окружать немецкие войска, преследовавшие партизан. Завязался бой. Немцы били из минометов, пулеметов и другого оружия. В результате было убито в деревне Хатынь два партизана. Трупы их я сам видел недалеко от деревни. Один партизан, по рассказам местных жителей, был ранен. Партизаны начали уходить. Я тоже, будучи 12-летним мальчиком, побежал с ними, зная, что немецкие карательные войска сжигают деревни и убивают мирных жителей. Отбежав от деревни метров триста в сторону деревни Мокрусь, я залез в яму, где ранее хранился картофель, и там сидел. На некоторое время прекратилась стрельба. Мне только были видны пожар и большой дым. Затем снова началась сильная стрельба, особенно слышалась пулеметная очередь <...> Вскоре к яме, где я находился, подошли два немца. Увидев меня, один немец наставил автомат и хотел стрелять. Что было со мной, не помню, видимо, просился. Поговорив между собой на немецком языке, они ушли. Спустя примерно полчаса я услышал сигнал трубы. Понял, что каратели уезжают. Посидев еще немного времени в яме, вылез и увидел, [что] вся полностью деревня Хатынь горела. Идти в деревню побоялся, и считая, что мои родители в лесу, пошел искать их. Но в лесу никого не нашел. Проходя еще поле в сторону деревни Мокрусь, видел два трупа мужчин-партизан, лежавшие – один в 100, а другой в 200 метрах от горевшей деревни Хатынь. В деревне Мокрусь я находился до утра следующего дня, а затем вместе со своим дядей Яскевичем Иосифом Антоновичем, который умер в 1954 году, пошел смотреть свою деревню, надеясь найти в живых своих родителей. И вот здесь на месте сожженной деревни Хатынь я увидел более страшную картину. На пожарище бывшего сарая Каминского Иосифа лежала куча останков расстрелянных и сожженных людей. Вокруг также лежало много обгоревших трупов. Некоторые из них было узнать невозможно. Там я нашел обгоревшие трупы своего отца Яскевича Антона Антоновича, брата Виктора, 1922 года рождения, двух сестер Надежды и Ванды, 1936 года рождения и 1923 года рождения. Предположительно по обуви нашел труп своей матери Яскевич Елены Сидоровны, но он был совершенно обгоревшим, лежал в метрах пяти от сожженного сарая. Кроме того, погиб и мой брат Владислав, 1938 года рождения, но его труп я не нашел. Лежало несколько обгоревших трупов на улице в метрах пятидесяти от упомянутого сарая. Всего, как я считаю, было убито или сожжено жителей дер. Хатынь человек 200. Разговора карателей, которые сжигали деревню Хатынь и расстреливали жителей, я не слышал и никого из них не видел, за исключением двух немцев...

5.3. Из протокола допроса свидетеля А.П. Желобковича от 17 ноября 1987 г.

...22 марта 1943 года в нашу деревню ворвались немецкие каратели и жестоко расправились с ни в чем неповинными жителями Хатыни, а также сожгли все жилые дома и надворные постройки, утнали скот, разграбили имущество жителей. Мне известны следующие обстоятельства этого злодеяния: Накануне уничтожения Хатыни, в какой именно день сейчас не помню, в нашу деревню приехали советские партизаны и заночевали, а утром 22 марта 1943 года пошли лесом на операцию в сторону шоссе Минск-Логойск-Плещеницы. Они взяли меня, как местного жителя, в проводники. Не доходя шоссе, партизаны оставили в лесу свою небольшую резервную группу и меня с ней, а остальные ушли вперед, к шоссе. Через некоторое время спустя партизаны возвратились к нам и говорили, что на шоссе подорвали две грузовые автомашины и мотоцикл или легковую автомашину, точно не помню. На шоссе я не был и что действительно партизаны там подорвали не знаю. Примерно к середине дня 22 марта 1943 года я с партизанами возвратился в Хатынь, пришел в свой дом и лег спать. Проснулся вскоре от раздававшегося шума за окнами дома. Встревоженная этим шумом моя мать сказала мне, а потом я и сам увидел, что на нашу деревню наступают немецкие каратели со стороны деревни Козьри. Опасаясь за меня, мать сразу же предложила мне уехать из дому. Что я и сделал. Я сел на своего коня и ускакал мимо садовых насаждений в лес, а затем уехал в соседнюю деревню Замошье к своей тете. Через некоторое время спустя из этой деревни я увидел в направлении Хатыни столб черного дыма и предположил, что

 Желобкович

немецкие каратели жгут мою родную деревню. На следующий день я вместе с мужем своей тети поехал в Хатынь, где увидел страшную картину. Деревня полностью была сожжена. На месте сожженного сарая и возле него увидели много обгорелых трупов жителей деревни Хатынь. Среди убитых возле этого сарая я опознал свою мать, у которой была снесена верхняя часть черепа. Сказалось, что немецкие каратели сожгли моих односельчан в сарае, облили бензином и подожгли его. Находившиеся в горящем сарае люди, видя свою обреченность, выломали дверь и пытались спастись. Каратели всех пытавшихся спастись расстреливали возле сарая. Всех погибших похоронили через несколько дней спустя на месте гибели в трех могилах. В числе погибших в тот день в Хатыни были и мой отец Желобкович Петр Антонович, 1898 года рождения, мать Желобкович Стефанида Алексеевна, 1903 года рождения, четыре сестры: Желобкович Ольга, 1928 года рождения, Желобкович Лидия, 1934 года рождения, Желобкович Станислава, 1937 года рождения, и Желобкович Раиса, 1940 года рождения. Всего в деревне Хатынь 22 марта 1943 года погибло 149 жителей, в том числе и дети. После похорон жертв карателей от сильного потрясения я заболел и не помню, где находился дальше.

Материалы уголовного дела № 21028030022 о геноциде населения Беларуси в годы Великой Отечественной войны и послевоенный период

22 марта 1943 года – этот день отложился у меня в памяти на всю жизнь, в нашей деревне также были партизаны. Несколько партизан тогда останавливались и в нашем доме. Примерно в середине дня, находясь вместе с отцом в сарае возле своего дома, я услышал дружескую стрельбу, которая доносилась с противоположной стороны деревни. Когда мы с отцом выбежали из сарая, то я увидел как один из находившихся в нашем доме партизан забрался на стожок сена и с его высоты крикнул: "Немцы!", после чего выстрелил из винтовки вверх, как бы подавая сигнал своим товарищам о приближении опасности. После этого находившиеся в нашем доме партизаны ушли, а вся наша семья спряталась в погребе. Через непродолжительное время дверь погреба открылась и один из карателей приказал нам выйти из подвала наверх. Все мы по приказу карателя вышли из погреба и нас присоединили к другим жителям деревни, находившимся на улице, даже не разрешили войти в дом. Всех жителей деревни, и нас в том числе, каратели погнали к центру деревни. В настоящее время я не могу вспомнить в какой форме были каратели и чем они были вооружены. Среди своих односельчан я видел полураздетых детей, некоторые из них были босые. Каратели выгнали из домов всех жителей и не разрешили никому даже одеться. Когда мы под конвоем карателей шли к центру деревни они на русском языке спрашивали у моего отца сколько партизан было в деревне. Когда отец сказал, что он не знает, тогда каратели стали на моих глазах избивать отца прикладами своего оружия, а когда он упал, продолжали избивать его ногами. Только после того, как отец по подсказке кого-то из односельчан сказал, что в деревне находилось около 100 партизан, каратели перестали его избивать. Ему помогли встать на ноги и повели под руки к центру деревни вмес-

те с другими односельчанами наши соседи, кто именно я не помню. Всю нашу семью вместе с другими односельчанами каратели загнали в колхозный сарай, представлявший из себя деревянную постройку размером примерно 12 x 10 метров с соломенной крышей. Дверь в сарай была одностворчатой и располагалась с края стены сарая. Внутри сарай был перегороден двумя или тремя венцами бревен, за которыми находилась солома. На эти бревна сели мой отец, старшие братья и сестра, а я с матерью находился возле дверей сарая, в том месте где двери крепятся к петлям. Сколько времени мы находились в сарае я сказать не могу, но мне показалось не менее часа. Некоторые из находившихся в сарае жителей, чтобы успокоить односельчан, высказывали предположения, что каратели решили их поугубить и через некоторое время отпустят по домам. Кто-то из них, взобравшись к стропилам сарая, решил посмотреть через отверстие в соломенной крыше что происходит на улице. Однако, находившиеся возле сарая каратели заметили его и выстрелили в него, но не попали. По совету односельчан он спустился вниз. Находясь возле матери у входа в сарай, я видел через щели в сарае, как каратели начали подбрасывать к стенам сарая солому, после чего подожгли, предварительно солому облили какой-то жидкостью. Когда огонь охватил крышу и стены сарая, люди от страха, понимая, что им суждено живыми сгореть в огне, толпой бросились к двери сарая, которая снаружи была заперта. Под напором людей дверь была открыта и люди стали вырываться из горящего сарая. По ним каратели стали стрелять и они сраженные пулями падали в нескольких метрах от сарая. Я вместе с матерью каким-то чудом остались живыми и не вредимыми. Накрыв меня собой, мать шепнула мне, чтобы я не двигался, мы с ней лежали на земле среди убитых и раненых своих односельчан. В это время я пулей был ранен в левое плечо и об этом сообщил матери, но она на мои вопросы не отвечала. Я понял, что мать мертва. От пожара у меня начала тлеть одежда и я, чтобы как-то спастись от огня, отполз незамеченный карателями на несколько метров в сторону и продолжал неподвижно лежать до тех пор, пока не прекратилась стрельба и я не услышал отдаленный звук трубы. Поняв, что каратели уходят из деревни, я поднялся на ноги. То, что я увидел, потрясло мой детский разум. Первое желание, которое у меня возникло – это разделить участь моих родственников и односельчан, сгоревших в огне и павших от пуль карателей. К этому времени от сарая остались только дгорающие остовы его углов. На пепелище тремя группами на расстоянии нескольких метров друг от друга в различных позах лежали обгоревшие трупы мужчин, женщин и

Ж.А.

детей. Некоторые из них ещё подавали признаки жизни и просили меня дать им воды. Я набирал из ближайших луж красную от крови воду и в пригоршнях подносил им. Даже своим детским разумом я понимал, что эти люди обречены и их ждет неминуемая смерть. Таким образом все жители нашей деревни карателями были расстреляны и сожжены в сарае. Из числа уничтоженных карателями 149 жителей нашей деревни было 75 детей различного возраста. Среди погибших были и мои родственники – отец, мать, братья Иван и Степан и сестра Аня. Только чудом, кроме меня, остались в живых раненый в обе ноги Барановский Антон, трагически погибший несколько лет тому назад, Каминский Иосиф, праобраз которого увековечен в памятнике жертвам Хатыни и две девушки Сидорович и Климович. Обе они были сильно обожжены, их приютили жители хутора Хворостени, благодаря их заботам они выжили. Но они не дожили до освобождения нашей территории Советской Армией от гитлеровцев. Немецкие каратели сожгли заживо одну из них вместе с семьей их приютившей, а тело другой девочки было обнаружено в колодезье там же на хуторе. Об этом мне стало известно со слов местных жителей, кого конкретно не помню.

Кем и когда производилось захоронение трупов и останков жителей деревни Хатынь, мне не известно, так как после всего пережитого, не мог подходить и видеть место уничтожения своих родственников и односельчан. Меня приютили родственники из деревни Козынец, у которых я и проживал.

Никого из карателей, совершивших расправу над жителями деревни Хатынь, я не знаю. Откуда они прибыли в нашу деревню, мне не известно.

Материалы уголовного дела № 21028030022 о геноциде населения Беларуси в годы Великой Отечественной войны и послевоенный период

5.5. Из протокола допроса свидетеля А.И. Барановского от 28 апреля 1961 г.

...В период Отечественной войны я проживал на временно оккупированной немцами территории в дер. Хатынь Плещеницкого района Минской области. В марте 1943 года, которого числа не помню, в нашу деревню прибыла группа партизан, которые остановились в нашей деревне на ночлег. Переночевав в нашей деревне, ранним утром партизаны куда-то выехали. Во второй половине дня я услышал стрельбу со стороны деревни Козыри, находящейся в 4-5 километрах от нашей деревни. После непродолжительной стрельбы со стороны деревни Козыри в нашу деревню прибыла группа партизан, которая ночевала в нашей деревне, и расположилась на отдых. Примерно через час после этого, как я видел, нашу деревню стали окружать немецкие каратели. Между партизанами и карателями завязался бой. После непродолжительной перестрелки партизаны отступили в лес из нашей деревни, откуда примерно в течение часа обстреливали карателей. Когда начался бой между партизанами и карателями, я ушел к своему со-

седу Иодко Казимиру (погибшему во время расправы вместе с семьей), где находилась моя мать. Во время боя между партизанами и карателями мы легли на пол, а дверь закрыли на замок. Как только прекратилась стрельба в деревне, в дверь дома Иодко кто-то сильно постучал. Мы не успели открыть дверь, как каратели разбили ее прикладами. В дом ворвались три или четыре карателя. Вошедший в дом первый каратель был вооружен винтовкой, а остальные автоматами. Одеты они все были в немецкую военную форму. Цвета их формы и знаков различия я не помню. Ворвавшийся первым каратель на русском языке с характерным украинским акцентом в озлобленной форме, сопровождая слова нецензурной бранью, приказал нам выходить из дома. Когда мы стали выходить из дома, то один каратель приказал дочери Иодко – Марии остаться дома. Присутствие зашедших в дом карателей я из-за давности времени не помню. Выгнав нас из дома, каратели на русском языке с украинским акцентом приказали нам следовать к сараю Каминского Иосифа. Несколько карателей сопровождали нас до сарая, оскорбляя нас нецензурной бранью и толкая в спину прикладами. Один каратель ударил прикладом по голове Иодко Казимира. Когда нас каратели пригнали к сараю, то около сарая и в нем было уже много жителей нашей деревни. Около сарая я встретил отца с восьмью детьми в возрасте от года до 14 лет, а мать каратели пригнали вместе со мной. Каратели пригоняемым людям приказывали становиться на колени. Когда я подходил к сараю, то увидел, что каратели стали поджигать дома в деревне. Находящиеся в сарае и около него женщины, обращаясь к карателям, спрашивали, что они с ними будут делать. В ответ на это каратели, злобно усмехаясь, на русском языке с украинским акцентом заявляли, что ничего нам не будет. Когда я находился уже в сарае, в него втолкнули каратели Иодко Марию. Волосы у нее были растрепаны и порвано платье. Она сдержанно плакала. Как я полагаю, каратели, оставив ее в доме, изнасиловали. Когда находящиеся в сарае люди увидели, что каратели жгут дома в деревне, дети стали плакать. Плакали некоторые и взрослые, а некоторые из них молились, упрашивая карателей не расстреливать ни в чем невинных граждан. Ни плач детей, ни просьбы взрослых не помогли. Озверевшие каратели закрыли дверь сарая, заполненного людьми, и подожгли его. Люди в отчаянии бросились к двери и стали ломать ее. Тогда каратели открыли двери и, злобно усмехаясь, стали стрелять в обреченных на гибель людей. Плачем и стоном наполнился сарай. Люди, не обращая внимания на стрельбу, бросились в двери, но тут же расстреливались карателями. Я тоже бросился бежать из сарая, но метрах в сорока от сарая каратели прострелили мне левую ногу разрывной пулей, и я упал. Истекая кровью, я еще долго слышал крики и стоны людей в горящем сарае. Это продолжалось до тех пор, пока не обрушился горевший сарай. Мне еще не верилось, что каратели так зверски могли уничтожить людей, среди которых были взрослые и большинство детей. Лежа на снегу, я ожидал, что вот-вот кто-то подойдет ко мне из моих близких и окажет мне помощь. Так я пролежал до утра. Потеряв много крови и полузамерзший, я был поднят утром Рудаком Стефаном (погиб на фронте), который возвращался домой на подводе. Рудак мне рассказал, что перед расправой над жителями нашей деревни каратели послали куда-то его с подводой. Семья Рудака Стефана была уничтожена вместе с другими жителями нашей деревни. В тот день каратели уничтожили около двухсот жителей нашей деревни. Они зверски уничтожили не только взрослых, но и детей...

5.6. Из протокола допроса свидетеля Г.Н. Васюры от 16 сентября 1987 г.

...После расправы над мирными лесорубами батальон по приказу немецкого командования начал прочесывание прилегающей к шоссе лесистой местности. В ходе прочесывания подразделения батальона вышли к деревне Хатынь Логойского района Минской области. По приказу шефа батальона майора Кернера деревня была окружена полицейскими, все ее жители были согнаны в один большой сарай, расстреляны и сожжены в нем. В уничтожении жителей деревни, кроме подразделений IIB полицейского батальона, принимали участие эсэсовцы, прибывшие в Хатынь вместе с командованием батальона. Первое отделение I взвода I роты полицейского батальона под командованием Катрюка принимало активное участие в зверской расправе над мирным населением деревни Хатынь. Позже мне стало известно, что в результате этой расправы было уничтожено 149 человек – в основном женщины, старики и дети. После расправы над жителями деревни она по приказу майора Кернера была полностью сожжена.

Материалы уголовного дела № 21028030022 о геноциде населения Беларуси в годы Великой Отечественной войны и послевоенный период

5.7. Из протокола допроса свидетеля О.Ф. Кнапа от 2 декабря 1985 г.

После расправы над мирными лесорубами оставшиеся из их числа в живых были под охраной направлены в Плещеницы, а батальон, приняв боевые порядки, начал прочесывание прилегающей к шоссе лесистой местности. В ходе прочесывания подразделения батальона вышли на деревню Хатынь. По приказу шефа батальона майора Кернера деревня была окружена полицейскими, жители ее были согнаны в один большой сарай, расстреляны и сожжены в нем. По приказу Кернера деревня Хатынь была полностью сожжена. Вместе с деревней было уничтожено свыше ста ее жителей – в основном женщины, старики и дети. В уничтожении жителей деревни принимали участие эсэсовцы, прибывшие в Хатынь вместе с командованием батальона.

Во время этой карательной операции я находился в составе своего взвода в оцеплении деревни и в числе других карателей, сгонявших жителей к месту расправы, видел КАТРЮКА, так как стоял в метрах сорока от сарая, куда приводили обреченных. Затем наш взвод был снят с оцепления и направлен к сараю, в котором были собраны все жители деревни Хатынь. У сарая находились Кернер, Смовский, Васюра, Мелешко и другие командиры IIB полицейского батальона и эсэсовцы. Расправой руководили немцы. По приказу Кернера переводчик батальона Лукович поджег сарай. Находящиеся в нем люди стали плакать, кричать, молить о пощаде. В это время Кернер приказал стрелять по сараю и находившимся в нем мирным жителям. КАТРЮК также стрелял по сараю из винтовки. Я видел это очень хорошо, так как находился от него метрах в пятнадцати. Стрельба продолжалась до тех пор, пока в сарае не стихли крики, стоны и плач находившихся в нем людей.

Материалы уголовного дела № 21028030022 о геноциде населения Беларуси в годы Великой Отечественной войны и послевоенный период

...Все собравшиеся каратели пошли лесом по следам партизан. Каратели из Минска пошли впереди с правой стороны. Третий и первый взводы первой роты под командованием МЕДЕШКО – с левого фланга. Был и пулеметный взвод, но станковые пулеметы были прикреплены ко взводам. С правого фланга шла вторая рота II8 батальона. От шоссе по лесу мы отошли километров пять-восемь. Вышли на поляну. Село стояло ближе к шоссе. Получилось так, что по лесу мы обошли село. С нашей стороны видно было до десяти домов села и амбар, возле которого стоял часовой партизан. Когда мы ^ишли из лесу на поляну, из деревни по нас был открыт огонь. Поступила команда расчету станковых пулеметов занять позиции и открыть по селу огонь. Остальные стали наступать на село. Наш взвод шел с левой стороны наступающих и вел огонь по селу. Стреляли все, в том числе и я, ЛАКУСТА. В середине наступающих шли каратели из Минска. Село было окружено.

Наш взвод остановился возле леса, примыкавшего к концу села со стороны Минска. На другом конце села загорелось несколько домов от зажигательных пуль. Каратели из Минска начали сгонять жителей села в одно место. Всем трем взводам первой роты МЕДЕШКО дал приказ окружить стоявший перед нами большой сарай. Мы стали полумесяцем перед воротами сарая на расстоянии 40-50 метров. Я со своим отделением стоял прямо перед воротами сарая. Здесь был установлен станковый пулемет. Сарай был окружен с трех сторон, с каждой стороны стоял один станковый пулемет. Нам МЕДЕШКО приказал никого из сарая не выпускать и в сарай не впускать. С МЕДЕШКО были КЕРНЕР и переводчик ЛУКАЧ. Когда наша рота окружила сарай, в него уже было согнано некоторое количество жителей деревни. Людей продолжали загонять в сарай и после того, как мы его окружили. Людей в сарай загоняли каратели из Минска. В сарай сгоняли всех: мужчин, женщин, детей. Никого не оставляли. Когда все жители села были согнаны в сарай, его закрыли и кто-то поджег. Стоявшей в оцеплении первой роте нашего батальона КЕРНЕР через переводчика дал приказ никого из сарая не выпускать, если кто попытается убежать – стрелять. Люди в сарае страшно кричали, плакали. Невозможно было слышать предсмертные крики обреченных. Когда упала крыша сарая, несколько человек попытались выбраться из сарая. По ним был открыт огонь. Стреляли все, в том числе и я. Основной огонь велся из пулеметов. Команда была открыть огонь. До команды все оружие держали наготове. Огонь, конечно, велся не прицельный. Все были ошеломлены случившимся. Невозможно было заметить, кто и куда стреляет. Безусловно стреляли в сторону горевшего сарая, лицом к которому стояли. После стрельбы крики обреченных прекратились. Стоявшую в оцеплении сарая первую роту II8 батальона отправили домой сразу, как только догорел сарай. Возвращались мы в Плещеницы пешком лесной дорогой. Когда мы возвращались в Плещеницы, я увидел у командира второго отделения нашего взвода КАТРЮКА Владимира наручные часы марки "Звездочка". Спросил у него, где он взял часы. Он ответил, что это его добыча. Под лесом были убиты девушка и мужчина с повязкой на рукаве, с руки которого он и снял часы. Кто убил мужчину и девушку Катрюк мне не говорил. Сказал только, что он снял с убитого. Когда мы ушли в Плещеницы, в деревне еще оставались каратели из Минска. Когда мы выходили из деревни, она еще сожжена не была. Только

горело несколько домов, загоревшихся во время наступления и обстрела деревни. В сожжении этой деревни, названия её не знаю, вернее в сожжении и расстреле жителей деревни принимали участие: немец КЕРНЕР, командир первой роты ВИННИЦКИЙ, переводчик ЛУКАЧ, - его часто называли ЛУКОВИЧ, - командир первого взвода МЕЛЕШКО, старшина роты СЛИЖУК, командиры второго ЮМИТ и ГЕЛЬЧУК /ИЛЬЧУК/, командир третьего взвода ПАСЕЧНИК, командиры отделений я, ЛАКУСТА, ЮРЧЕНКО, ПАНКИВ, КАТРЮК, ВОЙЧУК, рядовые первого отделения: ШВЕЙКО, ТЕМЕЧКО, ЮРАЩУК, ПЕПА, ХАРЧЕНКО, КУРКО, БИЛЕК, КУШНИР, СЕМАК, рядовые второго отделения первого взвода: БОЛОЗЯК, ВАСИЛЕНКО, БОБИЛЯК, ЗЕЛЕНАКО, СИМЕРИН, КИСЕЛИЦА, ТАЩУК, КОШЕЙ, рядовые третьего отделения: ШВЕЦ, ГЛУХОНЮК, ШЕЛЮХ, ГОНЧАРОВ, МАТЫС, КОВАЛЮК, ДЗЮБА, РУБЦОВ и фельдшер роты КОПУСТЕНКО. Этих лиц я хорошо помню.

Материалы уголовного дела № 21028030022 о геноциде населения Беларуси в годы Великой Отечественной войны и послевоенный период

5.9. Из протокола допроса свидетеля Т.П. Топчего от 23 января 1986 г.

После того как колонна задержанных лесорубов была отправлена в поселок Плещеницы, оставшиеся полицейские ИИ8 батальона по приказу немецких офицеров из числа командования батальона стали прочесывать прилегавший к шоссе лес. Через некоторое время наш батальон вышел к деревне Хатынь. Следуя распоряжениям немецких офицеров, полицейские нашего батальона оцепили деревню. Я со своим взводом находился в оцеплении. Непосредственно в деревню вошли первая и вторая роты батальона, в их числе находился и КАТРЮК со своим отделением. По приказу командира батальона майора Кернера все жители деревни Хатынь были собраны и заперты в большом сарае, находившемся на окраине деревни. Сарай был подожжен карателями и по находившимся в нем людям полицейские открыли огонь из имевшегося у них оружия. Я лично в этот момент не находился у сарая, но отчетливо видел как туда собирали жителей деревни, как сарай с людьми горел и слышал стрельбу, которую вели каратели по обреченным, находившимся в горящем сарае. Я в качестве второго номера пулеметного расчета находился примерно метрах в семидесяти от места расправы над мирными жителями деревни Хатынь. После того как нас сняли с оцепления я проходил мимо еще горящего сарая с людьми и видел КАТРЮКА, который перезаряжал карабин. Правда, в этот момент уже ни КАТРЮК, ни его подчиненные огонь по горящему сараю не вели. Со слов подчиненных КАТРЮКА, не помню от кого именно, мне достоверно известно, что КАТРЮК лично конвоировал жителей деревни к сараю и затем, после того как сарай был подожжен, вел огонь из имевшегося у него карабина по мирным жителям и командовал на открытие огня своими подчиненными.

Материалы уголовного дела № 21028030022 о геноциде населения Беларуси в годы Великой Отечественной войны и послевоенный период

5.10. Из протокола допроса свидетеля В.А. Мелешко от 28 мая 1973 г.

...Оттуда, где был убит Вельке, все каратели двинулись влево по лесу. Причем первая рота шла крайней справа, третья в центре, а левым флангом эсэсовцы и жандармерия и, как мы ее звали за цвет формы, «черная полиция». За лесом, над возвышенностью показалась деревня. От шоссе до деревни было километров около пяти. Все каратели двигались цепью на деревню. Видно было, что оттуда стали убегать несколько человек. По команде командира роты Винницкого был открыт огонь из всех видов оружия по убегающим и деревне. Находившийся между первой и третьей ротами расчет батальонного миномета также стрелял в эту сторону,

как и каратели третьей роты. Когда убегавшие, которых мы приняли за партизан, скрылись, стрельба прекратилась. Был ли там оружейный расчет, не припоминаю. Следуя дальше, первая рота прошла через деревню, захватив ее правый край, и вышла на возвышенность, остановилась в 500–600 метрах от населенного пункта. Третья рота вошла в деревню, заняв ее середину. Находясь на возвышенности, я видел, что остальная часть деревни уже была занята жандармерией, эсэсовцами, полицией, с которыми ушли Кернер, Смовский, Васюра. Затем Винницкий был вызван к командованию батальона. Вскоре он прибыл в расположение роты и дал команду возвращаться в деревню и принять участие в сборе населения. Несколько человек с пулеметом были оставлены в охранении, а остальные каратели, в том числе Катрюк и Лакуста, с личным составом отделений вышли в деревню. Вместе с ними прибыл и я, но в то место, где находилось командование батальона, я не подходил. Выполняя приказ, командиры отделений первого взвода Лакуста и Катрюк с подчиненными им солдатами заходили в дома, выводили оттуда людей и сопровождали в центр деревни. Лично я в этом никакого участия не принимал. Полицейские как первой, так и третьей роты сгоняли туда всех мирных граждан. Занимались этим также эсэсовцы, полиция, жандармерия. В результате все жители деревни были согнаны в сарай, стоявший в середине деревни, немного в стороне от других построек, вблизи перекрестка. Когда все население было согнано в сарай, от Винницкого мне поступила команда, как командиру взвода, поставить полицейских первого взвода около сарая справа, если смотреть на его ворота. Кажется, здесь было и еще какое-то подразделение, но точно сказать этого не могу. Тут же был установлен станковый пулемет. Кто был в расчете пулемета, не помню. Слева от сарая, по-моему, находился третий взвод, эсэсовцы, жандармы. Там же установили станковый пулемет. Где именно какие позиции занял второй взвод нашей роты и каратели третьей роты, я теперь сказать затрудняюсь. Командование батальона и немцы находились тоже справа. Если посмотреть на сарай, на ту часть, где были ворота, то получалось, что каратели были расставлены так, что было похоже на коридор. Я находился около своего взвода. Вскоре деревянный сарай с людьми загорелся. Кто его поджег и кто из командного состава распорядился это сделать, я не могу сказать. Сарай был подожжен не пулями, а факелом. Люди выломали дверь и пытались убежать. По ним был открыт огонь из пулеметов, выставленных в местах, о которых я показал выше. Стреляли также и автоматчики. По убегающим мирным жителям из автомата стрелял Катрюк, я видел это сам, а также расстреливали их очередями из автомата те каратели, которые находились на другом фланге, но кто именно, сказать не могу, также как и не могу сказать, кто там вел пулеметный огонь. Одновременно с тем, как огонь был открыт по людям, которые пытались выскочить из сарая, те же каратели стреляли по людям, находившимся в нем. Пытавшиеся спастись тут же падали, подкошенные пулями. Таких, кто хотел выскочить из сарая, было несколько человек. Все же остальные люди находились в нем. Огонь по сараю вели из пулеметов, автоматов, винтовок. Крики обреченных и стрельба смешались в общий шум. Я не видел, чтобы кому-либо из жителей деревни удалось спастись. Эта зверская расправа над безоружными мирными жителями длилась недолго. Сарай, где находились они,

быстро сгорел. В огне и от пуль карателей погибло там не менее ста человек. Ушли каратели с места расправы лишь после того, как стало ясно, что ни один из загнанных в сарай человек не останется в живых. Кто конкретно, кроме Катрюка, расстреливал людей, стрелял ли в них Лакуста, сказать затрудняюсь. После совершенного злодеяния первая рота, в том числе и я, пошла к шоссе. Третья рота и остальная часть карателей еще заходили в деревню, забирали имущество, продукты...

5.11. Копия доклада 118-го полицейского охранного батальона начальнику СС и полиции Борисовского уезда в Плещеницах от 12 апреля 1943 г. Оригинал и перевод с немецкого языка.

118 полицейский батальон 12 апреля 1943 г.

ОКРУЖНОМУ НАЧАЛЬНИКУ СС И ПОЛИЦИИ
БОРИСОВА В ПЛЕЩЕНИЦАХ

По поводу возвращаемого при сем письма окружного комиссара в Борисове доношу следующее:

20.3.1943 г. между Плещеницами и Логойском бандами было разрушена телефонная связь. Для обеспечения охраны строительной команды и ликвидации возможных препятствий на дороге в 9.30 были направлены 2 взвода 1 роты 118 полицейского батальона под командованием ротмистра полиции Зильке. Примерно в 600 м. за Губой им встретились рабочие на земле леса. На вопросы они показали, что не видели никаких следов банд. Когда отряд продвинулся примерно ещё на 300 м., он подвергся сильному пулеметному и ружейному огню с востока. В завязавшемся бою были убиты ротмистр полиции Зильке и 3 украинских полицейских, ещё 2 полицейских были ранены.

После короткой, но ожесточенной перестрелки, противник отошел в восточном направлении на латынь, взяв с собой убитых и раненых. После этого украинским командиром взвода бой был прекращен, т.е. для дальнейшей акции своих сил не было достаточно. На обратном марше упомянутые рабочие в лесу были арестованы, т.е. возникло подозрение, что они пособники противнику. Несколько севернее Губы часть из них пыталась бежать. При этом нашим огнем было убито 23 человека. Остальные арестованные были доставлены в жандармерию в Плещеницах для допроса. Так как их винку нельзя было доказать, они были освобождены.

Для преследования отобранного противника затем были посланы большие силы, в том числе подразделения батальона СС Дирленштедте. Противник тем временем отошел в деревню

Хатинь, известную своим дружелюбием к бандитам. Деревня была окружена и атакована со всех сторон. Противник оказал при этом упорное сопротивление и вел огонь из всех домов деревни, так что пришлось применить тяжелое оружие, как противотанковые пушки и тяжелые минометы. В ходе боевых действий наряду с 34 бандитами было убито много жителей села. Часть из них погибла в пламени. Большая часть жителей, однако, за несколько дней до этого покинула Хатинь, чтобы не принимать участие в делах бандитов, — явление, которое можно наблюдать и в других деревнях вдоль шоссе.

КЕРНЕР майор охранной полиции

Ниже от руки написано: 6.5. бумага направлена генеральному комиссару.
6.5. подпись неразборчиво.

ПЕРЕВЕЛ:

М. М. Мизников

/ МИЗНИКОВ /

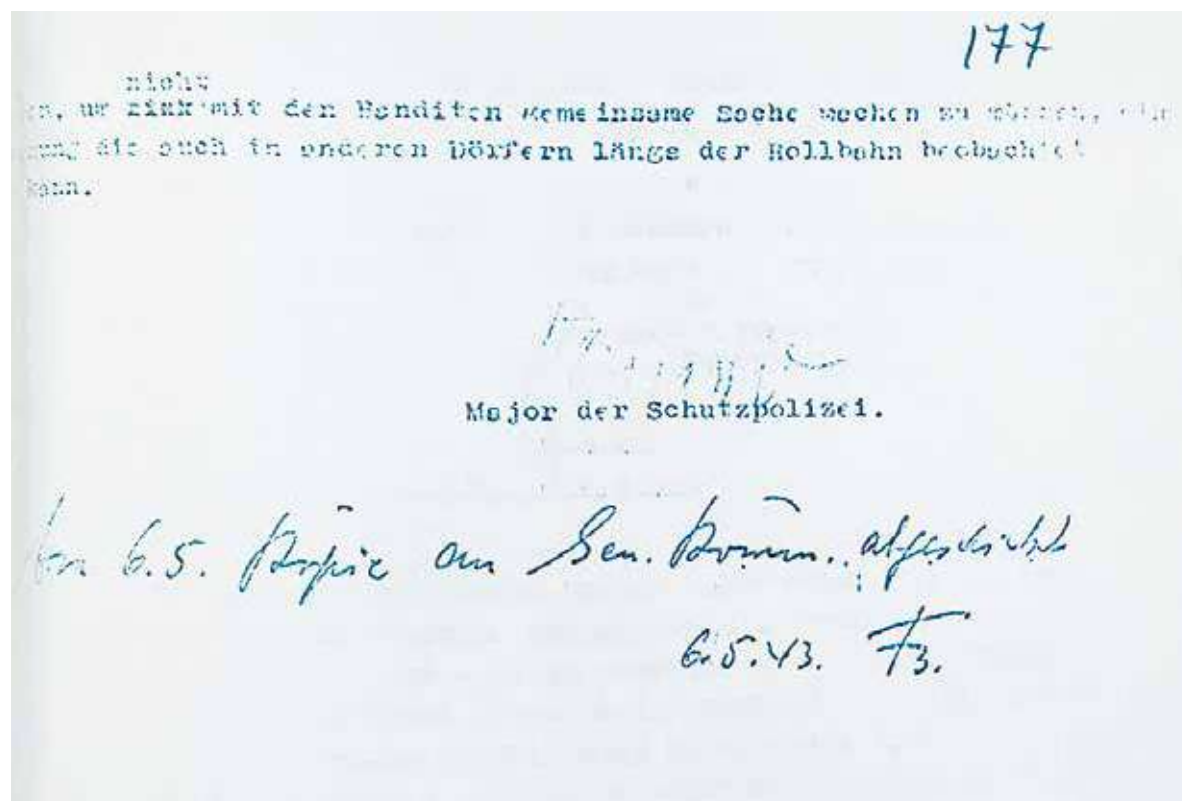
Polizei - Gebietsführer

in Pleschtschenize.

Zu dem anbei zurück folgenden Schreiben des Gebietsführers Birsow ist folgendes zu berichten:

Am 22. 3. 1943 war die Fernsprekverbindung zwischen Pleschtschenize und Lohoyok durch Banden zerstört worden. Zur Sicherung der Truppe und zur Räumung etwiger Strassensperren wurden 2 Züge der P. Sch. Btl. 118 unter Führung von Hauptmann d. Sch. Woelke am 23. Uhr - in Marsch gesetzt. Etwa 600 mtr. hinter Guba wurden Arbeiter beim Abholzen des Waldes angetroffen. Auf Befragen gaben sie an, Banditen beobachtet zu haben. Als die Truppe etwa 300 mtr. vorgevor, erhielt sie aus ostwärtiger Richtung starkes MG- und Gewehrfeuer. Bei dem sich entspinneenden Kampf fielen Hauptmann d. Sch. Woelke und 2 weitere Schutzmänner. 2 weitere Schutzmänner wurden verwundet. Nach heftigem Feuergefecht wich der Gegner unter Mitnahme seiner Verwundeten in ostwärtiger Richtung auf Chatyn aus. Hierauf wurde das Gefecht von dem ukrainischen Zugführer abgebrochen, da die Kräfte für eine weitere Aktion nicht ausreichten. Beim Rückmarsch wurden die erwähnten Waldarbeiter festgenommen, da sie im dringenden Augenblick den Gegner begünstigt zu haben. Kurz nördlich hinter Chatyn versuchte ein Teil von ihnen zu entfliehen. Durch unser Feuer wurden 23 Personen getötet. Die übrigen Festgenommenen wurden der Gendarmerie in Pleschtschenize zwecks Vernehmung zugeführt. Da sich ihre Schuld nachweisen liess, wurden sie entlassen.

Zur Verfolgung des ausweichenden Gegners wurden dann weitere Kräfte eingesetzt, darunter auch Teile des SS- Bataillons Birsow. Der Gegner hatte sich inzwischen in das als bandenfreundlich bekannte Dorf Chatyn zurückgezogen. Das Dorf wurde eingeschlossen und von allen Seiten angegriffen. Der Gegner leistete hierbei nachhaltigen Widerstand und feuerte aus allen Häusern des Dorfes, sodass auch schwere Waffen wie Pak und schwere Granatwerfer eingesetzt werden mussten. Bei den Kampfhandlungen wurden dann neben 34 Banditen zahlreiche Zivilisten getötet. Ein Teil davon kam in den Flammen um. Der grösste Teil der Einwohnerschaft hatte allerdings wohl schon Tage vorher Chatyn verlassen.

Материалы уголовного дела № 21028030022 о геноциде населения Беларуси в годы Великой Отечественной войны и послевоенный период

5.12. Копия акта от 12 июля 1943 г. о зверствах немецкой карательной экспедиции в деревне Хатынь.

Составили настоящий акт комиссия от Плещеницкого РККП(б)Б Стриго Мих. С., Филатенко Вас. Васил. и от отряда им. Калинина Рабецкого Ивана Васильевича от деревни Селище Каменского с/совета Зюзенок Артема Сидор., о зверствах немецкой карательной экспедиции в д. Хатынь. При обследовании комиссией установлено, что 4 марта 1943 года партизанским отрядом «Мститель» произошел бой с немецкими фашистами. После боя немецкие фашисты напали на мирных жителей этой деревни и учинили расправу. Ограбили все имущество у жителей, сожгли 28 построек совместно с людьми.

Людей сожжено 151 человек, в том числе мужчин 26 чел., женщин 40 чел., остальные дети разного возраста. Подписали настоящий акт...

6. Местность вблизи деревень Малые Нестановичи и Росохи Логойского района, 5 апреля 1943 г.

6.1. Из протокола допроса свидетеля С.А. Гунько от 22 ноября 1987 г.

...В период Великой Отечественной войны я вместе с мужем проживала в деревне Россохи Логойского района и занималась своим хозяйством. 5 апреля 1943 года примерно в 10 часов утра я увидела, что со стороны Плещениц к деревне Россохи приближались каратели. Местные жители нашей деревни стали разбегаться из деревни. Мы с мужем тоже побежали в сторону леса, где находились до вечера. Кто-то из местных жителей, кто именно в данное время не помню, сообщил, что каратели из нашей деревни ушли. Когда мы возвратились в деревню, то увидели на поле за деревней 11 трупов наших односельчан. Среди которых были моя родная бабушка Гейно Елена Марковна, свекровь Гунько Мария, Кушнеревич Евгения Адамовна, Хоревич Адвиги Моисеевна, Хоревич Валентина, Хоревич Александр, Шавейко Василий, старая женщина по фамилии Гороховик, остальных погибших односельчан за давностью времени не помню. Из какого формирования были каратели учинившие расправу в нашей деревне, я не знаю. Одеты они были в черную форму и разговаривали на русском и украинском языках.

Материалы уголовного дела № 21028030022 о геноциде населения Беларуси в годы Великой Отечественной войны и послевоенный период

6.2. Из протокола допроса свидетеля А.П. Мигуныко от 20 июня 1973 г.

...По факту расстрела группы мирных граждан дер. Россохи в количестве 8 человек мне известно следующее: 5 апреля 1943 года утром, находясь дома, я услышала стрельбу, но кто стрелял, я вначале не знала. Потом кто-то из жителей нашей деревни мне сообщил, что из Плещениц на автомашинах, подводах ехали немецкие каратели и они расстреляли несколько граждан дер. Россохи. В этой деревне проживали родители моего первого мужа Харевича и у них находился мой 4-летний сын Саша, поэтому я стала беспокоиться за них и пошла туда.

Придя в Россохи, мне сказали, что людей расстреляли на лугу в ложбине, недалеко от речки и поблизости от места расстрела рос кустарник и небольшой березовый лес, это примерно в одном километре юго-западнее дер. Россохи и полтора километрах от дер. Малые Нестановичи в южном направлении. Когда я бежала к месту расстрела, мне встретила подвода, на которой везли трупы расстрелянных. Среди расстрелянных были мой сын Саша 4 лет, свекровь Харевич Софья Станиславовна в возрасте 56 лет, ее дочь Харевич Валентина 19 лет, жители дер. Россохи Горохович Мария в возрасте примерно 50 лет, Гунько Мария в возрасте около 60 лет, Кушнеревич Евгения 20 лет и Гейно Елена в возрасте примерно 60 лет. На месте расстрела трупы я не видела, но впоследствии я там была много раз. Трупы расстрелянных привезли

в дер. Росохи, там им сделали гробы и на следующий день похоронили на Хатоевичском кладбище. Харевич Софью, ее дочь Валентину и моего сына Сашу похоронили в одной могиле. Им поставили каменный памятник. Но надписи на нем нет. У всех расстрелянных на теле было по несколько пулевых ранений. У моего сына Саши было два пулевых ранения. Одна пуля ему пробила голову, вторая грудь. Раны были большими, и тогда говорили, каратели стреляли, по-видимому, разрывными пулями. У моего сына Саши был сорван череп. В тот же день немецкими карателями был расстрелян житель дер. Росохи Шавейко Василий в возрасте 27–29 лет. Он был расстрелян недалеко от дер. Малые Нестановичи. Кто-то говорил, что Шавейко, бежав из деревни в лес, там был задержан карателями, его, по-видимому, допрашивали и избивали. Тело Шавейко я не видела, но рассказывали, что он был избитым и изрезанным острым предметом. Мне впоследствии рассказывали, что жители Росох, увидев карателей, приближавшихся к их деревне, стали убегать в ближайший лес, расположенный в юго-западном и западном направлении. Каратели открыли по убегавшим стрельбу, потом нагнали часть граждан и расстреляли. Не помню кто рассказывал и о том, что Харевич Валентина просила карателей не стрелять ей в лицо. У нее было несколько пулевых ранений в области груди и левой руки <...>. Названные мною граждане были мирными жителями. Никто из них в партизанах не был. За что их расстреляли немецкие каратели, пояснить не могу. День 5 апреля 1943 года я хорошо запомнила, так как в этот день погибли три близких мне человека. Мы о них каждый год справляем поминки. Немецких карателей, совершивших преступление в дер. Росохи, расстреляв 8 человек, я не знала и не знаю, причем на близком расстоянии я их не видела. В какой они были форме одежды и на каком языке вели разговор, сказать затрудняюсь. Я слышала и о том, что каратели тогда приезжали из Плещениц в Малые Нестановичи...

6.3. Из протокола допроса свидетеля И.М. Лозинского от 28 ноября 1973 г.

Ранней весной 1943 года мне в составе первой роты приходилось выезжать на операцию в западном направлении от Плещениц. Тогда снега на полях уже не было. Первая рота выезжала в полном составе. Вместе с нами на операцию выезжали жандармы и полицейские Плещеницкой районной полиции. Помню, что из Плещениц мы выехали в западном направлении и примерно 8–10 километров следовали по шоссе из булыжника. Затем по приказанию командира роты Винницкого, которая передавалась командирам взводов, первый и третий взвода стали в цепь и пошли по левой стороне от шоссе. Возможно были с нами и полицейские других взводов, но я помню, что рядом с нашим взводом шли полицейские из первого взвода, в том числе и помощник командира взвода Лакуста. Стали мы двигаться цепью перед

Лозинский

- 4 -

243

одной деревней, которая почти примыкала к шоссе с левой стороны по ходу нашего движения из Плещениц. Названия деревни я сейчас не помню. При подходе к ней мы заметили, как с одного конца деревни стали убегать люди. Бежали они с противоположной от шоссе конца деревни. Убегали в сторону леса, перед которым был луг и как-будто небольшое болото с канавой. Помню, что бежало примерно шесть-семь человек и в основном женщины. Это я хорошо видел, так как к тому времени мы уже начали обходить деревню с одной стороны и находились от убегавших сравнительно недалеко. Бежали те люди на виду всех полицейских первого и третьего взводов. Были ли с убегавшими женщинами дети затрудняюсь сказать сейчас. Помню, что бежали они не все вместе, а в рассыпную по одному и два человека. По приказанию Пасечника полицейские нашего взвода открыли по убегавшим людям ружейно-пулеметный огонь. Почти одновременно с нами, а возможно и несколько раньше нас начали стрелять по тем людям полицейские из первого взвода. Стреляли мы по убегавшим из винтовок и ручных пулеметов. Я видел, как скошенные нашим огнем, люди замертво падали на землю. Из взвода Пасечника стреляли по тем людям многие полицейские, в том числе сам Пасечник, Сахно и я. Мне лично пришлось выстрелить из винтовки по убегавшим людям один или два раза. Среди полицейских первого взвода, которые стреляли по людям, были Лакуста и Катрюк.

Материалы уголовного дела № 21028030022 о геноциде населения Беларуси
в годы Великой Отечественной войны и послевоенный период

6.4. Из оперативной сводки за апрель 1943 г. командиру жандармерии Белоруссии через главную команду жандармерии в Минске от 17 апреля 1943 г.

5.4.43 г. силами 20 жандармов, 80 полицейских и 100 украинских солдат 118 батальона проведена операция в направлении Мал.-Нестановичи (кв. 2238 гол.) 7 человек, подозреваемых в отношениях с бандитами, расстреляно при попытке к бегству.

Материалы уголовного дела № 21028030022 о геноциде населения Беларуси в годы Великой Отечественной войны и послевоенный период

7. Захват партизана В.И. Андриянова в деревне Завишинская Рудня Логойского района и расстрел последнего в г. п. Плещеницы, апрель 1943 г.

7.1. Из протокола допроса свидетеля В.И. Жук от 20 июня 1973 г.

...Второй раз каратели из украинского батальона, находившегося в Плещеницах, приезжали в дер. Завишинская Рудня примерно в апреле 1943 года, на религиозный праздник Пасху. Приехали они в этот раз утром и в нашей деревне задержали партизана Андриянова из партизанской бригады «Народный мститель». Андриянов приехал тогда в нашу деревню верхом на лошади и зашел в дом Апинохович Марии, а лошадь привязал возле ее дома. Заметив прибывших карателей, Андриянов бросил лошадь и стал убегать огородом в сторону леса. Но каратели окликнули его, что они переходят в партизаны, и когда Андриянов приостановился, то каратели задержали его. Сама я не видела этого, но кто-то из местных жителей в то время рассказывал мне. Кто именно рассказывал, сейчас не помню. Когда Андриянов был задержан и связан по рукам и ногам, то я видела его на улице. Каратели возили его в дер. Боброво. В этот день они меня брали в подводчики, и я на своей лошади вместе с карателями ездила в дер. Боброво. Там каратели грабили имущество местных жителей и грузили на подводки. В подводчики они привлекали и других гражданских лиц. Все награбленное каратели увезли в тот день в Плещеницы на наших подводках. Впереди они везли связанного Андриянова. Как подводчица я ехала тогда вместе с карателями-украинцами до самих Плещениц. Перед Плещеницами они ломали сосонник и укрывали им награбленное на возах имущество в расположении своего батальона. В Плещеницах каратели разгрузили награбленное имущество в расположении своего батальона. Это в том районе, где сейчас находятся школа и баня на улице Ленинской. Как впоследствии каратели поступили с Андрияновым, мне неизвестно...

7.2. Из протокола допроса свидетеля Т.К. Фалькович от 20 ноября 1987 г.

В начале 1943 года в Завишинскую Рудню прибыли каратели, в числе которых были полицейские Плещеницкой полиции немцы и изменники Родины украинской национальности. Каратели задержали Роговского Ивана Михайловича, Ярошевича Адама Ярославовича, Жука Константина, которые в первый год немецкой оккупации являлись старостой нашей деревни. Во время задержания указанных выше лиц я находилась дома и видела как каратели их конвоировали. В тот же день каратели Жука Константина отпустили, а Роговского и Ярошевича расстреляли в соседней деревне Левданщина. По рассказам местных жителей деревни Левданщина мне стало известно, что каратели перед расстрелом Роговского и Ярошевича избивали. Кто именно об этом мне рассказывал, не помню.

В апреле 1943 года, точной даты не помню в деревню Завишинская Рудня из Плещениц приезжали каратели из украинского полицейского батальона. В тот день, рано утром в нашу деревню верхом на лошадях приехали партизаны бригады «Народный мститель» Фалькович Павел и Андриянов Василий. Спустя непродолжительное время в деревню ворвались каратели. Фалькович на своей лошади успел ускакать в лес, а Андриянов был задержан карателями. Задержали его обманым путем. Убегавшему Андриянову крикнули, что они хотят уйти в партизаны. Андриянов им поверил и остановился. Подбежавшие каратели его обезоружили, он оказал сопротивление. Они его избили, связали, положили на повозку и увезли. Все это я видела из окна своего дома. Познее от связанных партизан я слышала, что Андриянов в Плещеницах был расстрелян.

Материалы уголовного дела № 21028030022 о геноциде населения Беларуси в годы Великой Отечественной войны и послевоенный период

7.3. Из протокола допроса обвиняемого М.Д. Курки от 9 октября 1973 г.

...Припомнились мне и еще два факта карательной деятельности полицейских 118-го батальона. Это расстрел мужчины в одной из деревень Плещеницкого района и расстрел в расположении батальона партизана, который, по разговорам полицейских, являлся якобы комиссаром отряда. Как говорили тогда полицейские, его захватил в плен полицейский по фамилии Филиппов. Партизана на следующий день каратели расстреляли. Я лично видел, как его на расстрел увели Лакуста, Катрюк и переводчик батальона по фамилии, кажется, Луковец. Все трое имели при себе огнестрельное оружие: Катрюк и Лакуста – автоматы, переводчик – пистолет. Партизана они увели за постройки, в которых располагался батальон, к лесу. Оттуда вскоре я услышал автоматную стрельбу...

7.4. Из протокола допроса обвиняемого В.А. Мелешко от 31 октября 1974 г.

...После этого имел место факт задержания карателями партизана в одной из деревень, расположенной западнее Плещениц, возможно, это была Рудня. В группе карателей по захвату партизана был и я, как командир своего взвода. Всеми нами в этой операции командовал шеф роты Закс, выезжал туда и командир роты Винницкий. Первая рота была в полном составе, были ли с нами каратели из других подразделений батальона, а также Васюра, не помню. К этому выезду уже мы готовились и ехали для того, чтобы пленить партизан, с которыми днем раньше договорился разведчик Филиппов о том, что он с группой полицейских батальона будто бы уйдет к партизанам, для чего были оговорены место и время встречи с партизанами. На самом же деле это была провокация со стороны Филиппова. С целью захвата партизан и была направлена указанная группа карателей. Выехали туда на подводах. К месту встречи с партизанами всех нас вел Филиппов. В лесу, где мы остановились, Филиппов подал условные сигналы, однако никто на встречу не явился. После этого я получил команду от Винницкого сходить в деревню, которая уже была видна из леса, с целью проверки, нет ли там партизан. Туда направились я со взводом, Филипповым и еще кем-то. Впереди шли Филиппов, командир отделения моего взвода Катрюк и еще кто-то из карателей. В одном из дворов мы заметили оседланную лошадь, и Катрюк, Филиппов и тот третий направились туда. В это время из дома вышел партизан, с которым о чем-то стали говорить, а затем он стал садиться на лошадь, но здесь же был Филипповым и другими схвачен и разоружен. Я в этом никакого участия не принимал, видел, что Катрюк ударил партизана несколько раз. Затем его привели в лес, где находились остальные каратели. Связанного партизана доставили на телеге в Плещеницы. У него при задержании были изъяты граната и винтовка. Со слов Филиппова, задержанным оказался другой партизан, а не тот, с которым он вел провокационные переговоры. Какое положение в отряде занимал захваченный партизан, из какого он был отряда, не могу сказать. Доставили его в расположение батальона, содержали под арестом, а затем расстреляли на территории, занимаемой батальоном. Знаю, что до этого его допрашивали каратели, но кто и как, не могу сказать. Кто из карателей его расстреливал, сказать затрудняюсь...

7.5. Из информации Института истории партии при Центральном Комитете Коммунистической партии Белоруссии от 23 августа 1973 г.

АНДРИЯНОВ Василий Иванович, 1916 года рождения, с 22 июня 1942 года по апрель 1943 года числится рядовым партизаном отряда "Мститель" бригады "Народные Мстители" Минской области. В списке личного состава отряда указано, что Андриянов В.И. в апреле 1943 года погиб при выполнении боевого задания у д.Завьянская Рудня. Адрес его семьи в период войны был: г.Новосибирск, Сосновский переулок, 43а.

Материалы уголовного дела № 21028030022 о геноциде населения Беларуси в годы Великой Отечественной войны и послевоенный период

8. Деревня Дальковичи Логойского района, 13 мая 1943 г.

8.1. Из протокола допроса свидетеля В.П. Давжонка от 12 ноября 1987 г.

13 мая 1943 года на нашу деревню начали наступать гитлеровцы, прибывшие из Плещениц. Каратели были обмундированы в военную форму желто-зеленого цвета. Наш отряд занял оборону. Находясь в составе своего взвода на окраине деревни, я заметил, что к нашей деревне со стороны дороги, ведущей к соседним деревням Рудня и Губа, движется карательный отряд в количестве не менее 200 человек. Такое же гитлеровское формирование направлялось в сторону нашей деревни и со стороны соседнего села Городец. Приняв боевой порядок, каратели начали наступление. Бой был неравным. Вскоре нам пришлось отступить. Из деревни партизаны уходили группами. Накануне прихода карателей в Дальковичи часть её жителей покинули деревню. Некоторые из граждан остались. Находясь возле кладбища, я слышал сильную стрельбу со стороны церкви. Как там развивались события, не видел. От кладбища наша группа бойцов отступила в направлении деревни Прусовичи. Бой еще продолжался. Отдельные дома в Дальковичах начали загораться. Вернувшись в Дальковичи на следующий день я был очевидцем того, что вся деревня была сожжена. По неизвестной для меня причине остались целыми из 42 домов два крестьянских двора. Тогда же я видел труп местного жителя Аринича Данилы, в доме которого ранее располагался особый отдел нашего партизанского отряда. В числе убитых карателями также были Устин Тария, Устин Дарья, Кононович Герасим. Кононович Анну Станиславовну каратели зверски замучали, вырезав на груди пятиконечную звезду. В бою с карателями со стороны партизан погибли следующие бойцы: Чувидский Василий, Рулев Анатолий, Бичун Зинаида, Жила Григорий, Глинский Николай, Немытков Григорий, Истягин Петр и Бардушко Василий. Многие трупы партизан карателями были изуродованы.

Материалы уголовного дела № 21028030022 о геноциде населения Беларуси в годы Великой Отечественной войны и послевоенный период

8.2. Из протокола допроса свидетеля А.И. Раецкого от 14 мая 1973 г.

...13 мая 1943 года со стороны деревни Городец бывшего Плещеницкого района на деревню Дальковичи начали наступление немецкие каратели. Их отряд, разбившись на три части, начал окружать деревню Дальковичи, ведя непрерывный огонь из минометов по деревне и партизанским укреплениям. В это время я находился в укреплениях, расположенных на склоне горы, которая находится за деревней в метрах 300–500 от нее в сторону реки Цна. Видя, что каратели окружают нас, мы начали отступать к реке Цна. Местные жители, спасаясь от карателей, убегали в лес, и двигались все они как раз по направлению наших укрепительных сооружений. Партизаны вместе с местными этими жителями, успевшими убежать из деревни, ушли в болота. Каратели нас тогда не стали преследовать. Примерно через два с половиной часа партизаны и местные жители возвратились в дер. Дальковичи. Я тоже тогда пришел назад в деревню Дальковичи. Но деревни, по существу, не было. Она была полностью сожжена карателями. На пепелищах деревни были обнаружены останки не успевших убежать жителей деревни и убитых партизан, которые вели огонь по наступающим карателям. Местные жители, вернувшиеся из леса, опознали в обгоревших трупах убитых карателями своих односельчан Кононович Анну Станиславовну, Кононовича Герасима Фомича, Устин Марию Яковлевну, Аринича Данилу Ларионовича, Кононович Пелагею Даниловну и Ковшик Дорофею. Кононовича Герасима каратели сожгли живьем, привязав его к столбу рядом с подожженным его же домом. Его нашли лежащим рядом с этим столбом, так как веревки, которыми он был привязан, перегорели. Тело его было полностью обгоревшим. Кожа в области живота сгорела и печень вывалилась наружу. Кононовичу Герасиму было тогда примерно 65 лет. Аринича Данилу каратели, удушив полотенцем, сожгли потом, обложив его подушками и одеялами, которые подожгли. Труп Аринича Данилы обнаружили в саду недалеко от его дома. Ариничу Даниле было тогда примерно за 70 лет. Трупы Кононович Анны и Кононович Пелагеи нашли сильно обгоревшими недалеко от их домов. Устин Марию каратели расстреляли во дворе ее дома под черемухой. Убита она была выстрелами в голову. Труп Ковшик Дорофеи нашли во дворе ее сожженного дома сильно обгоревшим. Она была слепой и не сумела даже отойти от горящего дома. Было ей где-то под 70 лет. Все эти местные жители, погибшие от рук карателей 13 мая 1943 года, похоронены на кладбище дер. Дальковичи. Из партизан погибло восемь человек. Недалеко от церкви было обнаружено пять расстрелянных партизан, которые находились на некотором расстоянии друг от друга. Из этих пятерых я знал по фамилии только учителя Глинского. Партизан Бардушко был найден недалеко от деревни, рядом с домом Ковшик Домны. Дома этого тогда там не было. Он был построен после войны. Седьмого убитого партизана, фамилии его я не знал, нашли около дома Ковальчука Николая. Сейчас на этом месте выстроен новый дом. В этот же день от кого-то из партизан я узнал, что в самом конце дер. Дальковичи была найдена убитой партизанка Зина. Лежала она рядом с дорогой, идущей на дер. Прусовичи. Всех семерых убитых партизан и местных жителей, их было шесть человек, я видел лично. О расстрелянной партизанке Зине узнал со слов кого-то из партизан, но кого, теперь не помню. Все погибшие в этот день партизаны были захоронены на кладбище в дер. Прусовичи. А местных жителей похоронили на кладбище дер. Дальковичи. Как впоследствии установила разведка партизан, в карательной операции 13 мая 1943 года в дер. Дальковичи участвовали немцы, изменники Родины украинской национальности и полиция.

8.3. Из протокола допроса свидетеля Г.Н. Васюры от 16 сентября 1987 г.

Из мая 1943 года в штаб батальона поступило сообщение о том что в деревне Дальковичи Логойского района Минской области находятся партизаны. По приказу майора Кернера I и 3 роты батальона выступили к названной деревне для обнаружения и уничтожения партизан. При подходе к ней подразделения батальона были обстреляны партизанами. После кратковременного боя партизаны отступили. При входе в деревню я видел одного убитого мужчину. Майор Кернер приказал выявить партизанские семьи и забрать у них скот. При отходе из деревни она была подожжена. Со слов полицейских, кого именно сейчас не помню, мне известно, что Катрюк с факелом в руках ходил по дворам и поджигал постройки. Из деревни был угнан скот, я видел как его пригнали в Плещеницы к месту дислокации батальона.

Материалы уголовного дела № 21028030022 о геноциде населения Беларуси в годы Великой Отечественной войны и послевоенный период

8.4. Из протокола допроса свидетеля С.В. Сахно от 29 октября 1987 г.

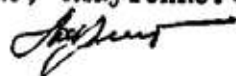
После расправы над жителями деревни Хатынь первой и третьей ротой IIB батальона в мае 1943 года была проведена карательная операция в деревне Дальковичи Плещеницкого района. На подступах к деревне со стороны кладбища нас обстреляли партизаны и мы вступили с ними в бой, в результате которого было убито несколько партизан, а полицейский из первой роты Пономаренко был ранен в ногу. Когда партизаны отступили, мы ворвались в деревню. Местных жителей в ней не было. Нашими полицейскими деревня Дальковичи была сожжена, скот и имущество мирных граждан разграблено. На подступах к деревне и в самой деревне я видел несколько трупов в гражданской одежде, всего не менее десяти. Катрюк вместе с полицейскими своего отделения принимал участие в этой карательной операции и сожжении деревни Дальковичи.

Материалы уголовного дела № 21028030022 о геноциде населения Беларуси в годы Великой Отечественной войны и послевоенный период

8.5. Из протокола допроса обвиняемого Г.Г. Лакусты от 17 сентября 1973 г.

В мае 1943 года, числа не помню, но знаю хорошо, что после возвращения в городской поселок Плещеницы с десятидневной операции, рано утром первая и третья роты на подводах, видимо по тревоге, выехали в деревню, расположенную примерно в 20 километрах от Плещениц в северо-восточном направлении. Я не могу сейчас с полной уверенностью сказать по какой дороге мы ехали, что-то не припоминаю. Первая рота выезжала в полном составе: три стрелковых взвода и взвод станковых пулеметов. Помню, что на эту операцию выезжали: начальник штаба Васюра, немец, заместитель Кернера, фамилии его не помню, переводчик Лукович, командир первой роты Винницкий, командиры взводов Мелешко, Ильчук, Пасечник, а также Кмит, Панкив, Швейко, Темечко, Курка, Юрашук, Пепа, Дзюба, Билык, Шелюх, Иванкив, Бобыляк, Катрюк, Харченко, Гончаров, Швец, Болозовский, Войчук, Юрченко, братья Лукинюки, Матис, Слаутенко, Топчий, Лещенко, Гребенюк, Поляков, других не помню.

Припоминается, что мы выехали в сторону Бегомля, затем повернули вправо. Третья рота ехала другим маршрутом, но каким, не помню. Перед деревней первая рота приняла боевой порядок. Два станковых пулемёта были заранее установлены на огневых позициях с задачей поддерживать наступающих пулеметным огнем. Первый взвод наступал на деревню с левого фланга, третий – с правого, второй – в центре. Где находилась третья рота и какую она занимала позицию, не помню. Перед деревней была поляна, за деревней – лес. Местность весьма бугристая. Были ли в деревне церковь или какая-либо вышка, не припоминаю. Когда мы приблизились к деревне, то из деревни были обстреляны из автоматического оружия и винтовок. Сразу нам не было видно откуда ведется огонь, поэтому мы не стреляли, а короткими перебежками продвигались к селу и занимали выгодную позицию. Нас прикрывали огнем из двух станковых пулеметов Гребенюк, Топчий, Поляков, Лещенко, Слаутенко. Они длинными очередями обстреливали

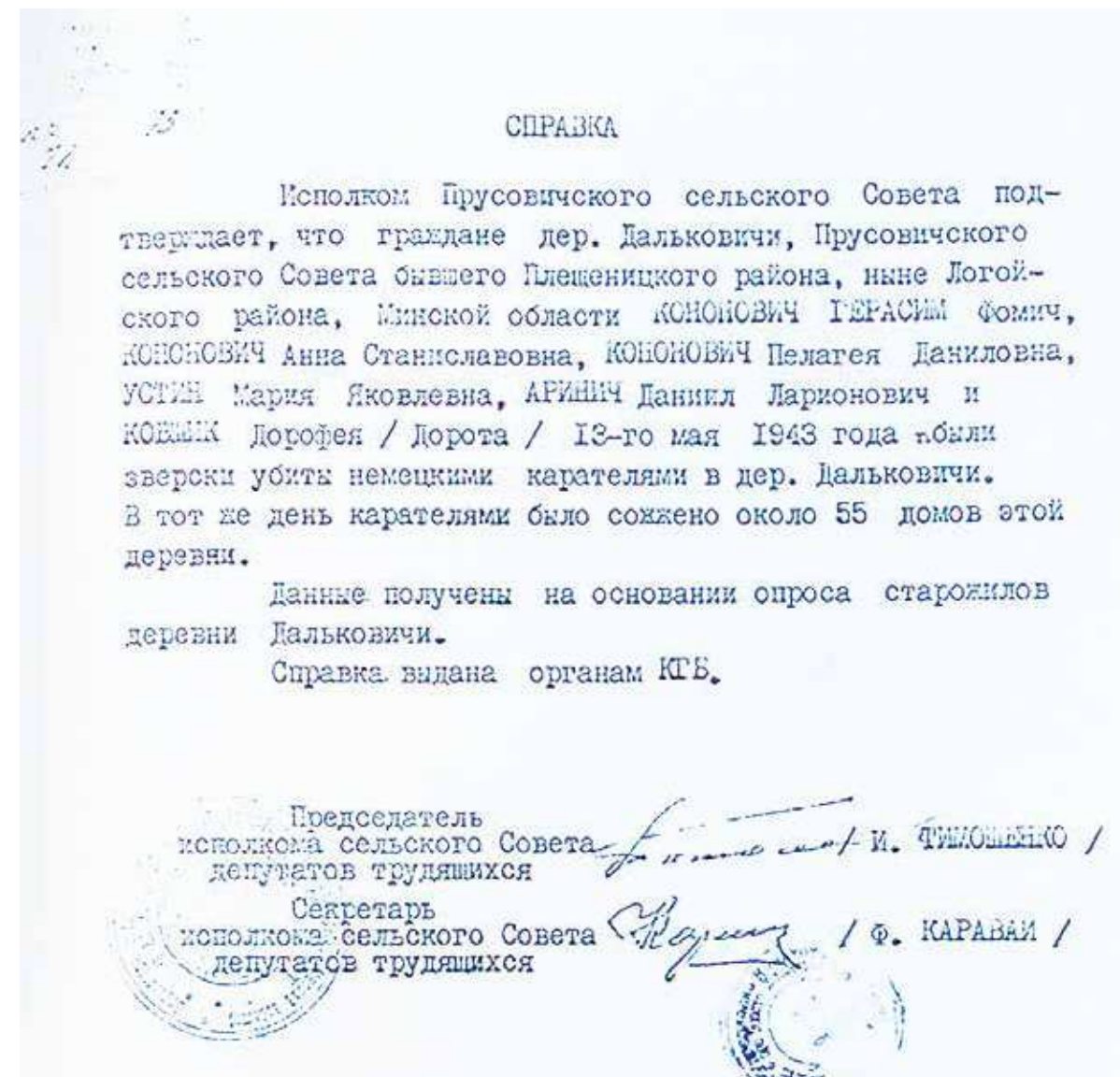

деревню. Заняв выгодную позицию, первый взвод по команде Мелешко тоже открыл огонь по деревне со всех видов оружия. Стреляли все полицейские взвода. Наш первый взвод начал обходить село с левой стороны. Третий взвод обходил село с правой стороны, второй наступал в центре. Во время наступления все три взвода со всех видов оружия обстреливали село. Бой длился минут тридцать. Партизаны отступили в лес за село. Когда мы вошли в село, командир роты Винницкий и немец Зас дали команду проверить все дома, чтобы установить не скрываются ли в их партизаны. Одновременно с этим они приказали поджигать те дома, в которых не будет жителей. Эту команду командир взвода передал нам, командирам отделений, а мы, в свою очередь, подчиненным нам полицейским. Около деревни стоял большой сарай, Мелешко приказал мне выставить пост около сарая с целью, чтобы не допустить выхода из деревни партизан и жителей. Я взял Швейко, Харченко, Билыка и Шелюха и остался с ними возле сарая. Подчиненные мне полицейские Темечко, Курка, Юрашук, Пепа, Дзюба, Болозовский вместе со вторым и третьим отделением первого взвода под командованием Мелешко ушли проверять дома. В деревне жителей не было, поэтому почти все дома были подожжены. Некоторые дома загорались от соседних. Находясь около сарая, я хорошо видел, что проверяли и поджигали дома полицейские моего отделения Темечко, Курка, Юрашук, Пепа, Дзюба, Болозовский, а также Катрюк, Иванкив, Бобыляк, Панкив, Гончаров, Швец. Дома поджигались по распоряжению Мелешко и в его присутствии. Поджигал ли он сам дома, не видел. Из штабных работников дома поджигали один немец, Лукович и Филиппов. В середине деревни действовал второй взвод, в другом конце деревни – третий. Они тоже поджигали и проверяли дома. Когда нам приказали сняться с поста, мы подожгли сарай и ушли на поляну. Вся деревня горела.

Ориентируясь по представленной мне карте масштаба 1:200 000, полагаю, что после десятидневной операции мы сожгли деревню Дальковичи или одну из соседних с ней деревень. Именно в этом направлении мы выезжали.

Материалы уголовного дела № 21028030022 о геноциде населения Беларуси
в годы Великой Отечественной войны и послевоенный период

8.6. Справка № 72 от ... мая 1973 г., выданная исполкомом Прусовичского сельского Совета.

Материалы уголовного дела № 21028030022 о геноциде населения Беларуси в годы Великой Отечественной войны и послевоенный период

9. Расстрел неустановленного мужчины в местности вблизи деревни Козыри Логойского района, весна 1943 г.

9.1. Из протокола допроса обвиняемого Г.Г. Лакусты от 7 декабря 1973 г.

ОТВЕТ :Такого факта я не помню. Мне припоминается факт убийства мужчины возле колодца. Это было во время преследования полицейских, ушедших с Горбатого моста в партизаны, в деревне расположенной за деревней Козыри. Названия той деревни не знаю. Не могу сказать кем из полицейских был расстрелян тот мужчина, так как очевидцем не был. Кто-то командованию нашему сообщил, что один гражданин делает для партизан логи. К нему пошли Винницкий, Мелешко, Козыниченко, Лютык, Лукович и Катрюк, а также два немца. Я с отделением был послан в конец деревни проверить нет ли там партизан. Когда я возвратился к Винницкому и Мелешко, то во дворе возле колодца увидел убитого мужчину. Кто его расстрелял, не знаю. Труп мы оставили на месте, в колодец не бросали. Позже Катрюк мне говорил, что он по приказу немцев и Луковича расстрелял того мужчину. Так ли это было в действительности, сказать не могу, сам очевидцем расстрела не был. Курка неправильно показывает, что я с Катрюком труп бросили в колодец. Я не знаю ни одного факта, чтобы трупы людей бросали в колодцы.

Материалы уголовного дела № 21028030022 о геноциде населения Беларуси в годы Великой Отечественной войны и послевоенный период

9.2. Из протокола допроса обвиняемого М.Д. Курки от 15 октября 1973 г.

...В какой деревне это было, я не помню. В каком направлении и как далеко от Плещениц располагалась деревня, сказать затрудняюсь. Привлекались на эту операцию подводчики из Плещениц или близлежащих деревень, что-то не припоминаю. Операция эта имела место весной 1943 года. Участвовали в ней полицейские первой сотни. И я не помню, чтобы каратели третьей сотни выезжали тогда с нами. Возглавлял операцию Винницкий. Был также и Мелешко. Лакуста и Катрюк тоже принимали участие в этом выезде. Я не помню, чтобы кто-либо из подчиненных Лакусты оставался в Плещеницах и не выезжал вместе с нами. Выезд был однодневный. По прибытии нас в дневное время в указанную деревню мы получили команду проверить все дома, нет ли партизан. Такую команду я и другие подчиненные ему полицейские получили от Лакусты. Партизан в деревне мы не обнаружили, зато где-то в середине деревни в одном из домов Лакуста и Катрюк задержали мужчину, хозяина дома. Я и Юрашук непосредственного участия в проверке домов не принимали, а по указанию Лакусты находились в оцеплении деревни. Правда, с Юрашуком мы были от домов совсем близко, так как двигались огородами. Другие полицейские двигались вдоль деревни с другой стороны. В деревне была одна улица протяженностью не более километра, дома по обе стороны. Пройдя некоторое расстояние вдоль домов, я и Юрашук вышли на улицу. И я увидел, как из дома, находившегося от нас в тридцати метрах, Катрюк и Лакуста вывели мужчину.

Лакуста держал винтовку. Винтовка была не его и не Катрюка. Видно было, что ее они нашли в доме этого мужчины. Мужчину Лакуста и Катрюк подвели к Винницкому, Мелешко, немцу шефу, стоявшим на улице невдалеке, около колодца. Туда начали собираться и другие полицейские. Я с Юращуком подошли туда тоже. Катрюк о чем-то докладывал немцу, о чем, я не понял. Затем рядом около колодца Катрюк дал по мужчине очередь из автомата, и он упал. По своей инициативе он это сделал или на это был приказ, не знаю. Затем Катрюк и Лакуста бросили его в колодец. Я считаю, что мужчину в колодец бросили уже мертвым, так как ни стонов, ни криков его слышно не было. Правда, в колодец он был брошен сразу же после выстрелов Катрюка и его падения. Как потом рассказывал Катрюк, винтовку он с Лакустой нашел за дымоходом в доме. По его словам, погибший был столяром, в момент их прихода в дом он что-то мастерил для винтовки...

10. Деревня Вилейка Докшицкого района, 22 мая 1943 г.

10.1. Из протокола допроса свидетеля О.И. Прадед от 16 ноября 1987 г.

Во второй половине мая 1943 года партизаны предупредили жителей нашей деревни, что гитлеровское командование проводит крупную карательную операцию против партизан и мирного населения и что в ближайшее время каратели по всей вероятности будут в Вилейке. Партизаны советовали покинуть деревню и временно укрываться в окрестных лесах. Многие односельчане по рекомендации партизан и, боясь карателей, ушли в лес.

20 мая 1943 года я с матерью находилась дома, а отец с сестрой в это время находились в поле, за деревней. Неожиданно со стороны деревни Новая Вилейка появились каратели. Партизаны в это время были в засаде в районе кладбища на опушке леса. Между партизанами и карателями завязался бой. Мать мне сказала, чтобы я бежала в лес, а сама зачем-то пошла в дом. Ни теряя ни минуты я ушла в лес. Это было во второй половине дня. В лесу мне своих встретить не удалось. Там я встретила со своими односельчанами, также скрывавшимися от карателей, и почевала вместе с ними. Ночью мы видели зарево над нашей деревней – горели дома и надворные постройки. Весь следующий день я пыталась в лесу отыскать своих родных, но ничего из них не нашла. В лесу я наткнулась на карателей, которые прочесывали местность в поисках жителей, которые укрывались в лесу. Всех, кого они обнаруживали заставляли возвращаться в деревню. Говорили они на русском и украинском языках, из чего я сделала вывод, что это были полицейские из числа изменников Родины, заперли людей в том, что им никакого вреда причинено не будет. В числе других наших жителей в деревню вернулась и я. Почти все дома в ней были сожжены, осталось не более 10 строений. Наш дом также был сожжен, своих родных я не нашла. Где и переночевала эту ночь не помню. Утром каратели согнали всех жителей Вилейки, которые к тому времени в ней находились, в огород Кулоша Макара. Деревня была оцеплена, убежать было невозможно. Неподалеку от места сбора людей, в одном

из уцелевших домов, как я предполагаю располагался штаб батальона. Из этого дома выходили немецкие офицеры с переводчиками, отдавали какие-то указания карателям. Каратели были, как немцы, так и из числа изменников Родины, которые разговаривали на русском и украинском языках. Немцы были одеты в форму сероватого цвета, а изменники Родины в форму зеленого цвета.

Вскоре из штаба каратели принесли какие-то списки и по ним стали распределять собранных жителей деревни на группы. Сначала отделили группу молодежи, в которую попала и я, и отвели в сторону к сараю, где окружили кольцом охраны. После этого каратели опять же по списку вывели из толпы группу женщин и детей в количестве примерно 20-25 человек, которых погнали к отдельно стоявшему в конце деревни деревянному сараю. Этот сарай находился приблизительно в 100-150 м от штаба. Кому принадлежал тот сарай, я не помню. Людей загнали в сарай и заперли в нем. Люди, чувствуя свою смерть, плакали, молили о пощаде, пытались сопротивляться, но из этого ничего не вышло. Вскоре над крышей сарая появилось пламя, раздалось несколько взрывов – очевидно каратели бросили в сарай гранаты, затем по сараю с людьми была открыта стрельба, продолжавшаяся до тех пор, пока в нем не стихли крики и стоны. Никто из сарая не спасся. В числе погибших помню пожилую женщину Черныш Степаниду со внуком, Викрацкую Татьяну с детьми, Садко Веру с детьми. Я хорошо помню, что с утра в этот день была ясная солнечная погода, а когда людей уничтожали в сарае – пошел дождь. Судя по командам и тозору карателей, расправу над женщинами и детьми в нашей деревне 22 мая 1943 года учинили изменники Родины – большинство из них разговаривали на украинском языке. Никого из этих карателей я не знала.

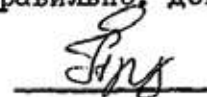
Сразу же после расстрела и сожжения в сарае людей каратели построили в колонну отобранную молодежь, среди них была и я, и погнали нас в направлении поселка Селище, где к нам присоединили юношей и девушек, которых там отобрали для угона в Германию. Перед этим еще в Вилейке в нашу колонну были включены молодые жители деревни Гребени, располагавшейся, также как и поселок Селище, в непосредственной близости от деревни Вилейка. Нас охраняли немцы и изменники Родины, многие из которых были с собаками. Таким образом нас пригнали в деревню Буда, что в 12 километрах от Вилейки. Здесь нас посадили в крытые автомашины и под охраной доставили в поселок Плещеницы Минской области, откуда потом на товарном поезде

Гиря

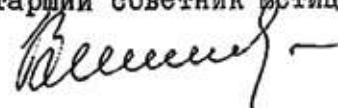
вывезли в Германию.

Больше по существу поставленных мне вопросов я ничего показать не могу.

Протокол допроса по моей просьбе мне прочитан прокурором. С моих слов записано правильно. Дополнений и поправок к протоколу не имею.

 Прадед

Допросил и протокол составил : Старший помощник прокурора
Белорусской ССР старший советник юстиции

 В.Иванков

Материалы уголовного дела № 21028030022 о геноциде населения Беларуси
в годы Великой Отечественной войны и послевоенный период

10.2. Из протокола допроса свидетеля С.Ф. Бутько от 22 июня 1973 г.

...В мае 1943 года немецкие оккупанты проводили в нашей местности блокаду против партизан. В то время приезжал в деревню Вилейка немецкий карательный отряд. Каратели находились в нашей деревне примерно 3-4 дня. Тогда они сожгли в Вилейке более 30 жилых домов вместе с подворными постройками и расстреляли 39 человек жителей нашей деревни, в том числе детей, женщин и стариков. Тех карателей я видела в своей деревне. Было их много. Прибыли они в нашу деревню со стороны дер. Горно Плещеницкого района. Среди карателей были немцы в серо-зеленой форме и изменники родины, разговаривавшие на украинском языке. Последних было гораздо больше, чем немцев. В то время местные жители нашей деревни говорили, что это украинцы, служившие в карательном отряде. Они были в другой форме одежды, чем немцы. Я помню, что каратели-украинцы были в зелено-желтой форме <...>. Каратели ворвались в деревню Вилейка и подожгли дома с того конца деревни, где находится кладбище. Находясь в лесу вместе с детьми, я видела, как поднимался столбом дым над Вилейкой. Прибыли каратели в первой половине дня, а подожгли деревню часов в 5-6 под вечер. Вся деревня не сгорела. Каратели сожгли примерно 35 жилых домов вместе с надворными постройками, в том числе и мой дом с сараем. С противоположного конца деревни сохранилось примерно 12 домов. Три или четыре дома не сгорели и с конца со стороны кладбища, а также на середине деревни. Поджегши постройки, каратели не остановились в Вилейке, а куда-то убыли. Это говорили те местные жители, которые вечером ходили из леса в деревню смотреть. Кто именно ходил, я сейчас не помню. Я со своими малыми детьми переночевала в лесу еще одну ночь и на следующий день пошла в Вилейку. Забрала с собой и четверо своих детей... На второй день, как я и многие другие односельчане возвратились из леса, в нашу деревню с утра прибыли немецкие каратели. Сразу они оцепили

оставшиеся дома в деревне и никого не выпускали. Я также со своими детьми находилась в то время в деревне. Убежать из деревни было невозможно. Сразу по прибытии каратели стали всех находившихся в деревне жителей сгонять в одно место в огород Кулеша Макара Федоровича. Когда согнали всех в одно место, то немцы и украинцы начали людей делить на группы. Они отобрали по списку восемь женщин с детьми, а также старика Смоленского Антона Антоновича, в том числе и меня с четырьмя детьми, и загнали в воревню (справочно: так в тексте протокола) Кулеша Макара, где хранился картофель. Шесть человек мужчин, в частности Падемацкого Александра, Завадского Николая Андреевича, Завадского Атрахима Ивановича, Зикрацкого Николая, его брата Зикрацкого Леона и Черныша Матвея Фомича каратели выделили из общей массы людей и загнали в амбар Ворон Александры Сергеевны, где хранилось зерно. Группу молодежи каратели загнали в сарай Кулеша Макара. Остальных собранных жителей распустили и приказали не уходить в лес. В то время в доме Ворон Александры Сергеевны размещился штаб карателей, где были немцы и украинцы в зелено-желтой форме. Дом Ворон А.С. находился в деревне через улицу напротив дома Кулеша Макара Федоровича. После того как люди были разделены на группы, каратели начали вызывать из воревни женщин со своими детьми и допрашивать. Вызывали людей на допрос украинцы вместе с немцами. Когда вызывали и допрашивали, то каратели смотрели в список и называли задержанных женщин по фамилии и именам. Сверяли каратели по списку, сколько детей находилось при себе у каждой из женщин. Сверив по списку мою семью, каратели расспрашивали меня и детей моих про моего мужа-партизана. Но ни я, ни дети не признались, что отец наш находится в партизанах. Я говорила карателям, что мой муж забран на войну в самом начале войны и домой не возвращался. Допрашивали каратели меня и других женщин во дворе у Кулеша Макара. После моего допроса каратели вызывали из воревни других женщин и допрашивали, а мне со своими детьми удалось затем выйти из воревни и незаметно для карателей присоединиться к другой группе людей, которых каратели распустили по домам. Ушла вместе с другими односельчанами и я с четырьмя детьми. Остальных задержанных женщин с детьми и старика Смоленского Антона каратели загнали в сарай Зорича Ефима Корнеевича и там всех расстреляли и сожгли вместе с сараем. Всех этих людей конвоировали к месту расстрела многие каратели из числа украинцев. За ними шли и немцы в серо-зеленой форме. Украинцы были с автоматами, винтовками и ручными пулеметами с круглыми дисками. Когда женщин с детьми и старика Смоленского загнали в сарай и заперли снаружи дверь, то сразу же послышалась стрельба из автоматического оружия и винтовок. Затем, вскоре как был открыт огонь по сараю с людьми, загорелась крыша сарая. Крыша была соломенная. Я находилась в то время со своими детьми во дворе Ворон Александры и из-за угла сарая все это видела. Со всех сторон нашей деревни стояли посты карателей, чтобы никто не мог убежать. У сарая перед дверью во время расстрела людей находилось много карателей. Сарай Зорича Е.К. находился в самом конце деревни в 150–200 метрах от улицы в юго-западном направлении. От дома Ворон А.С., где я находилась со своими детьми во время расстрела людей, до сарая Зорича Е.К., где чинилась расправа над людьми, было примерно 300 метров. Эти постройки находились по одну сторону улицы. Хорошо помню, что это было на религиозный праздник «Миколу», который бывает всегда 9 мая по старому стилю, а по новому стилю будет 22 мая 1943 года. Кроме Смоленского Антона были расстреляны и сожжены вместе с сараем следующие жители: Зикрацкая Татьяна Ефимовна и пятеро ее детей возрастом от года до 13-14 лет; Черныш Анна Федоровна и четверо ее детей возрастом от трех до 15 лет; Садко Вера Антоновна и двое ее детей возрастом 7 и 9 лет; Завадская

Елена Алексеевна и двое ее детей возрастом от 2 до 4 лет; Падемацкая Ульяна Юльевна и двое ее детей возрастом в 6 и 8 лет; Зикрацкая Прузина Фоминична и Черныш Степанида Ивановна вместе с пятилетним внуком Чернышом Алешей. Из них двое детей, Падемацкий Коля в возрасте 8 лет и Садко Марфа в возрасте 7 лет, во время расстрела вылезли из сарая под ворота и хотели убежать, но находившиеся там каратели их расстреляли примерно в 5–7 метрах от сарая. Их трупы были после обнаружены обгоревшими, но опознать еще можно было. Все остальные расстрелянные граждане сгорели вместе с сараем полностью. В тот самый день на религиозный праздник «Миколу» каратели расстреляли в сарае Гайчука Федора Павловича задержанных мужчин – Завадского Николая, Падемацкого Александра и Зикрацкого Николая. Их расстреляли под вечер после расстрела и сожжения женщин с детьми. На следующий день в этом же сарае с утра они расстреляли Завадского Атрахима и Зикрацкого Леона, а Чернышу Матвею Фомичу удалось убежать, и сейчас он проживает в Бегомле. Сарай Гайчука Ф.П. каратели сожгли, и в нем погорели все трупы расстрелянных. Этот сарай находился в том же конце деревни в метрах 200 от улицы в северном направлении... Когда я и другие односельчане в начале блокады находились в день сожжения в Вилейке, [каратели] убили в деревне на своих огородах Шинкевича Антона Ивановича, Соболя Ивана Ивановича, Соболя Ивана Андреевича и Шинкевич Анастасию Антоновну – старуху в возрасте 70 лет. Все они похоронены на кладбище в нашей деревне. Памятников на могилах их не имеется. Когда каратели уехали, то вскоре на второй или третий день в районе нашей деревни были обнаружены убитыми односельчане Гайчук Федор Павлович и Юзько Василий Николаевич. Первого из них обнаружили в лесу, примерно с километр от нашей деревни в западном направлении. Второй был обнаружен на проселочной дороге около поселка Селище. Похоронили обоих на кладбище в нашей деревне. Памятники на их могилах не ставили. На месте сарая Зорича Е.К., где были расстреляны и сожжены женщины с детьми и старик Смоленский, лет 5–7 тому назад поставлен памятник, на котором указаны фамилии 31 человека, которые погибли от рук карателей в мае 1943 года. Фамилии 8 человек, погибших в мае 1943 года, по каким-то причинам на памятнике не указаны. Список погибших писали в сельсовете и, очевидно, всех погибших не знали. На памятнике указано, что «Здесь похоронены жители дер. Вилейка, заживо сожженные немецкими извергами 24 июня 1943 года». Дата 24 июня 1943 года указана на памятнике тем днем, когда после блокады местные жители собрали и похоронили останки погибших людей в сараях. На самом деле, как я показала выше, погибли они в разные числа мая 1943 года.

10.3. Из протокола допроса свидетеля Г.Н. Васюры от 16 сентября 1987 г.

Спустя примерно дней десять, 20–22 мая 1943 года, полицейскими нашего батальона, по приказу гитлеровского командования была учинена расправа над мирными жителями деревни Вилейка Докшицкого района Витебской области, во время которой было расстреляно и сожжено несколько десятков женщин, стариков и детей, молодежь угнана на каторжные работы в Германию, сожжено большое количество жилых домов и надворных построек. Во время этой расправы я с работниками штаба батальона находился на улице у дома, в котором наш штаб располагался, и составлял список молодежи деревни, предназначенной к угону в Германию. В деревне в это время находились также прибывшие из Логойска немецкие офицеры, которые дали команду продублированную офицерами нашего батальона, согнать всех жителей Вилейки к штабу. После того, как эта команда была исполнена, прибывшие немцы стали сортировать согнанное население Вилейки, при этом, если не ошибаюсь, они использовали какие-то списки. Прежде всего отобрали и увели молодежь, после чего полицейские I взвода I роты, в состав которого входило и отделение Катрюка, отобрали группу людей в количестве не менее 25 человек, в основном женщин, стариков и детей, и погнали их к отдельно стоявшему сараю, примерно метрах в шестистах от штаба. Затем каратели закрыли их в сарае, подожгли его и открыли по нему огонь из имевшегося у них оружия. Все находившиеся в сарае мирные жители погибли. Я лично видел, как Катрюк и полицейские из его отделения конвоировали обреченных к сараю.

Материалы уголовного дела № 21028030022 о геноциде населения Беларуси в годы Великой Отечественной войны и послевоенный период

...Прибыв в Вилейку, я увидел, что многие дома в ней уже горят. От сослуживцев узнал, что полицейские вели возле кладбища у деревни перестрелку с партизанами. В самой деревне видел 2-3 трупа мужчин, одетых в гражданскую одежду. При каких обстоятельствах они были убиты, я не видел. В Вилейке мы заночевали. На следующий день в деревню стали возвращать её жителей, которые скрывались в лесах. Многие из них были приконвоированы из лесу полицейскими, которые производили проческу леса. 22 мая 1943 года в Вилейку на автомашинах прибыли гитлеровские офицеры в форме желтого цвета с нарукавными повязками. Затем Васюра и прибывшие офицеры приказали полицейским I и 3 взводов I-й роты собрать всех жителей Вилейки к дому, где располагался штаб батальона. Я со своими сослуживцами по 2-ому взводу был выставлен в оцепление на окраине деревни. В числе полицейских, сгонявших советских граждан, я видел КАТРЮКА. Когда люди были собраны, по приказу наших командиров полицейские начали отбирать молодежь, затем отводили их в сторону, сажали в автомашины и увозили в сторону Плещениц. Сколько человек было отправлено на автомашинах, уже не помню. Затем полицейские I-го взвода I-й роты и штаба батальона по приказу немецких офицеров и Васюры отобрали группу женщин и детей, в количестве не менее 20 человек, которых отконвоировали к сараю. Среди карателей, гнавших людей к месту расправы, я видел КАТРЮКА. От меня до места расправы было не более 70 метров. Затем полицейские загнали обреченных людей в сарай. Кто закрывал двери сарая и поджигал сарай, не припоминаю. Всей акцией командовал Васюра. Когда сарай был объят пламенем, люди стали плакать и кричать от ужаса. По приказу Васюры полицейские начали стрелять по обреченным. Среди стрелявших я лично видел КАТРЮКА. Сам Васюра по людям стрелял из автомата.

Материалы уголовного дела № 21028030022 о геноциде населения Беларуси в годы Великой Отечественной войны и послевоенный период

...На второй день полицейские нашего батальона прочесали лес и собрали жителей деревни. По приказанию кого-то из немецких офицеров жители деревни были согнаны к дому, в котором временно находился штаб IIB полицейского батальона. Молодежь погрузили в автомашины и повезли в поселок Плещеницы, для последующей отправки на работу в Германию. Из числа оставшихся жителей деревни была отобрана группа женщин и детей в количестве не менее двадцати человек, которую отвели в сторону. Затем вывели пять мужчин, которых также поставили отдельно. Кто непосредственно этим командовал, я не знаю, все это происходило на моих глазах, так как я находился непосредственно у штаба. Вскоре последовала команда, не помню, кто ее дал, конвоировать женщин и детей к сараю, находившемуся в конце деревни недалеко от штаба. В числе конвоировавших был я, КАТРЮК и другие полицейские, кто именно, не помню. У сарая люди остановились и не хотели в него входить. Каратели первого взвода, в том числе и КАТРЮК, насильно, избивая прикладами оружия, загнали людей в сарай. Кто закрыл дверь сарая, я не помню, равно, как не помню, кто его поджег. Сарай был деревянный и начал быстро гореть. Обреченные на смерть женщины и дети плакали, кричали, молили о пощаде, им удалось выломать дверь. Несколько человек выскочили из горящего сарая, но здесь же были сражены пулями карателей. Кто дал команду открыть огонь по обреченным, я не помню. Отчетливо вспоминаю, что по ним вел огонь из имевшегося у него оружия КАТРЮК, который, как и я, находился непосредственно перед сараем с обреченными. Кто-то из полицейских бросил в сарай гранату. После того, как в сарае все погибли, оцепление было снято. Со слов кого-то из полицейских, не помню кого именно, мне известно, что пятерых мужчин, которых отделили от остальных жителей деревни Вилейки, были расстреляны и сожжены в другом сарае работниками штаба батальона. Кем именно, не помню.

Материалы уголовного дела № 21028030022 о геноциде населения Беларуси в годы Великой Отечественной войны и послевоенный период

После Новой Вилейки все роты батальона и штаб с обозом двигались в одном направлении. Затем, недоезжая деревни Вилейка каким-то образом разбились на части. Первая рота следовала впереди и она как-будто ушла в деревню Вилейка.

Морозов

Имелся ли перед Вилейкой бой полицейских нашего батальона с партизанами я сейчас не помню. Я оказался в группе полицейских из третьей роты и штаба. При нас был обоз, но весь ли затрудняюсь сказать. После Новой Вилейки прибыли мы в один небольшой поселок к концу дня и остановились в нем на ночлег. Как назывался тот поселок я не помню. В нем имелось тогда домов 5-6. Кернера, Смовского и Луковича с нами не было в том поселке. Очевидно они находились с другими подразделениями батальона. Остановившись в поселке на ночлег, я видел к концу того дня как поблизости горела одна деревня. Позже я узнал из рассказов полицейских, кто именно рассказывал не помню, что гоорла деревня Вилейка и что ее подожгла первая рота нашего батальона после перестрелки с партизанами, но сгорела не вся, а часть деревни.

Вместе со мной в деревню Вилейка прибыли тогда Пиджаристый, Дмитриенко, Скрыпка, Вакарчук, Варламов, санитар Никитенко и врач Коваль. К тому времени в Вилейке было несколько не сожженных домов с одного конца деревни. Большая деревни была сожженной. Когда я с указанными лицами прибыл в Вилейку, то к тому времени во дворе или огороде одного дома было собрано большое количество мирных граждан, в том числе женщины, дети, старики, мужчины и молодежь. Их охраняли полицейские из первой роты, но кто именно затрудняюсь сказать. Я видел, что возле собранных людей находились командиры взводов Мелешко Василий, Пасечник и Славутенко, помощники командиров взводов Лакуска и Панкив, Слижук, Катрюк, Филиппев Василий и пулеметчик Кнап. Находились там и другие полицейские, но всех не помню. В другом доме, который стоял через улицу напротив того двора, где были собраны люди, размещался штаб. Я видел тогда в штабе Кернера, Смовского, его денщика Вусса, Луковича, Винницкого, шефа первой роты обер-лейтенанта, трех немцев в форме СД и полицейского в черной форме. Кто был такой в черной полицейской форме я не знаю. Раньше я нигде его не встречал. Начальника штаба Васюры я там не видел. Где он в то время находился не знаю.

Примерно в обеденное время собранных людей стали подразделять на группы. Это делали немец Поль со штаба II8 батальона, переводчик Лукович с участием Винницкого, шефа первой роты обер-лейтенанта Засс, немцев в форме СД и полицейского в черной форме. Помню, что было выделено в одну группу несколько женщин с детьми разного возраста и заперты в какое-то не жилое помещение. Несколько человек мужчин были отобраны в другую группу и отведены в другое помещение, а молодежь - в третью группу. Остальные люди были отпущены. Были ли это только жители Вилейки или из других еще деревень точно не знаю. Помню, что из отобранных групп женщин и мужчин

Надписанное слово "часть" читать:

Морозов
Морозов

водили на допрос к Кернеру и Смовскому. О чем они допрашивали задержанных граждан я не знаю, так как присутствовать на допросе мне не приходилось. Затем отобранную группу женщин с детьми в количестве около 30 человек загнали в отдельный сарай и уничтожили их вместе с сараем. Находясь тогда возле штаба, я видел как группу женщин с детьми конвоировали к месту расстрела Лукович, Слижук, Лакуста, Катрюк и Филиппов. В числе конвоировавших были и другие полицейские из первой роты и штаба батальона, но остальных по фамилиям не помню. Сарай, в котором было уничтожено около 30 человек, находился примерно в 300 метрах от дома, где размещался штаб Кернера и Смовского. Во время уничтожения людей в сарае я был на улице у штаба и видел как людей загнали в сарай конвоировавшие выше названные полицейские. Когда люди были загнаны в сарай, то сразу возле сарая полицейские установили два или три ручных пулемета. Затем в сарай была брошена граната, от чего получился сильный взрыв. После этого по сараю с людьми был открыт ружейно-пулеметный огонь. Сарай загорелся. Все находившиеся в сарае люди были убиты и сожжены. Помню, что в то время Филиппов и Слижук были с автоматами, Лукович с пистолетом, Катрюк и Лакуста с ручными пулеметами. У Катрюка был чешский пулемет с рожком. У Лакусты обычно на вооружении имелся карабин в первое время службы в батальоне. Но когда конвоировали группу женщин с детьми к сараю, то Лакуста был с ручным пулеметом Дегтярева. Он взял пулемет на то время у кого-то из полицейских первой роты, у кого именно сейчас не помню. Когда конвоировали людей к сараю и убивали их, то рядом со мной у штаба находились Дмитриенко, Вакарчук, Скрипка, денщик Вусс, санитар Никитенко, врач Коваль и возможно другие полицейские. Кернер, Смовский, обер-лейтенант Засс и один немец в форме СД находились в штабе и вызывали по одному на допрос задержанных из группы мужчин. Припоминается мне сейчас, что два немца в форме СД и полицейский в черной форме также находились у сарая, когда уничтожали женщин с детьми. Командир роты Винницкий, командиры взводов Мелешко, Пасечник и Славутенко в тот день находились в Вилейке все время. Видел я их в числе других полицейских возле собранных людей во дворе дома, на улице деревни и возле штаба. Были ли они на месте уничтожения группы женщин с детьми не помню.

Лакуста

Задержанную в Вилейке молодежь писаря Дмитриенко и Скрипка заносили в списки, а врач Коваль проверял состояние здоровья в целях отправки на работу в Германию. Списки составлялись на немецком и русском языках. Где был сборный пункт для отправки в Германию и куда увезли из Вилейки молодежь я не знаю. Вскоре, после уничтожения женщин с детьми в сарае, я вместе с Дмитриенко и Вакарчуком из Вилейки уехал на хутор, где стоял наш обоз. Когда мы прибыли на хутор, то там находились взвод Билика и еще один взвод из третьей роты, командира которого я сейчас не помню. По времени это было к исходу дня. На хуторе мы ночевали одну ночь и на следующий день уехали по направлению деревни Кромовичи. Как назывался хутор, где мы ночевали не помню. Он находился за лесом, примерно в полутора-двух километрах от деревни Вилейка. Совершали ли полицейские нашего батальона какие-либо преступления на хуторе я не знаю.

Как показал я выше, в деревне Вилейка задержанных мужчин водили на допрос к Кернеру и Смовскому в штаб. Задержанных мужчин было немного, не больше 8-10 человек, но сколько точно затрудняюсь сейчас сказать. Помню, что мужчины были потом в сарае того дома, где размещался штаб. Они были под охраной. Кто из полицейских охранял их вспомнить не могу. Находясь возле штаба, я видел тогда как Поджаристый и Скрипка по одному из сарая водили мужчин на допрос. Заходили в то время в штаб командир роты Винницкий, шеф роты обер-лейтенант Засс, немец Поль, переводчик Лукович и возможно другие немцы и полицейские нашего батальона, всех не помню. О чем допрашивали мужчин я не знаю. Через несколько дней позже мне рассказывали Скрипка и Поджаристый о том, что мужчин, которых они водили на допрос в штаб, расстреляли в Вилейке, но кто их расстрелял они не говорили мне и я не интересовался.

Материалы уголовного дела № 21028030022 о геноциде населения Беларуси в годы Великой Отечественной войны и послевоенный период

10.7. Из протокола осмотра от 24 октября 1973 г. с участием обвиняемого Г.Г. Лакусты

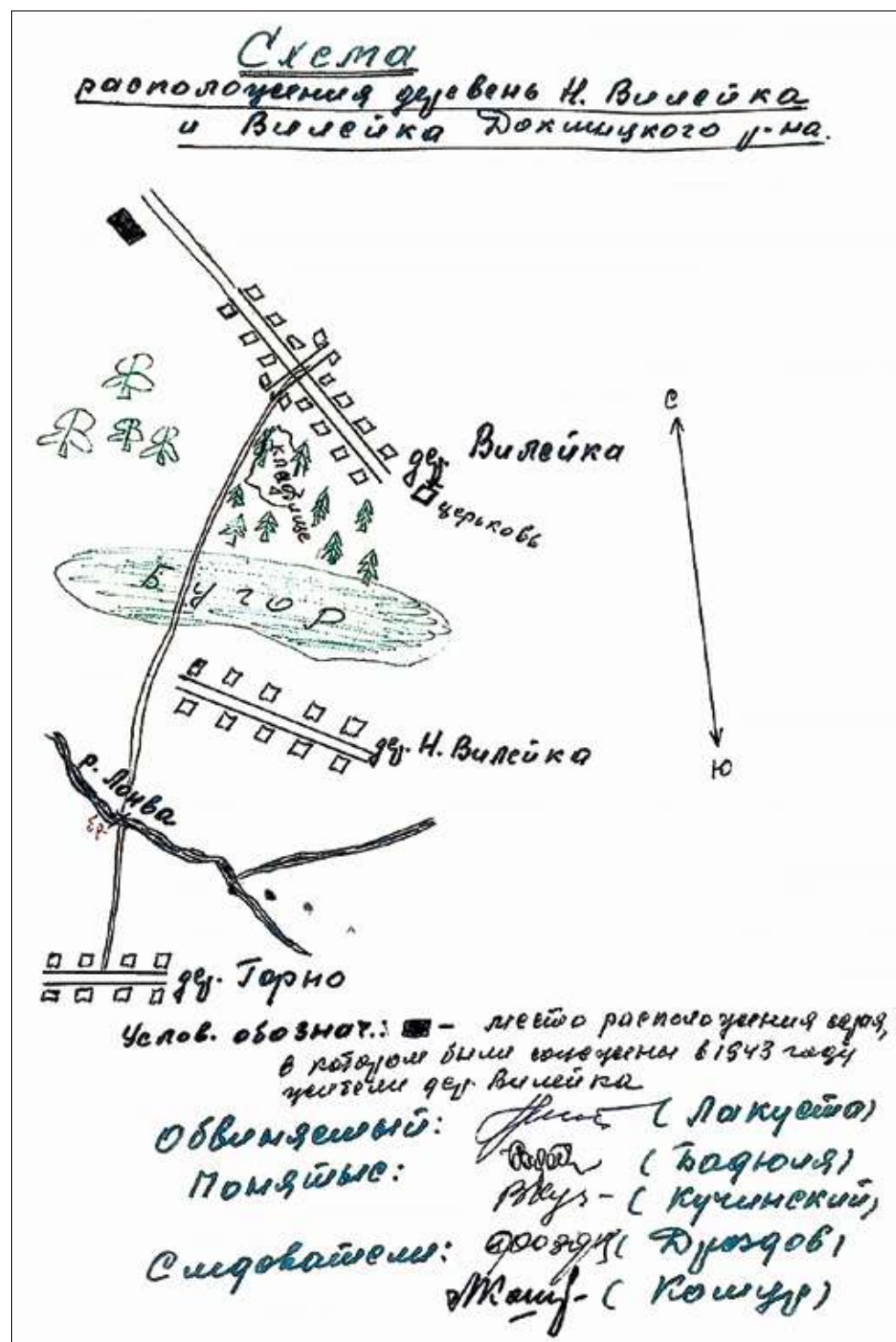

...Из деревни Новая Вилейка Лакуста предложил проехать прямо по дороге с левой стороны деревни и пояснил, что по пути за деревней через бугор будет лес, а за ним с правой стороны кладбище и деревня, в которой ими были сожжены в сарае партизанские семьи.

Проехав 3 км, участники следственного действия выехали за лес к кладбищу, где обвиняемый Лакуста остановил автомашину и пояснил, что в этом месте их обстреляли партизаны. Место опознал по расположению кладбища относительно к дороге, лесу и деревне.

После этого выехали в деревню и на перекрестке улиц обвиняемый Лакуста предложил повернуть на улицу в южном направлении, где должна находиться церковь. Проехав в конец улицы, Лакуста показал с правой стороны деревянную церковь и пояснил, что к этой церкви после боя с партизанами в районе кладбища их взвод вышел лесом и с этой стороны занимал позицию.

После этого предложил проехать в противоположный конец этой улицы. Прибыв в северный конец улицы, Лакуста показал с левой стороны в 40–50 метрах от улицы место и пояснил, что здесь во время войны находился сарай, в котором расстреляно и сожжено около 30 жителей этой деревни во время Березинской операции в мае месяце 1943 года. На данном месте находится могила с памятником...

-3-

Обв. Лакуста Т. Г. показывает направление передвижения с кладбища в д. Вилейка, из которого их обстреливали партизаны

Дорога в д. Вилейки со стороны кладбища

-4-

066. Папуей і Герасіменко ў ф. Вилейка, к каёй-то вышлі іх ўзгляд пасля бою з партызанамі на плошчы

066. Папуей паказвае мясціню ў ф. Вилейка дзе наофіцый саўраў, в каёй-то было расстрэліваў акало 30 чэшскай пав. д. і ацэцені

10.8. Акт о преступлениях, совершенных карателями в деревне Вилейка Бегомльского района 20 мая 1943 г.

Комиссия в составе представителей партизанской бригады «Железняк» (председатель комиссии – лейтенант Костин Василий Сергеевич, члены – Михаль Антон Петрович и Герасименко Петр Антонович), представителя от гр-н дер. Вилейка – Зорича Марка Владимир[овича], – составила настоящий акт на предмет учиненного злодеяния над мирными гражданами и их хозяйством в дер. Вилейка карательной немецкой экспедицией 20.05.43. По прибытии карательного экспедиционного отряда 20.05.1943 года вся деревня была подвергнута сплошному грабежу, после чего деревня была уничтожена пожаром, в результате этого 39 (тридцать девять) хозяйств остались без крова. Кроме этого, расстреляно 3 человека, расстреляно и сожжено – 33. Всего 36 чел. Карательным отрядом уведено рогатого скота три штуки. О чем и составлен настоящий акт в одном экземпляре.

Приложение: список сожженных и убитых гр-н д. Вилейка. Председатель комиссии лейтенант Костин, члены Михаль, Герасименко. Представитель от гр-н д. Вилейка Зорич.

11. Деревня Осовы Докшицкого района, 27 мая 1943 г.

11.1. Из протокола допроса свидетеля В.Н. Ковель от 26 ноября 1987 г.

... В мае 1943 года оккупанты проводили карательную операцию против партизан в нашей местности. Партизаны нас предупредили об опасности и посоветовали уходить из деревни в леса. Послушав партизан, жители выехали в лес. Кто мог с собой угоняли скот. Скрывались в лесу более недели. Затем среди односельчан начались вести разговоры о том, что каратели якобы мирное население трогать не будут. Многие поверили в эти разговоры и стали возвращаться по домам. Когда я с родителями мужа вернулась в Осовы в деревне уже находились каратели. Их обоз стоял на западной окраине деревни. Каратели все мне были незнакомы. Солдат немецкой национальности было мало. В основном были каратели из числа украинцев, которые разговаривали на своем языке. Одеты были в серозеленую форму солдат немецкой армии. В деревне велись разговоры, что каратели прибыли со стороны деревни Замосточье Докшицкого района. При входе на двор мы обратили внимание, что ворота открыты и на проезжей части лежали крест-накрест две палки. Мы не поняли, что это обозначало. Кто-то из родителей мужа отбросил их в сторону. В тот же день из разговоров местного населения нам стало известно, что таким образом карателями были помечены дома, где проживали партизанские семьи. На следующий день свекровь увидела, что каратели с западной окраины деревни стали выгонять местных жителей и гнать их под конвоем на восточную окраину деревни. Свекровь мне приказала убегать из дома. Это сделать было очень трудно, так как вокруг деревни стояли карательные патрули. Я все же вышла из дома и побежала к соседям в дом Шпет Митрофана/после войны умер/. Там я увидела трех карателей из числа украинцев. Они сделали вывод, что я из партизанской семьи и хочу укрыться. Но за меня вступился хозяин дома, который сказал, что я не из партизанской семьи и у меня никого нет из родных. Таким образом я осталась у Шпета. Они пригрозили ему, что если он их обманул, то ему грозит смерть. Из дома Шпета я бросилась домой. Он был пуст. Свекровь каратели угнали к месту сбора всех жителей. Я не знала, что мне делать. Решила пойти к другому соседу. Вышла на улицу. По ней хо-

дили каратели, разговаривавшие на украинском языке. Они собирали по деревне молодежь. Заметили и меня. Я также была присоединена к ним. На окраине деревни Осовы с северной стороны примерно в 200 метрах от жилых домов находилось гумно, так мы называли сарай где хранят злаковые. Каратели пригнали нас и приказали остановиться метрах в 200 от гумна. К нашему приходу семьи партизан: жены, дети родители были согнаны в гумно. В их числе оказалась и моя свекровь. Затем я услышала два взрыва гранат. Гитлявцы бросали в гумно с людьми гранаты. После взрыва гранат открыли по обреченным огонь. Стояла ужасная картина. Были слышны крик и стоны погибающих людей. Вскоре сарай загорелся. От охватившего нас страха мы не могли сдвинуться с места. Мы ждали такой же участи. Однако сарай еще не успел догореть, а к нам подошли несколько карателей и всех погнали по дороге в сторону деревни Горелое, затем мы вышли на шоссе на дорогу Бегомль-Борисов, по которой прибыли в деревню Нивки. Там каратели никого из жителей не застали, но деревню сожгли дотла. В Нивках каратели все нас отпустили, почему мне неизвестно. Вернувшись в деревню Осовы, я узнала, что в гумне каратели сожгли и расстреляли 78 мирных советских граждан из числа партизанских семей, в основном женщин, детей, стариков. В их числе погибла и моя свекровь. Оставшиеся в живых односельчане на второй и третий день собирали останки погибших родственников и хоронили на кладбище в деревне Осовы. Из разговоров односельчан, от кого точно не помню, слышала, что семьи партизан карателям выдал староста Островко.

Материалы уголовного дела № 21028030022 о геноциде населения Беларуси в годы Великой Отечественной войны и послевоенный период

27 мая 1943 года в нашей деревне Осовы Докшицкого района Витебской области немецкими карателями неизвестного мне формирования была учинена расправа путем расстрела и сожжения семей партизан в сарае. В числе погибших в сарае людей были и мои трое детей: Скакун Владимир Иванович, 1930 года рождения, Скакун Зинаида Ивановна, 1938 года рождения, Скакун Николай Иванович, 1941 года рождения. Расстреляли моих детей за то, что их отец, а мой муж Скакун Иван Григорьевич в то время находился в партизанском отряде № 2 бригады имени Железняк, а его родной брат Андрей, являлся начальником особого отдела бригады. Мой муж и его брат уже умерли. Каратели в нашу деревню прибыли 26 мая 1943 года. Я находилась дома с детьми. Каратели, среди которых было много украинцев переночевали в деревне, а утром 27 мая 1943 года меня и других женщин заставили выбирать картофель из ям, которые находились в пулокилометре от деревни. Перед обедом меня отпустили домой. Дома детей я не нашла. В это время в противоположном конце деревни раздались выстрелы и крики людей. Я побежала на эти крики и увидела догоравший отдельно стоявший сарай, возле которого стояли односельчане. От них я узнала, что каратели расстреляли и сожгли в этом сарае партизанские семьи, в том числе и моих детей. К моему приходу каратели уже уехали. Ими в тот день было уничтожено много людей, точного количества назвать не могу. В частности ими были расстреляны и сожжены жена Скакуна Андрея, брата моего мужа, Скакун Анна и трое их детей – Владимир, Галина, Виктор, семья партизана Гаравчика Иосифа Антоновича: жена Гаравчик Мария Афанасьевна и трое детей, семья партизана Гавравчика Афанасия Антоновича: жена Анна и трое детей, учительница Граб Ольга, муж которой находился в партизанах, Скакун Степан Михайлович с женой и детьми, мой дядя Скакун Константин Адамович со своей женой и тремя детьми.

Материалы уголовного дела № 21028030022 о геноциде населения Беларуси в годы Великой Отечественной войны и послевоенный период

Примерно в мае 1943 года, точнее времени не помню, на рассвете деревню Осовы окружили каратели. Наша семья в то время ещё спала. К нам прибежали соседи и сказали, что деревня окружена, по дворам в сопровождении старосты Островко Ивана ходят каратели и стогняют людей в большой сарай на окраине деревни. Мы поняли, что готовится расправа над жителями. Поскольку два моих брата находились в партизанах, то мы боялись, что каратели за это расправятся с нами. Отец сказал, чтобы все мы немедленно уходили из деревни. Мой брат Петр, которому в то время было 15 лет, вскочил верхом на коня и поскакал мимо оцепления за деревню, за ним с корзиной в руках побежала моя старшая сестра Елена. Каратели, находившиеся в оцеплении, их почему-то выпустили, а один из них, совсем еще молодой, как мне позже рассказывала Елена, на украинском языке посоветовал ей как можно дольше не возвращаться в деревню. В это же время отец побежал предупредить об опасности семьи моих братьев, находившихся в партизанах. Мать схватила на руки младшего моего брата Владимира и спряталась с ним в сарае. Туда же она хотела спрятать и меня, но я вырвалась от неё и побежала к забору, стоявшему рядом с сараем. Забор был высокий, около него были сложены дрова. По дровам я залезла наверх и там притаилась. Оттуда я видела как каратели выборочно ходили по домам и выгоняли из них жителей деревни, а затем конвоировали их к сараю на окраине деревни. В наш дом также заходило несколько человек в немецкой форме, но никого там не обнаружив пошли дальше не став обыскивать двор и надворные постройки. Меня и матери с моим братом они не обнаружили. Уже не помню каким образом, но большинство оставшихся в живых жителей нашей деревни, и я в их числе, карателями были собраны и нас погнали впереди колонны немцев и полицейских с тем, чтобы те не нарвались на партизанские мины. Всего нас тогда было примерно 15–20 человек. Таким образом нас гнали примерно до деревни Нивки, а затем отпустили домой. К счастью, тогда никто из нас на mine не подорвался. Позже ходили слухи, что партизаны узнали о том, что каратели гонят впереди себя мирных граждан и успели снять мины.

Когда мы вернулись в деревню, то увидели, что сарай, в который каратели стогнали жителей нашей деревни, уже догорал. Родственники погибших заливали огонь, откапывали и вытаскивали останки близких. Непосредственно момент расправы над жителями нашей деревни я не видела. Очевидно сарай с находившимися в нем жителями подожгли в то время, когда я в числе других шла впереди колонны карателей по заминированной местности. Со слов односельчан, кого конкретно не помню, мне стало известно, что в сарае было уничтожено более пятидесяти женщин, стариков и детей – членов семей партизан и советских активистов. Вместе с невинными людьми погиб и староста деревни. Обреченные на смерть женщины в последний момент крикнули, что у него самого сын находится в партизанах, поэтому старосту также бросили в сарай и он погиб вместе с жителями нашей деревни. В этот день вместе с другими жителями дер. Осовы погибла семья моего старшего брата Михаила – жена и трое детей, а сам Михаил позднее погиб в бою с фашистами у деревни Бересневка Докшицкого района.

Больше никто из моих близких родственников тогда карателями уничтожен не был.

Семья моего второго брата Григория, находившегося в партизанах, каким-то образом в момент расправы убежала из деревни в лес и там скрывалась. Григория и его жены Анастасии в настоящее время нет в живых, они умерли.

Я не знаю, какое конкретно карательное подразделение осуществило карательную акцию в деревне Осовы в мае 1943 года, но я видела и слышала, что в числе карателей помимо немцев были и говорившие на украинском языке. То же говорили и другие оставшиеся в живых жители нашей деревни. Никого из карателей того подразделения я не знаю.

Материалы уголовного дела № 21028030022 о геноциде населения Беларуси в годы Великой Отечественной войны и послевоенный период

11.4. Из протокола допроса свидетеля Г.Н. Васюры от 16 сентября 1987 г.

Спустя дней пять, примерно 27 мая 1943 карателями 118 полицейского батальона было уничтожено свыше 70 мирных жителей деревни Осовы Докшицкого района Витебской области. В указанную деревню подразделения нашего батальона прибыли накануне, где остановились на ночь. Наутро по приказанию Кернера и Смовского к штабу полицейские первой роты согнали большую группу жителей деревни, которые, как мне вскоре стало понятно, были либо членами семей партизан, либо поддерживали с ними связь. Их предал староста деревни. Вскоре всех собранных у штаба мирных жителей опять-таки по приказу Керне-

нера и Смовского погнали к отдельно стоявшему в конце деревни большому деревянному сараю. Я лично видел как Катрюк с полицейскими своего отделения конвоировал обреченных к сараю. Затем полицейские загнали конвоируемых людей в сарай, подожгли его и открыли по нему огонь из винтовок и автоматов. Спасти никому не удалось.

Материалы уголовного дела № 21028030022 о геноциде населения Беларуси в годы Великой Отечественной войны и послевоенный период

11.5. Из протокола допроса свидетеля И.И. Козынченко от 28 октября 1987 г.

Спустя примерно пять дней, карателями 118 полицейского батальона была сожжена деревня Осовы Докшицкого района и уничтожено не менее 70 жителей этой деревни. Во время проведения карательной акции в Осовах я вначале находился в обозе батальона и прибыл туда, когда операция уже началась. Там к этому времени уже находилось командование батальона со штабом, а также I рота и часть 3 роты. В этой деревне мы переночевали. Утром возле дома, в котором располагался штаб батальона, я увидел мирных жителей, которых охраняли полицейские батальона. По указанию Кернера каратели стали группами отгонять людей в сторону от штаба. Поскольку эти люди кричали, что староста деревни тоже связан с партизанами, мне стало ясно, что по приказу Кернера полицейские отделяли из числа жителей деревни тех, кто был связан с партизанами, либо являлся родственником партизана, что этих людей выдавал староста. По приказу начальника штаба Фасюры я и полицейский по фамилии Лютык пошли домой к старосте и пригнали его. После непродолжительного разговора с командирами батальона староста был присоединен к другим арестованным мирным гражданам. Затем всех этих людей погнали к отдельно стоявшему в конце деревни большому деревянному сараю. Хорошо помню, что в числе

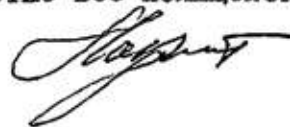

других, конвоировавших обреченных к сараю, был и Катрюк. Я по приказу кого-то из командиров батальона шел следом за ними. Когда людей загнали в сарай и закрыли в нем все полицейские, находившиеся возле сарая, открыли по нему огонь из имевшегося у них оружия. Вел огонь по сараю с людьми и я из своей винтовки. Катрюк стрелял из своего ручного пулемета чешского производства. Стреляли до тех пор, пока не перестали доноситься из сарая крики, стоны и плач обреченных, после чего сарай с трупами погибших был подожжен. На мой взгляд, в деревне Осовы было уничтожено не менее 70 мирных жителей, в основном женщин, стариков и детей. После расправы над людьми деревня карателями была подожжена.

Материалы уголовного дела № 21028030022 о геноциде населения Беларуси в годы Великой Отечественной войны и послевоенный период

11.6. Из протокола допроса обвиняемого Г.Г. Лакусты от 7 декабря 1973 г.

В связи с показаниями Курки мне припоминаются новые обстоятельства по факту уничтожения людей в деревне Осовы. Я вспомнил, что те люди, которые были задержаны в первый день нашего прибытия в деревню Осовы и ночь содержались в штабе, в сарай были отведены раньше. Кто их отводил, не знаю. На второй день Кернер и Смовский приказал собрать тех людей, перед воротами которых староста положил из палок крестик. Мелешко приказал мне и Катрюку со своими отделениями выгонять людей из отмеченных крестиками домов на улицу и гнать их в сарай. Я и подчиненные мне полицейские первого отделения, в том числе и Курка, выгоняли из этих домов людей на улицу. Этим же занимались и полицейские отделения Катрюка и части третьего взвода, полицейские штаба Слижук, Лютык, Лукович, Филиппов, Василя и немец Зац. Из третьего взвода помню, что людей из домов выгоняли и конвоировали в сарай Лозинский, Ярема, Пасечник, Сахно и Вовк. Людей уже к штабу не собирали, а выгнав на улицу, сразу конвоировали в сарай. Когда мы людей пригнали к сараю, то в нем уже была часть людей и около сарая стояла охрана. Кто из полицейских охранял сарай, не помню. Людей загнали в сарай, в этом принимали участие все полицейские, которых я

назвал выше, Лукович и Лютык закрыли ворота сарая. После этого по приказу немца Заца и начальника штаба Василя, Лукович и Лютык пошли за сарай и подожгли его. Когда они от сарая отошли, раздался взрыв. Я полагаю, что взрывное устройство там было положено заранее и взорвано было с помощью бикфордова шнура, так как взрыв был, а гранат в сторону сарая никто не бросал. Мы к этому времени стояли полукругом в оцеплении сарая. После взрыва Зац дал команду открыть по находившимся в сарае людям огонь. Нам непосредственно на открытие огня по людям команду дал Мелешко. По находившимся в горевшем сарае людям был открыт огонь со всех видов оружия. Помню по людям в сарае стреляли: Мелешко из пистолета, Немцы из автоматов, Пасечник, я из карабинов, Катрюк из чешского пулемета, Швейко, Иванкив и пулеметчик ручного пулемета из третьего взвода – из ручных пулеметов, Пепа, Темечко, Харченко, Дзеба, Болозовский, Билык, Курка, Юрашук, Бобыляк, Шелух, Киправа, Коленчук, Пасечник, Иванкив, Василенко, Вовк, Лозинский, Ярема, Сахно – из винтовок. Стреляли по людям и Лютык, Слижук, Филиппов. Когда людей вели в сарай, то люди говорили, что у старосты тоже кто-то в партизанах, поэтому и старосту присоединили к людям и сожгли в сарае. Старосту втолкнули в группу людей Лютык и Козыченко. Всего в сарае в деревне Осовы было сожжено и расстреляно около 70 человек. Злодеяние это было совершено 26-27 мая 1943 года.

Материалы уголовного дела № 21028030022 о геноциде населения Беларуси в годы Великой Отечественной войны и послевоенный период

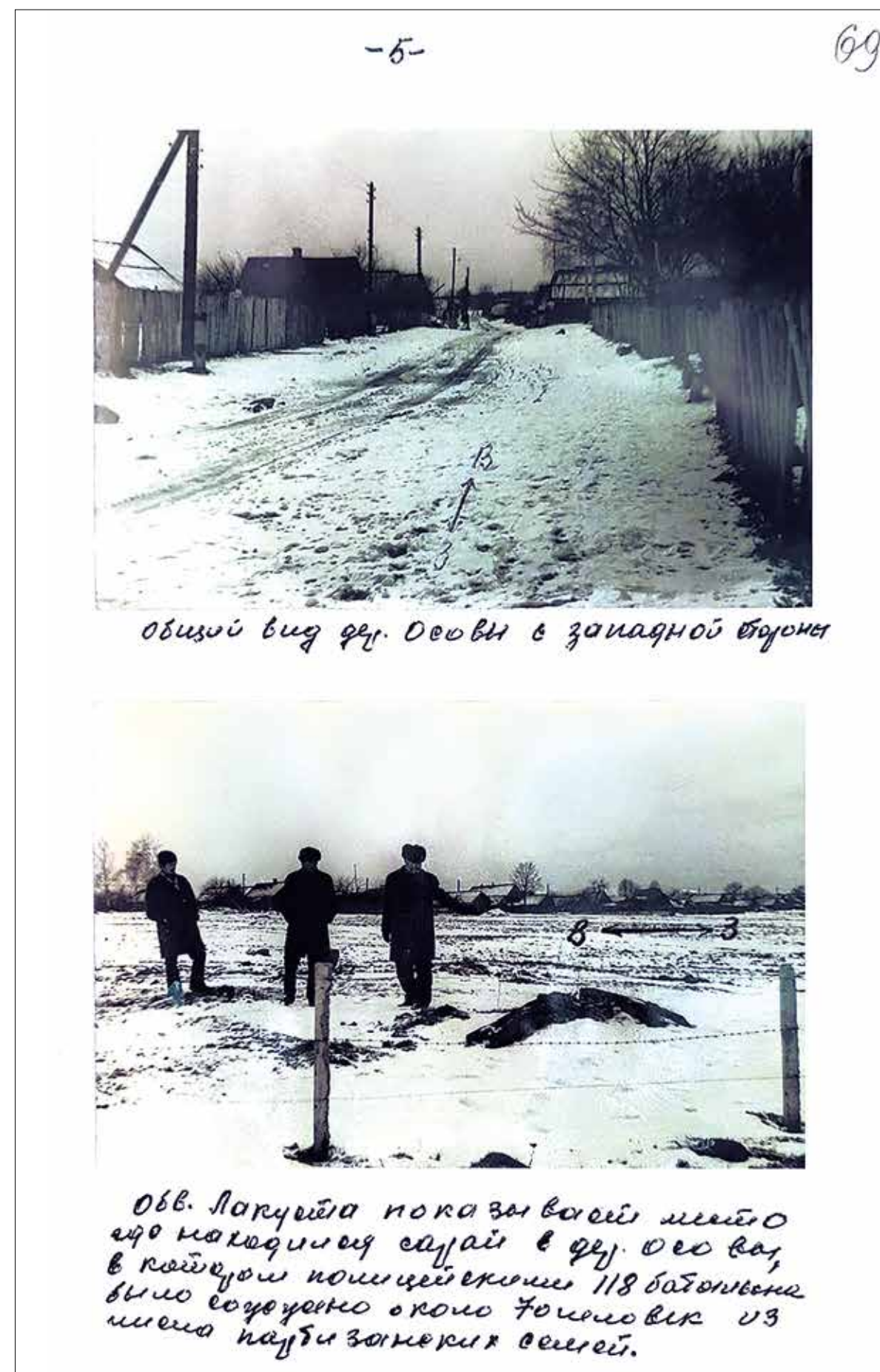
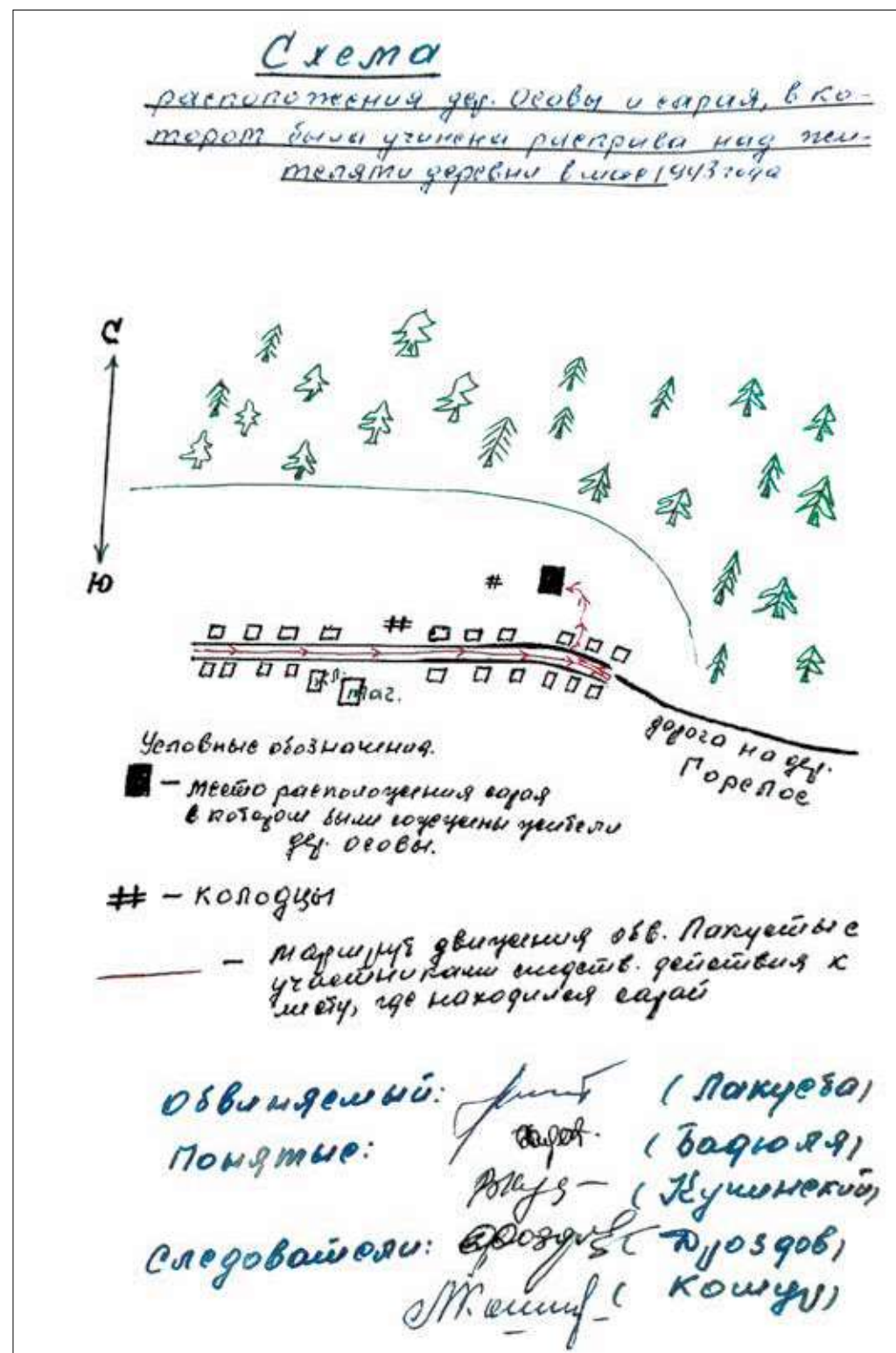
11.7. Из протокола осмотра от 24 октября 1973 г. с участием обвиняемого Г.Г. Лакусты.

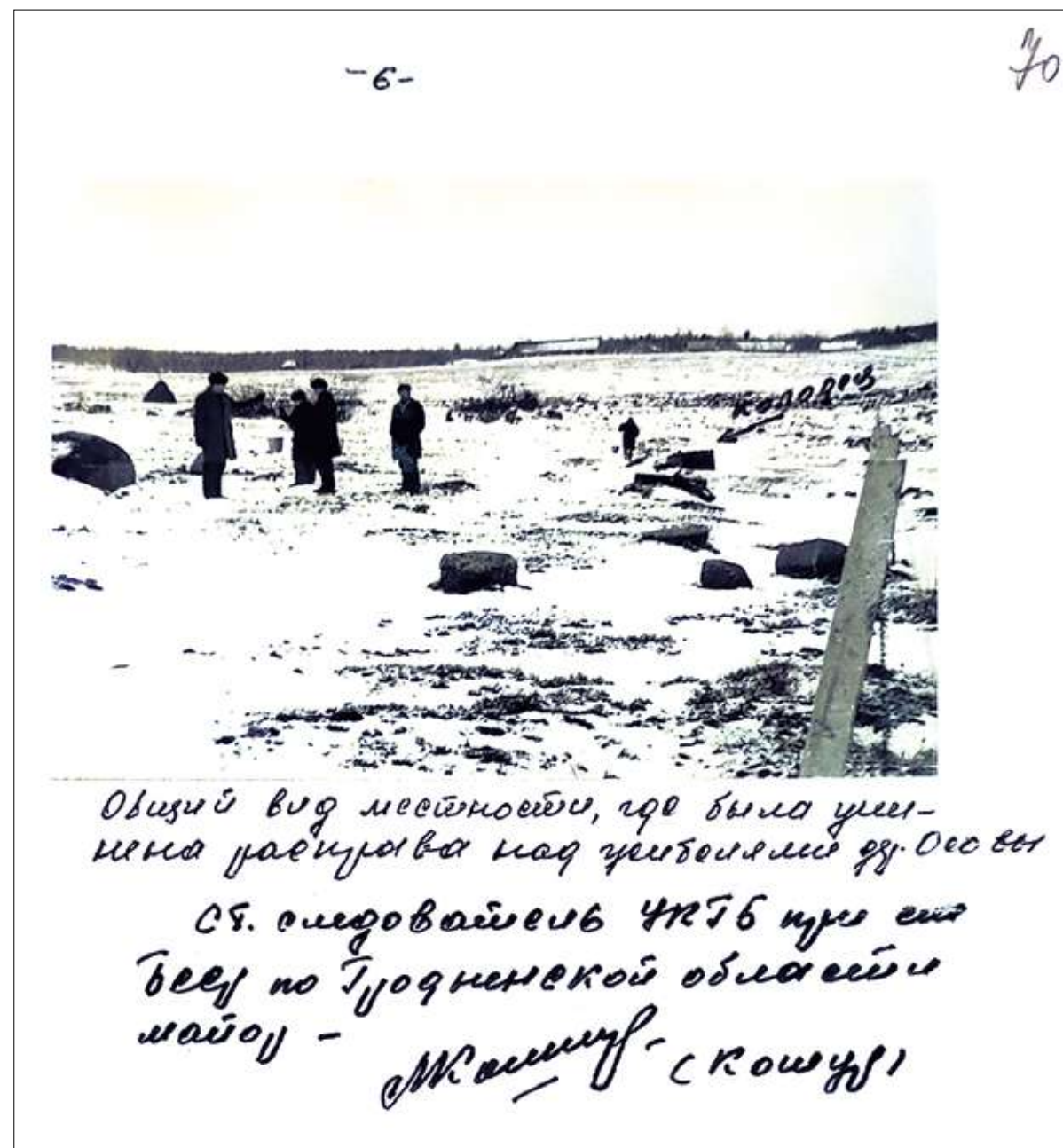

...В д. Вилейка обвиняемый Лакуста пояснил, что следующая деревня, в которой были сожжены семьи партизан, находилась за шоссе на дороге Плещеницы – Бегомль, в 4-5 км от нее ближе к реке Березина, но указать путь к ней не может, так как двигались к этой деревне не по дороге, а лесом. Все участники следственного действия из дер. Вилейка через деревни Гребени, Кромовичи, Чупры, Веретеи, Замосточье прибыли в д. Осовы с западной стороны. Осмотрев указанные выше деревни, Лакуста заявил, что деревня Осовы по своему расположению и относительно леса похожа на ту деревню, где было сожжено в сарае около 70 человек из числа партизанских семей. Восточная сторона деревни должна примыкать к лесу, деревня состояла из одной длинной улицы. На западной окраине деревни Осовы Лакуста предложил выйти из автомашины и пройти на восточный конец деревни. Следуя по улице, Лакуста посередине деревни с левой стороны указал на деревянный сруб колодца и пояснил, что к этому колодцу они вышли из леса, расположенного с северной стороны от деревни. Затем Лакуста вышел на восточный конец деревни, осмотрел местность, повернул обратно и около дома Шило Надежды повернул на запад, прошел 30 метров, остановился в 20 метрах от колодца, осмотрел местность и заявил, что сарай, в котором были сожжены семьи партизан, находился где-то в этом месте. Обнаружив здесь остатки лежавшего деревянного креста, Лакуста пояснил, что на этом месте, по его предположению, находился сарай.

Указанное обвиняемым Лакустой место находится примерно в 200 метрах в северном направлении от улицы между домами Дударенко Петра и Шило Надежды. На указанном Лакустой месте в настоящее время построек нет, вокруг лежащего креста из земли видны камни фундамента строения. В 20 метрах от этого места находится колодец с деревянным срубом.

После осмотра Лакуста заявил, что дер. Осовы является именно той деревней, где на указанном им месте в сарае было сожжено около 70 человек жителей этой деревни...

Материалы уголовного дела № 21028030022 о геноциде населения Беларуси в годы Великой Отечественной войны и послевоенный период

12. Лучинский бор, местность вблизи деревни Каменная Слобода Ивьевского района, июль-август 1943 г.

12.1. Из протокола допроса свидетеля Д.М. Шакаля от 30 ноября 1987 г.

Вскоре после начала блокады я заметил отряд карателей, которые одеты были в серозеленую немецкую форму, но разговаривали на русском и украинском языках. Они меня не обнаружили. Через совсем непродолжительное время я услышал с той стороны, куда ушли каратели, взрывы гранат и стрельбу. Что там произошло я не знал. Когда все утихло я решил сходить посмотреть, что там произошло. Когда прошел метров 700-800 от места своего укрытия и подошел к острову "Лучинский бор", то увидел на его окраине схрон-землянку. Изнутри схрон был бревенчатый. Возле землянки лежало человек 5 мужчин и женщин. Внутри схрона я увидел трупы женщин и детей. Сколько всего было погибших человек я не считал. По изуродованным трупам понял, что гитлеровцы в землянку бросили гранаты. Какое карательное формирование учинило эту расправу над людьми, я не знаю. Из разговоров местного населения я понял, что в землянке карателями было уничтожено около 40 советских граждан из числа лиц еврейской национальности, проживавших в деревне Бакшты Ивьевского района. Были ли тогда карателями обнаружены другие подобные землянки, я не знаю. Из моих родных в ходе этой карательной акции против мирного населения погибших не было.

Материалы уголовного дела № 21028030022 о геноциде населения Беларуси в годы Великой Отечественной войны и послевоенный период

12.2. Из протокола допроса свидетеля А.И. Соболевского от 30 ноября 1987 г.

Я скрывался примерно в 3-х километрах от деревни на болоте недалеко с Лучинским бором. Когда туда пришли каратели, я слышал стрельбу и взрывы гранат, а также крики женщин и плач детей. До меня доносились отдельные слова на русском языке "вылезай" и т.п. Когда каратели уходили из Лучинского бора, то проходили недалеко от того места, где я прятался. Что это было за карательное формирование, я не знаю. Затем я пошел посмотреть, что же там произошло. Придя туда, я обнаружил сначала одну небольшую землянку около которой лежали трупы Гольшмидт Шлемы, его жены и еще 2-3 граждан еврейской национальности. Всех их я знал до войны как жителей деревни Бакшты. Землянка была разрушена. Недалеко от первой землянки находилась вторая землянка большего размера. Она также была разрушена. Возле нее и внутри лежали трупы мужчин, женщин, детей. Трупы людей были изуродованы. Примерно было 40-50 трупов. Из них я опознал только одного гражданина из числа лиц еврейской национальности, который также ранее проживал в деревне Бакшты, фамилию его не помню. Больше ничего по существу поставленных вопросов показать не могу. Во время этой карательной акции из моих близких родственников никто не погиб.

Материалы уголовного дела № 21028030022 о геноциде населения Беларуси в годы Великой Отечественной войны и послевоенный период

В конце лета 1943 года, возможно и в середине лета, весь 118 батальон участвовал в большой операции против партизан в районе города Новогрудка. В этой операции участвовала и много других немецких войск, которые имели свои направления. Наш батальон выехал из города Новогрудка в лесистую местность, в которой действовали партизаны. Направления движения, названия местности, а также населенных пунктов по пути, не помню. Возможно в то время и знал, но забыл. От города Новогрудка отъехали километров 40-50. Ехали через населенные пункты по дорогам, вымощенным камнями. Приехали к большому заболоченному лесу, который стали прочесывать. Все три роты шли цепью. Помню, что первый взвод первой роты шел по лесной дороге растянутой в длину цепью. По одной стороне ^{от} дороги шел наш взвод, по второй - третий. Шли цепью в линию. С первым взводом двигался и штаб батальона. Мы проходили по сильно заболоченной лесной местности. Отдельные места были непроезжими. Приходилось их обходить. Вышли на сухое место, похожее на остров. Кругом него было болото. Населенных пунктов вблизи я не видел. Когда я в составе второго взвода первой роты вышел на остров, то увидел, что командир батальона СМОВСКИЙ, начальник штаба ВАСЮРА, командир первой роты ВИННИЦКИЙ, его заместитель МЕЛЕШКО, командир первого взвода ЛАКУСТА, переводчик ЛУКОВИЧ и немцы-шефы, а также весь личный состав первого взвода первой роты уже находились на острове. Рядом с командирами стоял высокий, здоровый, лет 60, с большой окладистой черной бородой мужчина, одетый в черное зимнее пальто, самодельную из черной овчины шапку, похожую на коляк. СМОВСКИЙ, ВАСЮРА, МЕЛЕШКО, ВИННИЦКИЙ, ЛАКУСТА, ЛУКОВИЧ и немцы допрашивали того мужчину. Где, при каких обстоятельствах мужчина был задержан, как он оказался на том острове, не знаю. К ним подошел и командир нашего взвода ИЛЬЧУК, который быстро возвратился и приказал быть в боевой готовности, так как задержали еврея и здесь должны быть партизаны. По рассказу ИЛЬЧУКА, задержанному мужчине командование батальона обещало сохранить жизнь, если он укажет, где скрываются люди или партизаны. Нам была дана команда оцепить сухое место, что было и сделано полицейскими второго и третьего взводов. Офицеры штаба и личный состав первого взвода под командованием ЛАКУСТА пошли туда, куда их повел задержанный мужчина.

У.Ф. Кнап

Мне то место видно не было. Минут через тридцать я услышал несколько одиночных выстрелов, а затем разрывы гранат. Спустя непродолжительное время нам разрешили подойти к месту, где находились первый взвод и командиры батальона. Я увидел развороченную взрывами гранат землянку, на дне которой лежало около двадцати изуродованных трупов мужчин, женщин, детей. В землянку невозможно было смотреть: тела погибших были разорваны, человеческое мясо перемешено с землей. К нашему приходу ЛАКУСТА, КАТРЮК, ФИЛИПОВ, ИЛЬЧУК, командир орудия БЕСКАНДЕРОВ в землянке обыскивали одежду убитых. Снимали с рук кольца, вырывали золотые зубы, из одежды доставали золотые монеты и другие драгоценности. Мне хорошо запомнилось, как БЕСКАНДЕРОВ обшаривал трусы на останках убитых женщин и доставал золотые монеты. Более-менее уцелевшие трупы они вытаскивали из землянки, вернее из образовавшейся от землянки ямы, ложили возле неё и обыскивали. СМОВСКИЙ, ВАСЮРА, ВИННИЦКИЙ, МЕЛЕШКО и немцы, один из них был в очках, стояли возле ямы и смотрели, как ЛАКУСТА, КАТРЮК, ФИЛИПОВ, ИЛЬЧУК, БЕСКАНДЕРОВ обыскивают убитых. Рядом с ними стоял и задержанный мужчина, показавший землянку. Через некоторое время он повел командиров показывать другую землянку. Мне было хорошо видно, как он подошел к одной сосне и заговорил по-еврейски. Поднялся куст, открылся лаз в яму и из неё вылетела винтовка. Затем вылез мужчина низкого роста, с бородой, по национальности еврей. Кто-то из командиров, якобы ВАСЮРА, спросил его, зачем ему нужна была винтовка. Он ответил, что для охоты. Его еще несколько минут допрашивали, но я уже не слышал о чем, так как они отошли от нас дальше, хотя нам хорошо видны были. После допроса переводчик штаба батальона ЛУКОВИЧ взял обоих евреев, показывавшего землянку и вылезшего из неё, отвел в сторону и сказал, чтобы они уходили. Он сделал вид, что отпускает их. А когда евреи пошли, он из автомата расстрелял их. Это я сам лично хорошо видел. ЛАКУСТА в это время находился в группе офицеров и принимал участие в допросе евреев. Кто бросал в землянку гранаты, стрелял одиночными выстрелами перед взрывом гранат, давал указание ЛУКОВИЧУ расстрелять двоих евреев, сказать не могу, не знаю.

Материалы уголовного дела № 21028030022 о геноциде населения Беларуси в годы Великой Отечественной войны и послевоенный период

12.4. Из протокола допроса обвиняемого Г.Г. Лакусты от 8 декабря 1973 г.

ОТВЕТ: В основном я показал ранее на допросах правильно.

Но хочу дополнить свои показания по этому вопросу. Когда задержанный в дупле дуба еврей показал первую землянку, из неё вылез один мужчина, который пытался бежать. По нему был открыт огонь и еврей был убит. Стреляли по нему полицейские второго взвода и лично я. Я открыл огонь первым. После этого, оставив возле первой землянки полицейских второго взвода, я с немцем, Швейко, Пепа, Бильком, Болозовским пошли искать вторую землянку, которую намеревался показать задержанный еврей. Мелешко, Винницкий и другие командиры стояли недалеко от первой землянки. Когда мы пошли искать вторую землянку, то увидели, что в сторону болота убегают три человека. Я взял Швейко, Пепа, Бильку, Болозовского и погнался за убегающими. Этих троих убегающих мы убили в болоте. Я сам видел как они упали в воду. После этого я возвратился на берег и подошел к тому месту, где еврей указал вторую землянку. Там уже находились немец, еврей, полицейские второго и третьего отделений первого взвода. Вторая землянка от первой находилась в пятидесяти метрах. Я видел, что возле первой землянки несколько евреев стояло наверху. Их окружали полицейские второго взвода первой роты. Когда я подошел ко второй землянке, то один немец уже был ранен выстрелом из этой землянки. Зац и Винницкий приказали никому к землянке не подходить, а землянку забросать гранатами. Я и Катрюк приказали своим подчиненным исполнить приказ Винницкого. Не помню хорошо Пепа или Швейко взял две или три гранаты, связал их вместе и бросил в землянку. Тоже самое сделал один из полицейских отделения Катрюка. В это же самое время я услышал выстрелы и взрывы гранат возле первой землянки. Там находился второй взвод. Когда вторую землянку мой и Катрюка подчиненные забросали гранатами, полицейские третьего отделения первого взвода, которым командовал Думич, открыло по землянке огонь из пулемета и винтовок. Совершив расправу над скрывавшимися в землянках евреями, мы ушли дальше. Возле землянок еще оставались некоторые полицейские. Лично я в землянку гранат не бросал, но приказал Швейко или Пепа сделать это. В землянку я не спускался, трупы не обыскивал. Кто этим занимался не знаю. Лично я принимал участие в уничтожении евреев в той землянке, которая находилась около самого болота, под дубом. Я ее указал во время выезда в Налибокскую пущу. Это та землянка, которая была закрыта дубовыми сучьями. Возле первой землянки, которую я указал на дороге, вторым взводом было расстреляно несколько человек наверху, а землянка также заброшена гранатами. Сколько всего человек нами было убито в землянке, сказать не могу. Погибших людей не считал,

но, судя по количеству трупов, там погибло не менее 40-50 человек. В землянке, которую забрасывал гранатами первый взвод, было около двадцати человек. Четырех мы расстреляли наверху: вылезшего из первой землянки и троих убегающих. Не менее пяти человек наверху около первой землянки расстреляли полицейские второго взвода. Сколько погибло человек в первой землянке, сказать не могу.

Материалы уголовного дела № 21028030022 о геноциде населения Беларуси в годы Великой Отечественной войны и послевоенный период

12.5. Из протокола допроса свидетеля В.А. Мелешко от 25 мая 1973 г.

...Во время проведения батальоном очередной операции по борьбе с партизанами был случай, когда в лесу были обнаружены несколько человек евреев, которые там же и были уничтожены. Данная операция проводилась нами в Налибокской пуще, и туда мы двигались из города Новогрудка. Группа евреев была уничтожена в районе деревни Бакшты, через которую проходили мы. Это место находится примерно в 10 километрах от Бакшт и, кажется, в восточном направлении. Было это в конце июля или начале августа 1943 года. Солдаты батальона часа два двигались по воде в болотистой лесной местности, прежде чем вышли на сухое возвышенное место, где остановились на привал, чтобы вылить из сапог воду. Во время отдыха метрах в тридцати от меня полицейские первой роты подняли шум. Я подошел к тому месту. Пришел и шеф роты немец по фамилии Зац или Закс, сменивший убитого ранее Вельке. Собралась большая толпа карателей. Около большой толстой сосны я увидел люк, крышка которого была открыта. Был он обнаружен якобы кем-то из полицейских первой роты, сидевшим под сосной и от нечего делать ковырявшим около себя ножом землю. Так тогда говорили, кто именно, не помню. Поскольку предполагалось, что там скрываются люди, кто-то из присутствующих предложил им вылезть. В этот момент там находился и я. Из ямы сначала были выброшены две винтовки русские, а затем оттуда вылезли два еврея. Один из них был молодой, второй – старый, с бородой. Их было только двое. Со старым шеф роты начал разговаривать на немецком языке. Вскоре старик повел шефа в другое место, метрах в ста от этого, и указал второе укрытие, которое было также хорошо замаскировано. С ним пошли я, Катрюк, Филиппов, Лакуста и другие полицейские. Тот, что помоложе, остался на месте под охраной полицейских. Старик присел, переговорил о чем-то на еврейском языке. Люк открылся. Никто оттуда пока не вылезал. Старик повел Заца и еще нескольких немцев-мастеров к третьему укрытию, которое находилось примерно в ста метрах от второго. Все три укрытия располагались по треугольнику. Второе было больше первого. К третьему я не подходил и сколько в нем находилось людей, не знаю. После того, как старик повел группу карателей к третьей яме, из второй, около которой находился я, вылез мужчина в возрасте примерно тридцати лет. Перед этим он наверх выбросил винтовку. Постояв с минуту, он бросился бежать. Катрюк из автомата открыл по нему огонь. По убегающему кто-то стрелял и из винтовки. Метрах в двадцати от нас этот еврей упал убитый. После этого из ямы стали вылезать женщины, тоже еврейки, их было четверо. Детей среди них не было. Оружия женщины не имели. А в это время около третьей ямы раздались разрывы гранат. Оказалось, что в яму карателями были брошены гранаты после того, как оттуда выстрелом из винтовки был ранен в живот немец. Об этом говорили те,

кто учинил там расправу. А раненого немца я и сам видел. Кто конкретно бросал гранаты в яму, я не видел и не знаю. Но с немцами к той яме ходили полицейские третьей роты Гончаров – командир отделения, командир взвода Гнатенко и другие каратели, но кто именно, сказать затрудняюсь. Возможно, туда ходили и солдаты из первой роты, но я этого сказать не могу. Кто-то из полицейских, кто конкретно, не помню, рассказывал, что после того, как евреи от разрыва гранат погибли, в яму лазили Хачатурян и Гончаров, где забирали золото. Об этом я уже говорил на одном из предыдущих допросов. Подошедший к нам шеф роты Зац или Закс дал команду женщин расстрелять. Филиппов, Катрюк и один из немцев, фамилию его не могу назвать, отвели евреек на расстояние метров пятьдесят. Эти трое карателей были вооружены автоматами. Я видел, как все они очередью из своих автоматов расстреляли женщин. Мужчина, обнаруженный в первой яме, тоже был расстрелян, только не вместе с женщинами. Кто его расстрелял, не знаю. Но он был убит там же, где мы делали привал. Сразу же после расправы батальон с этого места двинулся дальше и в километрах 3–5 занял позицию. Имели место разговоры между полицейскими, что старика-еврея взяли с собой и водили в деревню, что находилась от нас примерно в трех-четыре километрах. Потом его якобы тоже расстреляли. Название деревни я не знаю...

12.6. Из протокола осмотра от 24 октября 1973 г. с участием обвиняемого Г.Г. Лакусты.

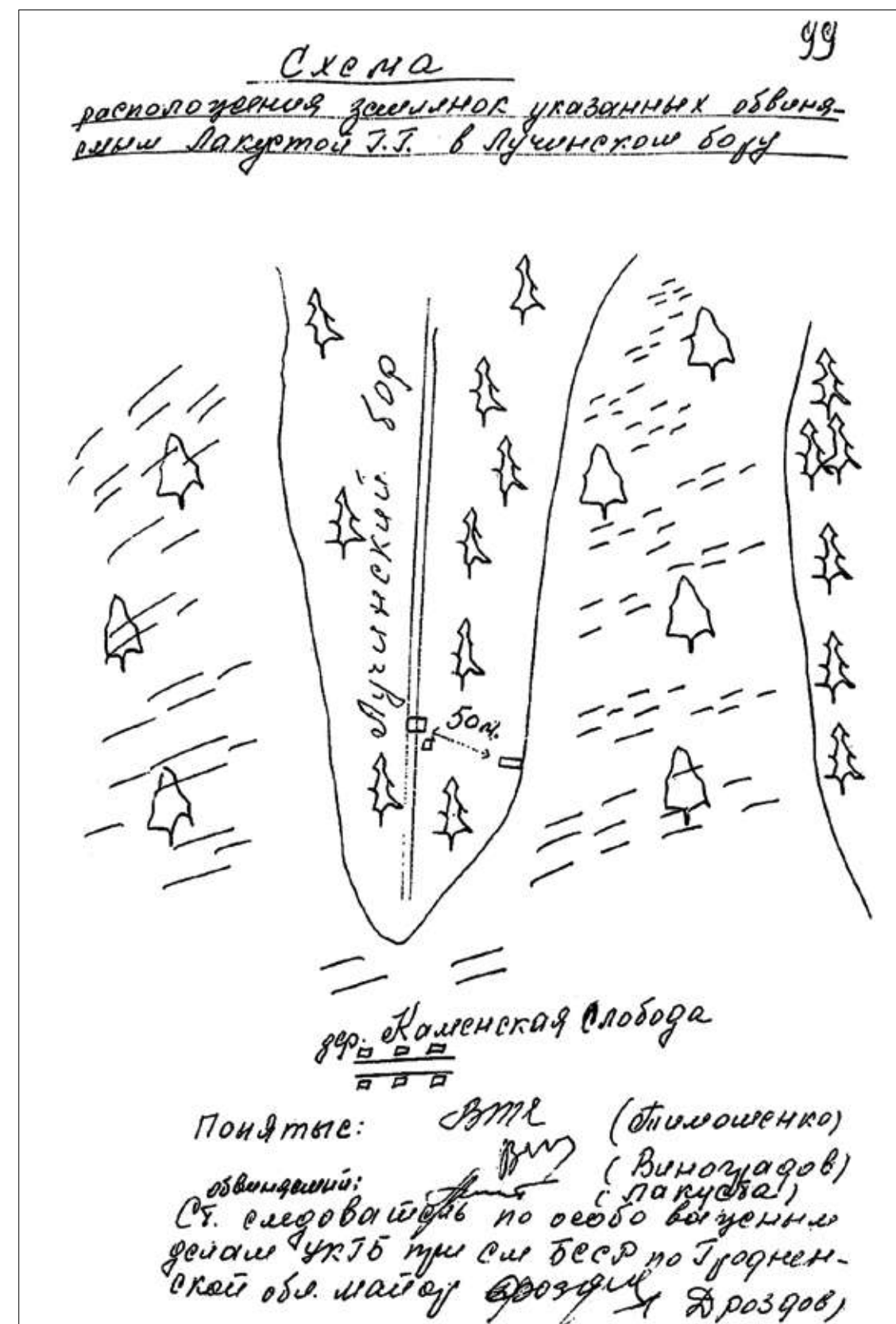

...Из деревни Николаево все участники следственного действия через деревню Бакшты выехали на возвышенное место в Лучинском бору Налибокской пуши. Обходя Лучинский бор, обвиняемый Лакуста Г.Г. вышел на берег перед болотистым местом и заявил, что по расположению, конфигурации болота по отношению восточного берега возвышенного места, он опознает место, где были обнаружены и уничтожены лица еврейской национальности во время операции в заболоченном лесу. Пройдя вдоль болота с севера на юг, обвиняемый Лакуста заявил, что в

таком направлении они двигались и в тот период первый взвод шел по болоту, второй – по берегу, третий – дальше от болота. В связи с тем, что по болоту идти было трудно, первый взвод вышел на берег и двигался около болота, просматривая его. Примерно в трехстах метрах от виднеющегося за болотом в южном направлении леса ими были обнаружены землянки, в которых скрывались евреи. Он указал место, где находились землянки. Осматривая этот участок местности, обвиняемый Лакуста Г.Г. на восточном берегу возвышенного места обнаружил дубовый пенек и сохранившийся стоящий остаток ствола дуба, верхняя часть которого лежит на земле, закрыв ветвями углубление размером 4×5 м. Обвиняемый Лакуста Г.Г. заявил, что, как ему припоминается, на месте этого углубления находилась вторая землянка. От углубления под дубом обвиняемый Лакуста Г.Г. отошел 50 метров в северо-западном направлении и указал на два места – одно возле дороги, второе на дороге около ели, в пяти метрах друг от друга, заявил, что в одном из этих мест находилась первая землянка, указанная задержанным евреем. В связи с тем, что в данном месте проходит дорога и земля выровнена, точнее определить место нахождения первой землянки не может, однако, вероятнее всего, землянка находилась около ели на дороге.

На месте под дубом имеется углубление 4×5 метров, заваленное засохшими ветвями упавшего дуба. В северо-западном углу углубления виден полусгнивший столбик, центр воронки прогибается, дрожит. Воронка находится на склоне небольшого холмика со стороны болота в трех метрах от него.

Место, где по указанию Лакусты находилась первая землянка, представляет собой ровную, поросшую травой местность. Дорога же насыпная запущенная, без колеи, заросшая травой. Рядом с дорогой есть яма размером 30×30 см, глубиной 40 см, от первой воронки находится в 49 метрах...

П Р И Л О Ж Е Н И Е
к протоколу от 21 октября 1973 года.

Обвиняемый Лакуста Г.Г. показывает место, где ими была обнаружена вторая землянка с евреями.

Остаток ствола дуба около второй землянки.

ОБВИНЯЕМЫЙ *Лакуста* / ЛАКУСТА /
СТ.СЛЕДОВАТЕЛЬ *Дроздов* / ДРОЗДОВ /

Общий вид второй землянки с дубовыми сучьями на ней.

Обвиняемый Лакуста Г.Г. показывает направление движения полицейских первой роты по восточной окраине Лучистого бора.

ОБВИНЯЕМЫЙ *Лакуста* / ЛАКУСТА /
СТ.СЛЕДОВАТЕЛЬ *Дроздов* / ДРОЗДОВ /

Материалы уголовного дела № 21028030022 о геноциде населения Беларуси в годы Великой Отечественной войны и послевоенный период

12.7. Из протокола осмотра от 27 октября 1973 г. в Лучинском бору

...Осмотр и раскопки землянок производились: 26 октября 1973 года с 10 час. до 17 часов, 27 октября 1973 года с 11 часов до 16 часов при пасмурной погоде.

Осмотром установлено:

В процессе раскопки землянки, расположенной на восточной окраине Лучинского бора, которую обвиняемый Лакуста Г.Г. и свидетель Соболевский И.А. называют большой, на глубине два метра по отношению к бровке землянки обнаружено: два черепа и части костей свода и основания черепа в количестве десяти штук, две нижние челюсти, бедренные и части бедренных костей – тринадцать штук, большеберцовых костей и их частей – четырнадцать, малоберцовых костей и их частей – шесть, плечевых костей – десять, лучевых костей – пять, три локтевые кости, лопаток – шесть, ребер – двадцать семь, тазовых костей – восемь и часть позвоночника.

Из вещей и предметов в землянке на той же глубине обнаружено: полоска резины черного цвета длиной 80 см и шириной 1 см; эмалированная металлическая кружка темно-коричневого цвета с ручкой, согнутая, высотой 9 см, диаметр дна – 8,7 см, на боковой части на высоте 2 см снизу имеется отверстие размером 2×0,7 см; металлический котелок белого цвета с крышкой высотой 13 см, ширина 9×15 см; часть от глиняной посуды, диаметр днища 7,5 см; обруч металлический диаметром 21 см, ширина 3 см; две металлические конусообразные чашки (подсочники) зеленого цвета, высотой 10 см, диаметр верхней части 10 см, нижней – 1,7 см; резиновая калоша черного цвета с оборванной верхней передней частью, длина калоши по ступне 32,5 см; правый сапог из кожи черного цвета без голенища, длина по ступне 28,5 см; каблук от обуви длиной 7,5 см × 7 см; кожаный бумажник темного цвета размером 15 см × 9,5 см, пустой; днище разбитой бутылки светлого цвета, диаметр днища 7 см; передняя подошвенная часть обуви длиной 19,5 см × 9 см; ржавое сплюснутое металлическое ведро высотой 27 см, диаметр дна 21 см; два куса кожи коричневого цвета с неровными краями размером 62×33 см и 43×38 см.

В северо-западном углу землянки сохранился деревянный столбик диаметром 13 см, а в северо-восточном углу – палки диаметром 10–15 см. Размер землянки 4×5 м. Раскопки произведены на глубину 2 м 30 см, глубже идет чистая песчаная почва.

Череп и кости изъяты и упакованы в сверток № 1, а предметы и вещи – в сверток № 2.

Место, указанное обвиняемым Лакустой Г.Г. и свидетелем Соболевским И.А., где была малая землянка, находится в 50 м северо-западнее от большой землянки на дороге в Лучинском бору. В этом месте участок дороги находится на одном уровне с площадью лесного массива с правой и левой стороны от дороги. При раскопках в указанном месте на глубине 60 см обнаружено: части костей мозгового и лицевого черепа – двадцать четыре; бедренных костей – три; большеберцовых костей – девять; малоберцовых – восемь; плечевых костей – десять; локтевых костей – три; лучевых костей – шесть; лопаток – пять; ключиц – две; ребер – сорок шесть; тазовая кость – одна; а также: полуботинки черного цвета – длина по ступне 29 см; куски изолированной проволоки – три, каждый из них длиной: 46 см, 15 см, 35 см.

Указанные черепа, кости, предметы обнаружены в яме овальной формы размером по диаметру 3,5×2,5 м. При дальнейшей раскопке внутрь по окружности на 60 см ничего обнаружено не было. Вглубь раскопки произведены на 90 см. Глубже песок чистый и плотный. На этом раскопки прекращены.

Кости и черепа изъяты и упакованы в сверток № 3, а предметы – в сверток № 4.

При раскопке землянки в юго-западном направлении, находящейся в 250 м от малой землянки, которая ранее была указана свидетелем Соболевским И.А., на глубине 1,9 м обнаружено: части черепа – четыре; одна большеберцовая кость; одна малоберцовая кость; плечевых костей – три; локтевых – две; лучевых костей – две; одно ребро; одна лопатка.

Из вещей и предметов обнаружено: две металлические конусообразные чашки зеленого цвета высотой 10 см, диаметр верхней части 10 см, основания – 1,7 см; верхние части двух бутылок светлого цвета; металлическая пластинка размером 11×9 см, кусок резины черного цвета длиной 29 см и шириной 10 см; кусок резины черного цвета длиной 25 см и шириной 11,5 см; правая калоша из резины черного цвета длиной по ступне 28 см и шириной 10 см; фигурная металлическая ручка от вилки или ложки длиной 11 см.

В землянке по углам сохранились деревянные столбики диаметром 10–12 см. Соответственно столбиков площадь землянки 3×2 м. На глубине 2,2 м песчаная почва плотная и чистая.

Обнаруженные черепа и кости изъяты и упакованы в сверток № 5, а предметы – в № 6...

-2-

116

Приложение
к протоколу от 27 октября 1973 года

Место расположения большой землянки около сломанного дуба

Кости и предметы, обнаруженные при раскопке большой землянки.

Материалы уголовного дела № 21028030022 о геноциде населения Беларуси в годы Великой Отечественной войны и послевоенный период

ГЛАВА IV

ВЫСТУПЛЕНИЕ ГОСУДАРСТВЕННОГО ОБВИНИТЕЛЯ – ЗАМЕСТИТЕЛЯ ГЕНЕРАЛЬНОГО ПРОКУРОРА РЕСПУБЛИКИ БЕЛАРУСЬ А.К. СТУКА В ПРЕНИЯХ ПО УГОЛОВНОМУ ДЕЛУ В ОТНОШЕНИИ В.К. КАТРЮКА

Высокий суд!

Мы приступаем к завершающей стадии судебного разбирательства уголовного дела по обвинению Катрюка в совершении геноцида – наиболее тяжкого преступления против мира и безопасности человечества.

Такой судебный процесс в истории белорусского правосудия проводится впервые.

Его значение состоит в сохранении памяти о подвиге и жертвах нашего народа в годы Великой Отечественной войны, восстановлении исторической справедливости и обеспечении принципа неотвратимости ответственности.

Масштабы политики геноцида, развернутой нацистской Германией и ее пособниками в отношении населения Беларуси, а также других советских народов с первых дней Великой Отечественной войны, не имели прецедента в мировой истории. И этот факт неоспорим.

Оккупация БССР продолжалась 1133 дня. И каждый из этих дней нацисты и их пособники истребляли ни в чем не повинных мирных граждан и военнопленных. В результате было уничтожено около 3 млн жителей Беларуси.

Каждый из этих дней стал трагической и одновременно героической страницей борьбы наших людей.

Результаты расследования и судебного рассмотрения настоящего уголовного дела позволяют утверждать, что те действия, которые совершали нацисты на нашей земле

в годы Великой Отечественной войны, являются действительно геноцидом, цинично и расчетливо спланированным задолго до реального военного вторжения на территорию БССР.

Цель, которую преследовали нацисты, всегда была одной – тотальное уничтожение белорусского народа.

Их вероломное нападение не имело ничего общего с законами военного времени и военными кампаниями, известными человечеству как до, так и после Второй мировой войны.

В планах нацистских оккупантов Беларусь должна была стать территорией, «очищенной» от коренного населения.

В этой связи крайне важно не допустить искажения истории и правды о войне, пресечь манипулятивные суждения на тему коллаборационизма, которые в настоящее время активно пропагандируются коллективным Западом.

Судебное разбирательство уголовного дела показало истинное лицо тех, кто сотрудничал с фашистским режимом.

Они не борцы за национальную идею и не герои освободительного движения, как это некоторые хотят представить, а предатели своей Родины и народа, разбойники и убийцы.

Несмотря на это, сегодня западной общественностью, как и в 1939–1944 гг., поощряются марши нацистских коллаборантов в странах Прибалтики и Украине, которые проходят там уже десятилетия. Это выглядит особенно кощунственно с учетом страшных событий Великой Отечественной войны, когда литовские, латышские, украинские и иные карательные подразделения с особой жестокостью и зверством истребляли простых людей на оккупированной территории Беларуси.

К сожалению, сегодня мы вынуждены признать, что Нюрнбергский трибунал не искоренил идеологию нацизма. Эта идеология со всей очевидностью стала платформой государственной политики США и Евросоюза в отношении Беларуси.

Исходя из объективно подтвержденных знаний о Великой Отечественной войне, боли и страданий каждой семьи белорусского народа, становится понятным, что формы и методы нацистов середины XX века и настоящего времени остались одни и те же. Они опять делят нации и народы, признавая одних цивилизованными, а других недостойными этого. Сбросив маски, они развернули тотальную кампанию по дискредитации подвига советского народа, который ценою жизней миллионов освободил мир от «коричневой чумы» XX века.

Тысячи таких преступников, как Катрюк, скрылись в странах коллективного Запада, нашли там пристанище и благополучно прожили жизнь до старости. Запад дал им кров и уют, цинично и открыто пренебрегая международными правовыми обязательствами, выводами приговора Нюрнбергского трибунала.

Именно поэтому в нашей стране мы заявляем о своей абсолютной непримиримости к толерантному отношению к нацистам и их идеологии. Обеспечение сохранения исторической правды и памяти о героическом подвиге белорусского народа в годы Великой Отечественной войны является частью Конституции – Основного Закона Республики Беларусь.

Ни сегодня, ни завтра, ни через века мы не позволим забыть или исказить историю войны, написанную кровью белорусского народа.

Мы не должны допустить героизации предателей-коллаборационистов, которые, провозглашая своей целью «освобождение страны» и ее процветание под управлением

«цивилизованной Германии», на деле порабощали и уничтожали белорусский народ, удовлетворяя свои гнусные амбиции, жажду власти и обогащения.

Как известно, отдельные каратели 118-го украинского полицейского батальона ранее были осуждены за совершенные злодеяния. Однако есть и те, кому удалось избежать ответственности.

В их числе обвиняемый по настоящему делу Владимир Катрюк, который скрылся от правосудия и проживал в Канаде до своей смерти.

Проведенное Генеральной прокуратурой расследование уголовного дела позволило установить масштаб преступных деяний Катрюка против мира и безопасности человечества и привлечь его в качестве обвиняемого в геноциде белорусского народа.

Катрюк обвиняется в том, что, преследуя цель уничтожения белорусского народа, руководствуясь мотивами национальной и идеологической вражды на почве ненависти к государственной идеологии СССР, осенью 1941 г. добровольно вступил в формирование Организации украинских националистов, а затем не позднее января 1943 г. вошел в состав вооруженной организованной группы – 118-го батальона охранной полиции. Действуя совместно с иными лицами в составе 118-го батальона, являясь командиром отделения, реализуя общую с нацистскими преступниками цель планомерного уничтожения белорусского народа путем убийства, лишения людей жилья, одежды и продуктов питания, он:

6 января 1943 г. осуществил карательную операцию в отношении жителей деревни Чмелевичи, в результате которой местные жители удерживались несколько часов без верхней одежды на морозе, домашний скот и другое имущество жителей были похищены, сожжено 58 домов, 3 человека убиты;

19 января 1943 г. в составе 118-го батальона осуществил карательную операцию в деревне Селище, в результате которой имущество местных жителей было разграблено, 7 человек убито;

18 февраля 1943 г. в составе 118-го батальона осуществил карательную операцию в деревнях Заречье и Котели, в ходе которой было сожжено заживо не менее 16 человек, 6 лицам удалось спастись, при этом 40 домов сожжено, домашний скот и другое имущество жителей похищены;

22 марта 1943 г. в составе 118-го батальона в районе шоссе Плещеницы – Логойск возле деревни Губа путем расстрела лишил жизни не менее 30 человек, пытался лишить жизни еще не менее 12 человек, занимавшихся вырубкой леса вдоль указанного шоссе;

22 марта 1943 г. в составе 118-го батальона совместно с военными особого батальона СС О. Дирлевангера в ходе карательной операции в деревне Хатынь путем расстрела и сожжения заживо лишил жизни 149 человек, в том числе не менее 77 детей, пытался лишить жизни 3 человек, сжег 26 жилых домов, путем разбоя похитил принадлежащее жителям деревни имущество;

5 апреля 1943 г. в составе 118-го батальона совершил карательную операцию в отношении жителей деревень Рассохи и Малые Нестановичи, в ходе которой расстрелял не менее 9 человек;

в апреле 1943 г. в составе 118-го батальона подверг пыткам и истязанию партизана отряда «Мститель» Андриянова В.И., а затем лишил его жизни путем расстрела;

13 мая 1943 г., действуя в составе 118-го батальона, осуществил карательную операцию в деревне Дальковичи, в ходе которой сожжено заживо не менее 14 человек, уничтожено путем поджога 55 жилых домов, разграблены домашний скот и другое имущество жителей;

в период с марта по май 1943 г. в составе 118-го батальона, находясь вблизи деревни Козыри, путем расстрела убил неустановленного мужчину;

в составе 118-го батальона совместно с иными лицами в ходе карательной операции «Коттбус» 22 и 23 мая 1943 г. в деревне Вилейка путем расстрела лишил жизни не менее 35 человек, осуществил захват и последующую передачу не менее 6 лиц для отправки в Германию на принудительные работы, сжег 39 жилых домов, похитил домашний скот и иное имущество жителей;

27 мая 1943 г. в составе 118-го батальона осуществил карательную операцию в деревне Осовы, в результате которой сожжены заживо и расстреляны 78 человек;

в июле – августе 1943 г. в составе 118-го батальона при участии особого батальона СС О. Дирлевангера в ходе карательной операции «Герман» в Лучинском бору возле деревни Каменская Слобода путем применения взрывных устройств и стрелкового оружия убил не менее 50 человек.

Таким образом, Катрюк, действуя в составе вооруженной организованной группы, с целью планомерного уничтожения белорусского народа лишил жизни не менее 393 человек, включая 125 детей, в том числе заведомо малолетних, а также престарелых и находящихся в беспомощном состоянии лиц, беременных женщин, покушался на жизни еще не менее 21 человека, лишил жилья, имущества, продуктов питания жителей 7 деревень, принудительно переместил в Германию 6 человек для привлечения к непосильному рабскому труду.

Высокий суд!

В силу объективных причин не представилось возможным ознакомить Катрюка с предъявленным обвинением и, следовательно, выяснить его отношение как к обвинению в целом, так и по отдельным его пунктам.

Вместе с тем нельзя не отметить, что первоначальное обвинение по настоящему делу было сформулировано задолго до смерти Катрюка – еще в 1987 г. Оно включало в себя большую часть тех преступных деяний, которые стали предметом настоящего судебного разбирательства. О наличии такого обвинения, равно как и о самом факте расследования преступлений, совершенных в Беларуси в составе 118-го полицейского батальона, Катрюку было хорошо известно.

Это подтверждается документами, полученными в связи с обращениями следственных органов в компетентные учреждения Канады, где вплоть до своей смерти проживал обвиняемый, по вопросам осуществления уголовного преследования и выдачи карателя.

Наиболее полно позиция Катрюка в отношении службы в 118-м полицейском батальоне отражена в решении Федерального суда Канады от 29 января 1999 г. по делу об аннулировании его гражданства. Производство по делу было начато в связи с наличием сведений о сознательном сокрытии Катрюком при получении гражданства Канады существенных обстоятельств: фактов работы на немецкие власти и участия в карательных операциях против гражданского населения Беларуси во время службы в 118-м украинском охранном батальоне в 1942–1944 гг. В судебном решении указано, что Катрюк, не отрицая факта службы в 118-м полицейском батальоне, пояснил, что находился в годы войны в Минске, Плещеницах, Ивье в составе данного подразделения для поддержания закона и порядка, защиты местных жителей и их имущества от партизан. Катрюк заявил, что не слышал о немецких операциях, проводимых в 1943 г., его рота в этих операциях не участвовала. Сам он также не участвовал в каких-либо крупных военных операциях и никогда не применял огнестрельное ору-

жие в Плещеницах и Ивье. Служил в составе 1-го взвода 1-й роты 118-го батальона, имел звание «сержант», командовал расчетом. Батальоном руководили украинские офицеры под общим командованием немецких офицеров. Поступил на службу к немцам вынужденно, поскольку в противном случае его ждала смерть в концлагере или на принудительных работах в Германии.

Суд Канады не признал доводы Катрюка достоверными, указал на безосновательность его позиции. Однако известно, что предпринятые Катрюком меры по обжалованию решения об аннулировании гражданства, различные юридические уловки и ухищрения в итоге позволили избежать экстрадиции и, следовательно, наказания за совершенные во время войны преступления.

Вместе с тем приведенные выше утверждения Катрюка о непричастности к преступлениям, совершенным полицейскими 118-го батальона охранной полиции на территории Белоруссии, свидетельствуют об избрании им вполне определенной правовой позиции и отрицании личной ответственности за деятельность в составе преступного немецко-фашистского формирования.

Вопреки этой позиции виновность Катрюка в совершении инкриминированных преступлений геноцида установлена и подтверждается совокупностью представленных суду доказательств.

Прежде чем перейти к изложению и анализу доказательств применительно к каждому эпизоду предъявленного обвинения, необходимо привести те доказательства, которые подтверждают преступный характер деятельности 118-го батальона охранной полиции в целом, направленность этой деятельности на осуществление геноцида белорусского народа как составной части гитлеровского плана агрессии против СССР.

В ходе судебного следствия были исследованы доступные публично документы исторического и историко-юридического характера, содержание которых раскрывает подлинные цели нацистской Германии.

Так, из приговора Международного военного трибунала в г. Нюрнберге от 1 октября 1946 г. усматривается, что подсудимый Розенберг разрабатывал основы будущей политической и экономической организации оккупированных территорий. Это явилось предметом очень подробного отчета, составленного сразу после вторжения.

В этих планах намечалось уничтожение Советского Союза как независимого государства, его расчленение, создание так называемых имперских комиссариатов и превращение Белоруссии и других территорий в германские колонии.

Доказательства, представленные трибуналу, подтверждают, что Германия имела тщательно разработанные планы сокрушить СССР как политическую и военную державу для того, чтобы расчистить путь для экспансии Германии на Восток в соответствии с ее стремлениями... При этом ближайшая цель заключалась в том, чтобы прокормить немецкие армии за счет советских территорий на третьем году войны, даже если «в результате этого погибнут многие миллионы людей от голода вследствие того, что мы вывезем из страны все необходимое для нас»... Трибунал констатировал, что планы экономической эксплуатации СССР, массового угона населения, убийство комиссаров и политических руководителей являются частью тщательно разработанного плана, выполнение которого началось 22 июня без какого-либо предупреждения и без тени законного оправдания.

Трибунал признал преступными организации СС и СД, установил, что произошло постепенное, но всестороннее слияние полиции и СС. Организация СС была активным участником совершения военных преступлений и преступлений против чело-

вечности. Подразделения войск СС и айнзацгрупп были также замешаны в широко распространенных убийствах гражданского населения и жестоком обращении с ним на оккупированных территориях. Под предлогом борьбы с партизанскими отрядами подразделения СС уничтожали всех лиц, которых СС считала политически или этнически нежелательными. Их отчеты свидетельствуют об уничтожении огромного числа людей.

Трибунал констатировал, что центральные организации СС руководили операциями по истреблению местного населения. В этих мероприятиях были замешаны также полицейские части СС.

Сделан вывод, что мистическая и фанатичная вера в превосходство нордических немцев превратилась в заученное презрение и даже ненависть к другим расам, приведшие к преступной деятельности такого типа, как это описано выше, что рассматривалось не только как само собой разумеющееся явление, но было предметом гордости и поощрения.

Для предупреждения различного противодействия гражданского населения и для борьбы с ним немцы прибегали к системе взятия заложников. Приказ, изданный подсудимым Кейтелем в 1941 г., предлагал лишать жизни 50 или 100 человек населения оккупированных областей Советского Союза за каждого убитого немца. В приказе говорилось, что, учитывая громадные пространства оккупированных территорий на Востоке, наличных вооруженных сил для поддержания безопасности на этих территориях будет достаточно лишь в том случае, если всякое сопротивление будет караться не путем судебного преследования виновных, а путем создания такой системы террора, которая будет достаточна для того, чтобы искоренить у населения всякое намерение сопротивляться. Командиры должны изыскать средства для выполнения этого приказа путем применения драконовских мер.

Убийство военнопленных, уничтожение командиров или советских комиссаров были результатом прямых приказов, передаваемых по официальным каналам. Военнопленные подвергались жестокому обращению, пыткам и убийствам не только вопреки установленным нормам международного права, но и при полном игнорировании элементарных требований гуманности.

Та же судьба выпала на долю гражданского населения на оккупированных территориях. Из числа лиц гражданского населения гитлеровцы брали большое количество заложников и расстреливали их по своему усмотрению. Общественная и частная собственность подвергалась систематическому разграблению и расхищению для того, чтобы увеличить ресурсы Германии. Города, населенные пункты и деревни бесцельно уничтожались, что не оправдывалось никакой военной необходимостью.

Начали практиковать насильственный угон рабочей силы в Германию. Население возилось в Германию для использования рабского труда в промышленности, производящей вооружение, и для выполнения других задач, связанных с военными усилиями. Планируя в самых широких масштабах использование населения оккупированных стран для рабского труда, германское правительство рассматривало эту меру как неотъемлемую часть военной экономики и организовывало это преступление до последней малейшей детали.

Таким образом, преступления против гражданского населения были чудовищными. Из представленных трибуналу доказательств следует, что на захваченных территориях массовые убийства и зверства совершались не только в целях подавления оппозиции и сопротивления германским оккупационным войскам. В Советском Союзе эти преступ-

ления являлись частью плана, заключавшегося в намерении истребить местное население для того, чтобы колонизировать освободившуюся территорию немцами. В вердикте Нюрнбергского трибунала приводятся отдельные высказывания высших руководителей Германии, в которых прямо формулируются преступные цели в отношении народов, проживающих на оккупированных территориях СССР, делается попытка идеологического обоснования действий нацистского правительства. Так, основываясь на идеях книги «Майн кампф» Гитлера, в июле 1942 г. Гиммлер заявлял, что они «добиваются, чтобы на Востоке жили исключительно люди чистой немецкой крови». В августе 1942 г. в ведомствах Розенберга и Бормана немецкую политику определяли так: «славяне должны на нас работать... если они нам более не нужны, они могут умереть... рост славянского населения является нежелательным».

После разгрома нацистской Германии стали известны документы доктринального характера, раскрывающие подлинные планы гитлеровских оккупантов. Руководством Германии был принят документ «Генеральный план «Ост», который предусматривал программу освоения «немецким человеком» завоеванных на Востоке территорий.

В предложениях Гиммлера к плану «Ост» говорилось о ликвидации белорусского народа как самостоятельной нации, предлагалось тщательно отобрать белорусов, пригодных по расовым признакам для онемечивания, и отправить их в империю в качестве рабочей силы, а остальных – переселить в Западную Сибирь.

Согласно Директиве Верховного главнокомандования вермахта «Вариант Барбароса» от 18 декабря 1940 г., немецкие вооруженные силы должны были еще до окончания войны с Англией победить Советскую Россию путем быстрой военной операции. Конечная цель военной операции – отгородиться от азиатской России по общей линии Архангельск – Волга. Эти планы и директивы наряду с иными доказательствами, которые исследовал и оценил Международный военный трибунал, подтвердили наличие заранее составленных планов агрессии и уничтожения Советского Союза, реализацию идей Гитлера о ведении так называемой «тотальной войны» и захвате новых территорий на Востоке. В приговоре Международного военного трибунала подчеркнуто, что в этой идее «тотальной войны» моральные нормы, на которых основаны конвенции, стремящиеся сделать войну более гуманной, не рассматривались больше как имеющие силу или действующие. Правила, установления, заверения и договоры – все не имеет никакого значения, и, освободившись от ограничивающего влияния международного права, нацистские руководители вели агрессивную войну самым варварским образом. В соответствии с этим военные преступления совершались тогда, когда и где это считали нужным фюрер и его ближайшие помощники для достижения своих планов. В большинстве случаев они являлись результатом холодного и преступного расчета. Трибунал указал, что вопрос о нападении на Советский Союз рассматривался уже осенью 1940 г. и начиная с этого времени постоянно обсуждались методы предстоящей «тотальной войны».

Процесс расследования злодеяний гитлеровцев и их пособников, совершенных на белорусской земле, шел практически одновременно с освобождением территории нашей страны. В отношении изобличенных преступников первые приговоры были постановлены военными трибуналами уже в 1944 г. И в дальнейшем важнейшим направлением в работе правоохранительной системы страны было обеспечение неотвратимости наказания в отношении каждого нациста, каждого коллаборанта, совершивших преступления в период войны. В ряду приговоров, имеющих преюдициальное значение для установления фактических обстоятельств по настоящему

делу, следует назвать приговор Военного трибунала Минского военного округа, рассмотревшего с 15 по 29 января 1946 г. дело о зверствах немецко-фашистских захватчиков в Белорусской Советской Социалистической Республике. Этот приговор, как и приговоры других известных процессов – Краснодарского и Харьковского 1943 г., лег в основу тех правовых принципов, на которых был создан и проведен Международный военный трибунал в Нюрнберге, устав и вердикт которого стали источниками общепризнанных норм международного права. Минский трибунал установил, что: «...Вероломно напав на Советский Союз и временно оккупировав территорию БССР, немецко-фашистские захватчики по указаниям преступного гитлеровского правительства и командования германской армии, попирая правила ведения войны, установленные международными конвенциями, осуществляли массовое истребление и истязание мирных советских граждан и военнопленных, угон советских людей в немецкое рабство, грабили, сжигали и уничтожали города, села, промышленные предприятия, школы, больницы и другие культурные и материальные ценности советского народа...»

Таким образом, приговором трибунала был признан доказанным факт планомерного совершения массовых преступлений на территории оккупированной Беларуси.

Ряд обстоятельств, имеющих доказательственное значение по настоящему уголовному делу, установлен приговорами Гродненского областного суда от 15 марта 1974 г. в отношении Лакусты, Курки, Кнапа, Лозинского и Сахно, Военного трибунала Белорусского военного округа от 22 мая 1975 г. в отношении Мелешко, Военного трибунала Белорусского военного округа от 26 декабря 1986 г. в отношении Васюры, о чем подробнее будет сказано ниже.

В наши дни созданной специальным решением Правительства межведомственной рабочей группой установлено, что в годы Великой Отечественной войны пострадало не менее 11 726 населенных пунктов, из которых повторили трагическую судьбу Хатыни – не менее 270; ущерб, причиненный действиями нацистских преступников на территории БССР, составил свыше 2 триллионов 355 миллиардов 320 миллионов долларов США.

Согласно исследованным по делу печатным научно-справочным изданиям, потери населения в годы Великой Отечественной войны на территории Беларуси составили около 3 млн человек.

Память о многочисленных злодеяниях, совершенных в годы войны на белорусской земле немецко-фашистскими захватчиками и их пособниками, сохраняется в объектах историко-мемориального характера – кино и фотодокументах, памятных знаках и мемориалах на местах захоронения жертв нацизма. Протоколы осмотров указанных объектов были исследованы в ходе судебного разбирательства.

Из показаний свидетеля Кулинка С.В., кандидата исторических наук, члена рабочей группы по вопросам геноцида населения Беларуси в годы Великой Отечественной войны, усматривается, что в результате многолетней научной работы, изучения архивных документов может быть воссоздан ход подготовки и реализации планов нацистской Германии по расширению жизненного пространства на Восток, использованию в своих целях украинских националистов.

Военное вторжение на территорию СССР руководством нацистской Германии объявлялось «войной на уничтожение». Война, которую планировало развязать немецкое руководство, должна была в корне отличаться от той, которую до этого вел вермахт на Западе. Адольф Гитлер объявлял, что на Востоке «жестокость является благом

для будущего», потому что это будет «борьба двух идеологий» и «речь идет о борьбе на уничтожение». Этот тезис и подкреплялся «расовой теорией» о превосходстве германской нации и наличии целого ряда рас, неполноценных по своему развитию (недочеловеков), к которым относились евреи, цыгане и славяне.

В соответствии с запланированной агрессией против СССР был разработан и утвержден ряд нормативных правовых документов.

Среди основных – план «Барбаросса», Генеральный план «Ост», приказ «О комиссарах» от 6 мая 1941 г., которым предусматривалось массовое истребление политработников (в том числе в тыловой зоне – айнзацгруппами), а также приказ от 13 мая 1941 г. «О военной подсудности в районе «Барбаросса» и об особых полномочиях войск», которым обеспечивалась неподсудность военнослужащих за преступления в отношении «вражеских гражданских лиц».

Как указал свидетель Кулинок, созданная в нацистской Германии нормативная правовая база о военном вторжении на территорию СССР основывалась на расовой теории, теории жизненного пространства и намерении применения форм и методов геноцида в целях уничтожения гражданского населения и военнопленных.

Свидетель констатировал, что составной частью политики нацистской Германии в отношении СССР стал геноцид белорусского народа, то есть советских граждан, проживавших на территории БССР. В геноциде белорусского народа принимали участие подразделения и формирования, входящие в состав вооруженных сил Германии: подразделения сухопутных сил, охранные дивизии, тайная полевая полиция, жандармерия, полевые и местные комендатуры, охранные полки и батальоны, коллаборационистские (националистические) формирования (охранные батальоны полиции – шуцманшафт-батальоны), органы и подразделения СС и СД (айнзацгруппы, бригады, полки и батальоны охранных войск СС).

Историками установлено, что при подготовке к нападению на СССР немецкие спецслужбы активно сотрудничали с националистическими и эмигрантскими организациями. Наиболее активной среди них стала Организация украинских националистов (ОУН).

Один из лидеров ОУН Мельник в июле 1941 г. направил Гитлеру «декларацию об абсолютной верности» и просил позволения создать украинское военное формирование. Тогда же началось создание украинского националистического военизированного формирования на территории Черновицкой области УССР, получившего название «Буковинский курень». В списке участников Буковинского куреня и южной походной группы ОУН под № 114 значился уроженец деревни Лужаны Черновицкой области УССР Владимир Катрюк.

В конце 1941 – начале 1942 г. Буковинский курень официально был распущен, личный состав поступил на службу в городскую полицию и в последующем вошел в состав формирующихся украинских националистических батальонов охранной полиции.

Архивные документы свидетельствуют о том, что активное участие в осуществлении геноцида белорусского народа приняли именно коллаборационистские формирования – батальоны охранной полиции, среди которых и 118-й батальон.

В июле 1942 г. на базе одной из рот 115-го батальона охранной полиции был сформирован 118-й батальон охранной полиции, который в начале 1943 г. был переброшен в г. Минск, где был реорганизован, доукомплектован и перевооружен. В дальнейшем 118-й батальон охранной полиции на территории БССР принял участие в массовых преступлениях против мирного населения и партизан, в том числе в карательных операциях «Котбус», «Герман», «Вандсбек» и др.

Из показаний Козынченко следует, что в 1941 г. он попал в плен, содержался в лагере военнопленных в Германии, затем был направлен в пропагандистскую школу. В этой школе прошел обучение и осенью 1942 г. был направлен в Киев, где изъявил желание служить в 118-м полицейском батальоне. С этого времени знаком с Катрюком, который на службу к немцам поступил добровольно, принял присягу на верность фашистской Германии. Впоследствии батальон был передислоцирован в Белоруссию, где с января 1943 г. активно участвовал в карательных операциях против партизан и мирных граждан. Батальоном фактически командовали немцы, а командиры из числа изменников Родины лишь доводили до подчиненных их распоряжения. Катрюк командовал отделением в составе 1-го взвода 1-й роты и с подчиненными принимал участие практически во всех карательных операциях с участием 118-го батальона. Катрюк выделялся особой активностью и жестокостью при выполнении приказов, за что был отмечен гитлеровским командованием. На вооружении Катрюк имел винтовку, а позднее и ручной пулемет иностранного производства.

Аналогичные в целом показания о Катрюке дали Лакуста, Кнап, Мышак, Васюра, Пономаренко, Сахно, Дзеба, Варламов, Топчий, Лозинский и иные лица, состоявшие на службе в 118-м полицейском батальоне, отметив при этом, как и Козынченко, особую жестокость и рвение Катрюка во время карательных операций.

Таковы доказательства, подтверждающие преступный характер действий гитлеровской власти, ее военных формирований и пособников, направленных на захват территории и планомерное уничтожение белорусского народа как части населения СССР. Подтвержден и тот факт, что создание и деятельность 118-го батальона охранной полиции были подчинены этим преступным целям. Названное формирование представляло собой вооруженную организованную группу.

Катрюк, являясь ее участником, подлежит ответственности за все преступления, в совершении которых он принимал участие.

Далее в соответствии с предъявленным обвинением поэпизодно будут приведены доказательства, подтверждающие личное виновное совершение Катрюком деяний, которые квалифицируются как преступления геноцида.

1. Совершение 6 января 1943 г. акта геноцида в отношении жителей деревни Чмелевичи Плещеницкого района Минской области и участие в нем Катрюка подтверждаются следующими доказательствами.

Приговорами Гродненского областного суда от 15 марта 1974 г. в отношении Лакусты, Курки, Кнапа, Лозинского и Сахно, Военного трибунала Белорусского военного округа от 22 мая 1975 г. в отношении Мелешко, Военного трибунала Белорусского военного округа от 26 декабря 1986 г. в отношении Васюры, исследованными в судебном заседании, установлен факт совершения осужденными в составе 118-го полицейского батальона карательной операции в деревне Чмелевичи, в ходе которой убиты трое местных жителей. Остальные жители, в том числе женщины и дети, полураздетыми принудительно были выведены из домов на улицу, где под страхом расстрела находились на морозе в течение нескольких часов. Сожжено 58 домов, имущество жителей деревни разграблено.

Согласно справке исполкома Каменского сельского Совета от мая 1973 г., в январе 1943 г. зверски убиты немецкими карателями жители деревни Чмелевичи Рабецкий Василий Федорович, Пугач Агриппина Федоровна и Демидчик Мария.

Из показаний жительницы деревни Чмелевичи свидетеля Рабецкой Александры, оглашенных в ходе судебного разбирательства, следует, что 6 января 1943 г. в деревню прибыли каратели, в числе которых немцы и украинцы. Несколько карателей зашли к ним в дом. Ее, свекровь и детей выгнали на улицу, не разрешив одеться. Всех жителей деревни согнали к бывшему колхозному сараю, вокруг поставили три пулемета. Сарай подожгли. Каратели грабили имущество, поджигали дома и надворные постройки. Награбив имущество, они уехали в сторону Плещениц. В деревне каратели убили двух женщин, убили и сожгли в доме отца ее мужа Рабецкого Василия.

Аналогичные обстоятельства совершения преступления усматриваются из показаний других выживших после карательной операции жителей деревни Чмелевичи – свидетелей Демидчика Ивана, Жолудь Анны и Жолудя Захара.

При этом свидетель Жолудь Захар показал, что, обыскивая дома, каратели забирали все, что им попадалось на глаза. Несмотря на холод, они выгнали всех женщин, детей и стариков, которые не успели ни одеться, ни обуться, на улицу и продержали на январском морозе с утра до 16 часов. Уехав, каратели забрали с собой все награбленное имущество и скот. На месте деревни, в которой до этого насчитывалось более 60 домов, осталось лишь 6.

Исключительный цинизм и особая жестокость в действиях участников карательной операции усматривается также из показаний свидетеля Жолудь Анны. Ее с маленькими детьми вместе с другими односельчанами каратели выгнали из дома на улицу. От страха и холода женщины и дети плакали. Полураздетых их продержали на морозе несколько часов. В тот день каратели расстреляли в деревне ее отца Рабецкого Василия, а также Пугач Агриппину и Демидчик Марию. Убийство Рабецкого Василия каратели совершили дома, где находились родственники погибшего.

Согласно докладу начальника жандармерии округа Гюрцеля от 7 января 1943 г., на момент нападения на деревню в ней оставалось около 20 детей, 10 женщин и 6 стариков.

Из показаний участников 118-го полицейского батальона Васюры, Кнапа, Пономаренко, Спивака, Лозинского, Сахно, Скрипки, Дзебы, Лакусты, Франчука, оглашенных в ходе судебного следствия, усматривается, что активное участие в данной карательной операции принимал Катрюк.

Свидетель Кнап показал, в частности, что видел, как Катрюк в числе полицейских 1-го взвода обыскивал дома, грабил имущество мирных граждан, выгонял женщин, стариков и детей полураздетыми на мороз, конвоировал их к месту сбора, а перед уходом из деревни поджигал дома и постройки.

Согласно показаниям свидетеля Франчука, в ходе нападения на деревню Чмелевичи «особенно потешился» Катрюк. Он из «пулемета стрелял по окнам, бросал гранату и затем поджигал дом». На второй день командир роты Винницкий собрал командиров взводов, их помощников и некоторых командиров отделений, провел разбор операции и отметил лично Катрюка.

2. Фактические обстоятельства карательной операции в деревне Селище Плещеницкого района Минской области установлены вступившими в законную силу приговорами Гродненского областного суда от 15 марта 1974 г. в отношении Лакусты, Курки, Кнапа, Лозинского и Сахно, Военного трибунала Белорусского военного округа от 22 мая 1975 г. в отношении Мелешко. Согласно названным судебным решениям, в деревне Селище 19 января 1943 г. карателями при участии осужденных убито 7 партизан, разграблено имущество жителей.

Из оглашенных в судебном разбирательстве показаний свидетелей Пучек, Пыжик и Козловской усматривается, что в январе 1943 г. на деревню напали каратели, которые преследовали укрывшихся в ней партизан. Односельчан согнали к бывшему колхозному двору. В это время каратели грабили деревню: забирали скот, одежду, продукты и грузили на сани. Когда они уехали, было обнаружено 7 убитых партизан.

Согласно показаниям свидетеля Пыжик, многие каратели говорили на украинском языке. После начала стрельбы видела, как упал один партизан в 100 метрах от ее дома. К нему подбежал каратель и ударил прикладом по голове.

В соответствии с копией оперативной сводки командиру жандармерии Белоруссии от 17 февраля 1943 г. жандармерией и полицией в количестве 80 человек 19 января 1943 г. была проведена акция в деревне Селище.

Из показаний участника «акции» Дзебы, данных на допросе в качестве свидетеля, следует, что в карательной операции участвовал и Катрюк. Дзеба показал, что хорошо помнит, как Катрюк вел огонь из винтовки. Ими было убито 7 партизан.

Указанные обстоятельства также подтверждаются показаниями других участников карательной операции – Лакусты, Сахно, данными в качестве обвиняемых, а также показаниями свидетеля Франчука.

Из копии паспорта воинского захоронения № 981 – братской могилы – следует, что в ней захоронены партизаны, погибшие в деревне Селище 19 января 1943 г., – Бондар Иван, Драч Николай, Кунцкая Ольга, Пучек Иван, Рузаев И.Н., Сивец, Чич Иван, Чугунов.

3. По эпизоду уничтожения жителей деревень Заречье и Котели 18 февраля 1943 г. виновность Катрюка в совершении геноцида подтверждена следующими доказательствами.

Приговорами трибуналов от 22 мая 1975 г. в отношении Мелешко и от 26 декабря 1986 г. в отношении Васюры установлено, что в ходе карательной операции при их участии в деревнях Заречье и Котели 18 февраля 1943 г. убито 16 мирных жителей, 1 – ранен, сожжено 40 домов.

Приговором Гродненского областного суда от 15 марта 1974 г. признано доказанным участие в совершении данного преступления Лакусты, Курки, Кнапа, Лозинского и Сахно. Согласно справке исполкома Заречского сельского Совета от 11 мая 1973 г., жители деревни Заречье Судниковский Константин Николаевич, Буцкевич Мария Ивановна, Валицкая Стефанида Андреевна, Буцкевич Вера Александровна, Буцкевич Татьяна Иосифовна, Гейно София Александровна, Медвецкая Мария Степановна, Бохан Ванда Викентьевна, Драгун Елизавета Антоновна, Кажуро Пелагея Ивановна, Бублис Магдалина и Новодворский из деревни Белое Нестановичского сельского Совета в феврале 1943 г. зверски убиты немецкими карателями. В тот же день карателями было сожжено до 30 домов в этой деревне.

Из показаний свидетеля Буцкевича, проживавшего в годы Великой Отечественной войны в деревне Заречье, усматривается, что в феврале 1943 г. в деревню ворвались каратели. Они грабили мирное население, поджигали дома и надворные постройки, расстреливали невиновных людей. Видел, как выстрелом в живот была убита соседка. Чтобы спасти от уничтожения огнем хотя бы часть своего имущества, он с матерью выносил на улицу самые необходимые вещи. В это время во двор зашли двое карателей, отняли у матери ключи от кладовой, начали грабить имущество. Затем подошел третий каратель, который неожиданно выстрелил из винтовки и убил мать, вторым выстрелом ранил его в левую руку. Он (Буцкевич) убежал к соседнему дому местного жителя Гейно, где один

из карателей, грабивший имущество соседей, выстрелил в грудь матери Гейно Марии, которая через несколько минут скончалась. Оккупанты сожгли около половины жилых домов в деревне Заречье и расстреляли не менее 30 граждан. На месте своего дома осталось пепелище, рядом с которым лежал обгоревший труп матери. В деревне Котели гитлеровцы также грабили, убивали людей и жгли дома.

Аналогичные обстоятельства усматриваются из показаний свидетеля Гейно.

Свидетель Баханович, 1939 г. р., жительница деревни Заречье, показала, что жертвой карателей стала ее мать. Когда они зашли во двор, мать стояла у сарая рядом с изгородью и держала ее на руках. Один из карателей выстрелил в мать, и та упала замертво. Падая, мать выронила ее, и она упала за изгородь. После этого каратели облили сарай и труп матери горючей жидкостью и подожгли. Ее подобрала и спрятала у себя соседка.

Из показаний свидетеля Миронович следует, что в ходе карательной акции один из нападавших на ее глазах из пистолета убил ее мать.

Согласно исследованным в судебном заседании показаниям свидетеля Русак, во время карательной операции деревни Котели и Заречье обстреливались из минометов и пушки. Когда начался обстрел, она, мама и сестренки спрятались под печь. Вскоре они почувствовали запах дыма. В деревне горели дома. Когда они выбежали во двор, подошел каратель, вооруженный немецким автоматом, и жестом указал матери подойти к нему. Мать передала ей на руки трехмесячную сестричку и, сняв с себя полушубок, в одном платье подошла к гитлеровцу. Им сказала убежать. Они прятались в снегу за садом, замерзли и проголодались. К вечеру каратели покинули деревню, на санях вывезли награбленное имущество. Их дом и надворные постройки сгорели. Посередине двора в луже крови лежала убитая мать. Одежда на ней тлела, тело обгорело. Мать была убита выстрелами в грудь и шею. Она побежала к своей бабушке Буцкевич Марии. Ее дом и постройки тоже сгорели. Бабушка погибла в горящем доме. В тот день погибли и ее тетя Бохан Ванда, старик Медвецкий и другие. Всего около 16 человек. Ранены были – ее тетя Буцкевич Елизавета и родственник Буцкевич Ярослав. В деревне сгорело много домов. Имущество было разграблено. Таким же образом расправились с мирными гражданами и в деревне Котели.

Аналогичные обстоятельства убийства мирных жителей деревень Котели и Заречье, а также разграбления их имущества, сожжения домов и надворных построек усматриваются из оглашенных в судебном заседании показаний свидетелей Липницкой, Бохана Иосифа, Бохана Владимира, Бурака, Кухарской, Красневской и Картуль.

Свидетель Васильева показала, что, вернувшись после нападения карателей в деревню Котели, на месте своего дома обнаружила пепелище, на котором лежал обгоревший труп ее отца. В груди у него было огнестрельное ранение. Ее муж был задержан карателями, однако убежал в лес. Каратели стреляли по нему, но промахнулись. В тот день кроме ее отца были убиты жители деревни Котели Черник Михаил Федорович и его жена Черник Надежда Степановна – их трупы с огнестрельными ранениями были обнаружены сильно обгоревшими на пепелище дома. Тогда же каратели убили односельчанку Черник Анастасию. Огнестрельное ранение в руку получила Ровен Домна Григорьевна. В соседней деревне Заречье каратели убили 12 человек и ранили Веремей Марию Антоновну и Буцкевича Ярослава, сожгли более 30 домов. Со слов мужа ей известно, что каратели были обмундированы в гитлеровскую форму, разговаривали на русском и украинском языках.

Согласно показаниям свидетеля Судниковской, при приближении карателей она в числе других жителей Заречья и соседней деревни Котели убежала и скрылась в лесу.

Вернувшись в деревню, обнаружила, что ее дом, равно как и десятки других домов, сожжен. На пепелище лежал сильно обгоревший труп отца.

Из показаний свидетеля Веремей Марии усматривается, что при попытке скрыться от карателей она получила сквозное ранение: пуля вошла в спину и вышла из груди возле правой ключицы. Был ранен в руку ее отец. Позже каратели его расстреляли.

Согласно докладу начальника поста жандармерии Шнайдера начальнику СС и полиции Борисовского округа в Плещеницах, 18 февраля 1943 г. в 7:00 была предпринята новая карательная экспедиция в деревне Заречье, в которой участвовали 20 жандармов, 70 полицейских и 100 солдат из 118-го украинского батальона. В ходе операции применены противотанковое орудие, минометы и станковые пулеметы, 20 домов были сожжены, 4 человека, укрывавшиеся на сеновале, сожжены живьем.

В ходе судебного разбирательства исследованы доказательства непосредственного участия в преступлении Катрюка.

Данный факт подтвержден показаниями допрошенных в качестве свидетелей и обвиняемых других участников 118-го полицейского батальона Васюры, Мелешко, Кнапа, Дзебы, Пономаренко, Спивака, Лозинского, Сахно, Лакусты, Салата.

При этом свидетелем Кнапом участие Катрюка в карательной акции характеризуется как активное.

Свидетель Дзеба показал, что Катрюк совместно с другими карателями забирал имущество жителей деревни: птицу, скот, продукты. Видел трупы гражданских лиц около тех домов, в которые заходили Катрюк, Лакуста, Курка. После того как имущество жителей деревни было разграблено, каратели поджигали дома. В числе поджигавших видел Катрюка.

По показаниям свидетеля Франчука, помощники командира взвода Катрюк и Гильчук с немцем-мастером обходили дома, сначала стреляли по окнам, потом бросали гранаты, впоследствии поджигали.

4. Приговорами от 15 марта 1974 г. в отношении Лакусты, Курки, Кнапа, Лозинского и Сахно, от 22 мая 1975 г. в отношении Мелешко и от 26 декабря 1986 г. в отношении Васюры установлено, что 22 марта 1943 г. карателями совершено массовое убийство жителей деревни Козыри на шоссе Плещеницы – Логойск.

Из исследованных в судебном разбирательстве показаний свидетеля Лиса Петра Григорьевича усматривается, что в последних числах марта 1943 г. он с односельчанами по указанию старосты деревни Козыри работал на вырубке леса вдоль шоссе Плещеницы – Логойск. Слышал стрельбу, доносившуюся со стороны Логойска. Когда перестрелка закончилась, подъехали автомашины с карателями в немецкой форме. Они собрали всех односельчан, построили в колонну по четыре и приказали идти по шоссе в направлении Плещениц. Тех, кто сопротивлялся, били прикладами винтовок. Когда подошли к опушке леса за деревней Губа, некоторые начали разбегаться. Тогда каратели открыли стрельбу и почти всех, кто пытался бежать, расстреляли. Положив людей на шоссе, каратели начали расстреливать их из винтовок. Он (Лис) получил огнестрельное ранение. Видел, что около 20 односельчан лежали на шоссе мертвыми.

Аналогичные обстоятельства массового убийства мирных жителей усматриваются из оглашенных в судебном заседании показаний свидетелей Шалупиной, Гуздельского, Еременко, Акулича, Иотко, Лиса Михаила Иосифовича.

При этом Шалупина, Гуздельский и Акулич показали, что каратели причинили им огнестрельные ранения.

По показаниям Акулича, всего было ранено 7 человек.

Согласно показаниям свидетеля Лиса Михаила Иосифовича, ему, Вашкевичу Казимиру, Германовичу Станиславу и Гуздельскому Болеславу удалось убежать, хотя каратели в них стреляли.

Из показаний свидетеля Курако усматривается, что 22 марта 1943 г. карателями был убит ее муж Курако Павел Аврамович.

Исходя из показаний свидетеля Хурсик, в указанный день были расстреляны Лайковский Антон Иванович и ее родной брат Корчашко Петр Павлович. Были также убиты двоюродный брат Корчашко Александр Адамович и его дочь Корчашко Екатерина.

Свидетель Лис Альберт Семенович показал, что карателями был убит его родной брат Лис Юльян Семенович.

Из показаний свидетеля Рашкевича Юльяна Николаевича следует, что во время конвоирования в Плещеницы каратели расстреляли его мать Рашкевич Павлину Францевну.

Согласно показаниям свидетеля Лиса Ивана Степановича, 22 марта 1943 г. карателями был убит его отец Лис Степан Иванович.

Из показаний свидетеля Лис Юзефы Антоновны следует, что 22 марта 1943 г. каратели убили ее мужа Лиса Антона Ивановича, родного брата – Бальцевича Ивана Антоновича, двоюродного брата – Лайковского Антона Ивановича, ранили 7 человек.

Свидетель Петровский Бронислав Ильич показал, что в ходе карательной операции выстрелом в затылок был убит его брат Казимир.

Допрошенный в качестве свидетеля и потерпевшего Шатило показал, что в числе других был убит его брат Дорожинский Петр Казимирович. Убийство совершили эсэсовцы. Младший брат остался в живых.

О непосредственном участии Катрюка в массовом убийстве мирных жителей показали допрошенные по уголовному делу другие участники карательной акции Спивак, Васюра, Кнап, Дзеба, Топчий, Сахно, Лозинский, Мышак, Вус, Хренов и Курка.

Из показаний названных лиц, оглашенных в судебном заседании, усматривается, что Катрюк совместно с иными полицейскими 118-го батальона принудительно под угрозой убийства конвоировал, а затем расстреливал из огнестрельного оружия безоружных и не оказывавших сопротивления мирных граждан.

Сведения о погибших в результате действий Катрюка лицах указаны в исследованном в суде акте о расстрелянных жителях деревни Козыри от 22 марта 1943 г.

5. Символом невиданного изуверства нацистских карателей стал акт геноцида белорусского народа в отношении жителей деревни Хатынь.

Фактические обстоятельства расправы, учиненной 22 марта 1943 г. над мирными жителями названной деревни, установлены вступившими в силу приговорами от 15 марта 1974 г. в отношении Лакусты, Курки, Кнапа, Лозинского и Сахно, от 22 мая 1975 г. в отношении Мелешко и от 26 декабря 1986 г. в отношении Васюры.

Сведения о числе убитых и раненых жителей Хатыни, количестве сожженных домов также усматриваются из исследованных в ходе судебного разбирательства копий актов от 12 июля 1943 г., от 24 и 26 мая 1969 г. о зверствах немецкой карательной экспедиции в деревне Хатынь.

В судебном заседании оглашены протоколы допросов выживших жителей деревни – непосредственных участников этих событий.

Поскольку они дают наиболее полное представление об обстоятельствах содеянного, полагаем необходимым более подробно остановиться на изложении данных ими показаний.

Допрошенный 31 января 1961 г. в качестве свидетеля Иосиф Каминский показал, что до 22 марта 1943 г. он проживал в Хатыни. В этот день деревню окружили оккупанты. В его дом зашли 6 карателей, которые разговаривали на украинском и русском языках. Все были вооружены винтовками. Дома находились жена и четверо детей в возрасте от 12 до 18 лет. Каратели спросили, есть ли лошадь, и предложили ее запрячь. Когда он вышел из дома, один из карателей ударил его прикладом винтовки в плечо. Лошадь стояла у брата – Каминского Ивана, который проживал напротив через улицу. Зайдя во двор, увидел, что Иван лежал на пороге дома убитым. Он запряг лошадь, после чего его и Владислава, сына брата, погнали в сарай. Там уже было 10 человек, в том числе его семья. Людей продолжали сгонять в этот сарай, и через непродолжительное время он был полностью заполнен. Каратели согнали около 100 односельчан, среди которых было много малолетних и даже грудного возраста детей, а остальные – в основном женщины, старики. После того как сарай подожгли, обреченные на смерть люди стали сильно плакать, кричать. Открыв дверь сарая, каратели начали расстреливать людей из пулеметов, автоматов и другого оружия, но стрельбы почти не было слышно из-за сильного крика. Он со своим 15-летним сыном Адамом оказался около стены, на него падали убитые, еще живые люди метались в общей толпе, лилась кровь. Затем обвалилась горевшая крыша. Страшный, дикий крик людей усилился. Под ней горевшие живьем люди «так кричали и ворочались, что эта крыша прямо-таки кружилась». Ему удалось выбраться из-под трупов и горевших людей и доползти до дверей. Один из карателей, по национальности украинец, стоявший у дверей сарая, из автомата выстрелил и ранил его в плечо. Сын Адам, до этого обгоревший, каким-то образом выскочил из сарая, но в метрах 10 после выстрелов упал. Он (Каминский), будучи раненым, лежал без движения, прикинувшись мертвым, но часть горевшей крыши упала на ноги, и у него загорелась одежда. После этого он стал выползать из сарая. Подняв голову, увидел, что карателей у дверей уже нет. Возле сарая лежало много убитых и обгоревших людей. Там же лежал раненый Етка Альвин Феликсович, у него из бока лилась кровь. Он еще пытался ему помочь, закрывал рукой рану, чтобы не текла кровь, но тот уже умирал. Будучи совершенно обгоревшим (на лице и теле не было уже кожи), он еще раза два сказал: «Спасай». Подошел каратель, ударил его прикладом в лицо и ушел. Сын Адам, лежавший недалеко, позвал к себе и попросил вытащить его из лужи. Он (свидетель) подполз, приподнял его и увидел, что сын перерезан пулями пополам. Адам еще успел спросить, жива ли мама, и тут же скончался. Там погибли его жена и дети. Вскоре подошел шурин Яскевич Иосиф и отвел к себе домой. Деревня Хатынь уже догорала. Это было вечером 22 марта 1943 г., когда стемнело.

Из показаний свидетеля Желобковича Виктора Андреевича, 07.11.1934 г. р., следует, что 22 марта 1943 г. при нападении фашистских карателей на деревню Хатынь его семья спряталась в погребе. Через непродолжительное время дверь погреба открылась и один из карателей приказал выйти из подвала. Их погнали к центру деревни. Всю семью вместе с другими односельчанами загнали в колхозный сарай, представлявший собой деревянную постройку размерами примерно 12×10 метров, с соломенной крышей. Находясь возле матери у входа в сарай, видел через щели в стене, как каратели начали подбрасывать к сараю солому, после чего подожгли, предварительно облив ее какой-то жидкостью. Когда огонь охватил стены и крышу сарая, люди от страха, понимая, что им суждено живыми сгореть в огне, толпой бросились к двери, которая была заперта снаружи. Под напором людей дверь открылась. Люди стали вырываться

из горящего сарая. Однако их расстреливали каратели. Они с матерью каким-то чудом остались живыми. Накрыв его собой, мать шепнула, чтобы он не двигался. Так они лежали на земле среди убитых и раненых односельчан. В это время он пулей был ранен в левое плечо и об этом сообщил матери, но она на вопросы уже не отвечала. Он понял, что мать мертва. От пожара начала тлеть одежда. Чтобы спастись от огня, он отполз, не замеченный карателями, на несколько метров в сторону и неподвижно лег. Поняв, что каратели уходят из деревни, поднялся на ноги. То, что увидел, потрясло его детский разум. Первое желание, которое у него возникло, – разделить участь родственников и односельчан, сгоревших в огне и павших от пуль карателей. К этому времени от сарая остались только догорающие остовы его углов. На пепелище тремя группами на расстоянии нескольких метров друг от друга лежали обгоревшие трупы мужчин, женщин, детей. Некоторые из них еще подавали признаки жизни и просили дать им воды. Он зачерпывал в пригоршни из ближайших луж красную от крови воду и приносил им. Даже своим детским разумом понимал, что эти люди обречены и их ждет неминуемая смерть. Таким способом все жители деревни были расстреляны карателями и сожжены в сарае. Из числа уничтоженных карателями 149 жителей деревни было 75 детей. Среди погибших были и его родственники – отец, мать, братья Иван и Степан, сестра Аня. Только чудом остались в живых раненный в обе ноги Барановский Антон, Каминский Иосиф и две девушки – Сидорович и Климович.

Согласно показаниям свидетеля Барановского, 1932 г. р., во время нападения на деревню Хатынь он ушел к соседу Иодко Казимиру, где находилась его мать. В дом ворвались 3 или 4 карателя, вооруженные винтовкой и автоматами. Один из карателей на русском языке с характерным украинским акцентом в озлобленной форме с использованием нецензурной брани приказал всем выходить из дома и следовать к сараю Каминского Иосифа. Их сопровождали до сарая, толкая в спину прикладами. Один из карателей ударил прикладом по голове Иодко Казимира. Возле сарая встретил отца с восемью детьми в возрасте от 1 года до 14 лет. Людям приказывали становиться на колени. Видел, что каратели стали поджигать дома в деревне. Когда находился в сарае, в него втолкнули Иодко Марию. У нее были растрепаны волосы и порвано платье. Она плакала. Как он полагает, каратели ее изнасиловали. Находящиеся в сарае люди увидели, что каратели жгут дома в деревне. Дети стали плакать. Плакали и некоторые взрослые, другие молились, просили не расстреливать ни в чем не повинных граждан. Ни плач детей, ни просьбы взрослых не помогли. Озверевшие каратели закрыли дверь сарая, заполненного людьми, и подожгли его. Люди в отчаянии бросились к двери и стали ее ломать. Тогда каратели открыли дверь и, злобно усмехаясь, стали стрелять в обреченных на гибель людей. Сарай наполнился плачем и стонами. Люди, не обращая внимания на стрельбу, бросились к дверям, но их расстреливали каратели. Он тоже бросился бежать, но в метрах в сорока от сарая каратели прострелили ему левую ногу разрывной пулей, и он упал. Истекая кровью, еще долго слышал крики и стоны людей в горящем сарае. Это продолжалось до тех пор, пока сарай не обрушился. Пролежал до утра. Потеряв много крови, полузамерзший, утром был обнаружен Рудаком Стефаном. В тот день каратели уничтожили около 200 жителей деревни. Они зверски уничтожили не только взрослых, но и детей.

Из показаний свидетеля Яскевича, 1930 г. р., следует, что во время нападения нацистских карателей он спрятался в яме примерно в 300 метрах от деревни. Когда выбрался наверх, увидел, что вся деревня сгорела. На месте, где находился сарай местного жителя Каминского Иосифа, лежало много расстрелянных и обгоревших трупов односельчан,

а также обгоревшие человеческие кости. По расположению трупов, находившихся на значительном расстоянии от сарая и не подвергшихся огню, можно было понять, что эти люди пытались бежать, но были настигнуты пулями. Среди обгоревших трупов опознал труп своего отца Яскевича Антона Антоновича. В 15–20 метрах от сгоревшего сарая увидел повисшим на заборе труп брата – Виктора, 1922 г. р., а еще дальше, в 45–50 метрах от того же сарая, лежали трупы сестер – Надежды, 1936 г. р., и Ванды, 1923 г. р. В одном из сильно обгоревших трупов опознал по обуви труп матери. В этот день в числе погибших был и второй брат – Владислав, 1938 г. р. Тогда в деревне Хатынь погибло 149 человек, из них 75 детей.

Свидетель Климович, показания которой также оглашены в ходе судебного следствия, показала, что она 22 марта 1943 г. утром ушла в соседнюю деревню к тете. На следующий день вернулась в Хатынь. На месте деревни было сплошное пепелище. Возле ее сгоревшего дома увидела израненную Желобкович Ольгу Антоновну, которая попросила воды. Когда она вернулась, та уже была мертвой. На улице видела тела убитых односельчан. На месте сарая Каминского Иосифа обнаружила пепелище, где было множество обгоревших трупов. Трупы отца – Климовича Антона Максимовича, брата – Антона Антоновича были необгоревшими, а сестра – Климович Юлия Антоновна еще была жива. В тот же день на пепелище дома обнаружила сильно обгоревший труп двоюродного брата – Соколовского Петра Леоновича.

Обстоятельства массового с особой жестокостью уничтожения мирного населения в Хатыни также усматриваются из показаний свидетелей Карабан, Довгеля, Давидович Надежды, Давидовича Владимира, Желобковича Александра, Желобковича Николая, Желобкович Ядвиги, Августевич, Кривонос, родственники которых стали жертвами нацистских карателей.

Непосредственное участие Катрюка в карательной операции в Хатыни и его виновность в этом акте геноцида подтверждены показаниями других соучастников преступления – Лакусты, Спивака, Васюры, Дзебы, Топчего, Хренова и иных.

Согласно показаниям свидетелей Васюры, Мелешко, Курки, Хренова, 1-е отделение 1-го взвода 1-й роты 118-го полицейского батальона под командованием Катрюка принимало активное участие в зверской расправе над мирным населением деревни.

Из показаний свидетеля Спивака усматривается, что он в составе взвода 118-го батальона находился у сарая и видел, как Катрюк в числе других карателей конвоировал мирных жителей, большинство из которых составляли женщины, дети и старики. После того как жители деревни были собраны у сарая, поступила команда загнать их туда и закрыть в нем. Чувствуя свою обреченность, люди сопротивлялись, плакали, молили о пощаде, однако полицейские и Катрюк в их числе с применением силы, избивая беззащитных людей прикладами, загнали их в сарай и заперли. Затем полицейские 1-й роты и эсэсовцы были расставлены в цепь полукругом перед сараем со стороны дверей. В этой цепи находился и Катрюк. По команде кого-то из немцев все полицейские, находившиеся в цепи, и эсэсовцы открыли по сараю с людьми ружейно-пулеметный огонь. Стреляли все, в том числе Катрюк. Сначала в сарае люди кричали, пытались выломать дверь, однако каратели были беспощадны.

Огонь по сараю вели 10 минут. Во время стрельбы сарай загорелся. Все, кто находился в сарае, погибли. После расправы над мирными жителями их имущество было разграблено, а сама деревня сожжена.

Из показаний Лакусты усматривается, что, когда все жители села – мужчины, женщины, дети – были согнаны в сарай, его закрыли и подожгли. Стоявшей в оцеплении

1-й роты батальона Кернер отдал приказ никого из сарая не выпускать, если кто попытается бежать – стрелять. Люди в сарае истошно кричали, плакали. Невозможно было слышать предсмертные крики обреченных. Когда крыша сарая упала, несколько человек попытались выбраться из него. По ним был открыт огонь. Стреляли все. После стрельбы крики обреченных прекратились. Когда возвращались в Плещеницы, увидел у Катрюка наручные часы марки «Звездочка». Спросил у него, где он взял часы. Катрюк ответил, что это его добыча. Возле леса были убиты девушка и мужчина с повязкой на рукаве, с руки которого он и снял часы. Катрюк принимал непосредственное участие в сожжении деревни и расстреле ее жителей.

Неоднократно допрошенный по делу в качестве свидетеля и обвиняемого участник 118-го полицейского батальона Кнап также показал, что видел, как Катрюк совместно с другими карателями загонял мирных граждан, в числе которых были в основном женщины, старики и дети, в сарай, затем стрелял по сараю из винтовки.

По показаниям свидетелей Дзебы, Мышака, Петричука, Лозинского, Вуса, при проведении карательной акции в Хатыни Катрюк проявил особую жестокость. Он лично загонял в сарай людей, а затем их расстреливал.

Из показаний свидетеля Янковского (Думыча) следует, что он являлся очевидцем того, как Катрюк поджигал дома в деревне, расстреливал людей из карабина.

6. Продолжение преступной деятельности Катрюка, направленной на реализацию общей с нацистскими преступниками цели планомерного уничтожения белорусского народа, связано с осуществлением карательной операции в отношении жителей деревень Рассохи и Малые Нестановичи Плещеницкого района Минской области (в настоящее время – Логойский район).

Как усматривается из исследованных в суде показаний Сахно в качестве обвиняемого, весной 1943 г. 118-й батальон с участием жандармов и полицейских Плещеницкой полиции участвовал в операции в западном направлении от поселка Плещеницы. В числе участников операции был Катрюк. Когда подходили к деревне Рассохи, из нее стали убегать в сторону леса мирные жители. Среди убежавших были женщины, подросток. Командиры, руководившие операцией, дали команду стрелять по убежавшим. Первым стрельбу открыл 1-й взвод. На лугу, не добежав до леса, люди были убиты. Тогда было убито примерно 8 человек, среди которых он запомнил несколько женщин, а также подростка. По убежавшим людям стреляли в том числе Лакуста и Катрюк.

Аналогичные обстоятельства усматриваются из показаний Лакусты, допрошенного в качестве обвиняемого. Кроме того, он уточнил, что во время наступления на деревню было убито до 10 человек.

Факт расстрела мирных жителей непосредственно Катрюком подтвердил в ходе допросов в качестве свидетеля и обвиняемого другой участник карательной операции Лозинский.

Из показаний свидетеля Гунько, проживавшей в период Великой Отечественной войны в деревне Рассохи, усматривается, что 5 апреля 1943 г. она увидела, что со стороны Плещениц к деревне приближались каратели. Местные жители начали разбегаться. Они с мужем побежали в сторону леса, где находились до вечера. Когда возвратились в деревню, увидели на поле за деревней 11 трупов односельчан. Среди них были ее родная бабушка Гейно Гелена Марковна, свекровь Гунько Мария, Кушнеревич Евгения Адамовна, Хоревич Ядвига Иосифовна, Хоревич Валентина, Хоревич Александр, Шавейко Василий, женщина по фамилии Гороховик, остальных погибших не помнит.

Аналогичные обстоятельства изложены в ходе допросов свидетелем Шавейко. По его показаниям, карателями убиты Гейно, Гунько Мария, Гороховик, Хоревич Софья, Хоревич Валентина, Хоревич Александр (3 года), Кушнеревич Генефа и его брат Шавейко Василий. Со слов односельчанина Мурашко Антона, который укрылся от карателей под обрывом возле речки, в непосредственной близости от расправы, он слышал, как погибавшие просили карателей о пощаде. Хоревич Валентина просила карателей не стрелять ей в лицо – они убили ее выстрелами в упор разрывными пулями. Его брата каратели словили в лесу около деревни Нестановичи, привели в деревню, раздели и застрелили пятью выстрелами в упор в живот разрывными пулями. Поскольку он умер не сразу, то каратели добились его ударами прикладов по голове. Он тоже убегал от карателей и прятался в лесу. Когда после их ухода вернулся домой, то родители уже привезли тело брата домой, он запомнил его изуродованный труп.

Из показаний свидетеля Мигунько следует, что среди расстрелянных 5 апреля 1943 г. нацистскими карателями были ее сын Саша (4 года), свекровь Хоревич Софья Станиславовна, ее дочь Хоревич Валентина (19 лет), жители деревни Рассохи Гороховик Мария, Гунько Мария, Кушнерович Евгения и Гейно Елена. У сына Саши было 2 пулевых ранения. Одна пуля ему пробила голову, вторая – грудь. Раны были глубокими. Каратели стреляли, по-видимому, разрывными пулями. Тело Шавейко не видела, но рассказывали, что он был избит и изрезан острым предметом.

7. Является доказанным и совершение Катрюком в рамках реализации умысла на противоправное лишение жизни неограниченного числа жителей Беларуси пыток, истязания и убийства Андриянова (Андрианова) Василия Ивановича, партизана отряда «Мститель».

Приговором от 26 декабря 1986 г. в отношении Васюры установлено, что партизан Андриянов перед расстрелом был подвергнут пыткам и истязанию.

Из показаний свидетелей Жук, Апихомович, Фальковичей Тамары и Павла, жителей деревни Завишинская Рудня, усматривается, что в апреле 1943 г. на религиозный праздник Пасха каратели из украинского полицейского батальона утром в деревне задержали партизана Андриянова. Они его сильно избили, связали, положили на повозку и увезли. Позднее стало известно, что Андриянов был расстрелян в Плещеницах.

По показаниям Мелешко, допрошенного 31 октября 1974 г. в качестве обвиняемого, непосредственное участие в захвате Андриянова принимал Катрюк. Он лично видел, как Катрюк ударил партизана несколько раз.

Согласно показаниям обвиняемого Курки от 9 октября 1973 г., захваченного партизана на расстрел увели Лакуста, Катрюк и переводчик батальона. Все трое имели при себе огнестрельное оружие: Катрюк и Лакуста – автоматы, переводчик – пистолет. Партизана они увели за постройки, в которых располагался батальон, к лесу. Оттуда вскоре он услышал автоматную стрельбу.

Факт убийства Андриянова Катрюком также подтвержден показаниями свидетеля Харченко.

8. Преступная деятельность Катрюка по реализации общей с нацистскими преступниками цели планомерного уничтожения белорусского народа продолжена 13 мая 1943 г. в ходе осуществления карательной операции в деревне Дальковичи Плещеницкого района Минской области (в настоящее время – Логойский район).

Находясь в указанной деревне, Катрюк совместно с иными участниками 118-го полицейского батальона, действуя с особой жестокостью и общеопасным способом, лишил жизни путем расстрела и сожжения заживо не менее 14 человек, а также в целях создания условий, рассчитанных на физическое уничтожение жителей деревни, путем разбоя похитил принадлежащий им домашний скот и другое имущество, уничтожил общеопасным способом путем поджога 55 жилых домов и иных строений, лишив жителей деревни жилья и имущества, необходимого для обеспечения минимальных жизненных потребностей и условий выживания.

Обстоятельства совершенных злодеяний установлены вступившими в законную силу приговорами от 15 марта 1974 г. в отношении Лакусты, Курки, Кнапа, Лозинского и Сахно, от 22 мая 1975 г. в отношении Мелешко и от 26 декабря 1986 г. в отношении Васюры.

Сведения о количестве погибших и уничтоженных построек подтверждены справкой исполкома Прусовичского сельского Совета № 72 от мая 1973 г., копией паспорта захоронения № 946 – братской могилы, в которой захоронены партизаны, погибшие 13 мая 1943 г. в деревне Дальковичи.

Из показаний свидетеля Довжонка Федора Петровича, исследованных в судебном заседании, усматривается, что 13 мая 1943 г. он находился в деревне Дальковичи. В первой половине дня прибыли немецкие каратели, обстреляли деревню из орудия и минометов. Он ушел в лес с партизанами. Восемь партизан во время боя были убиты. Каратели разграбили имущество, сожгли деревню и уехали в направлении Плещениц. Из числа убитых односельчан видел среди пепелищ Аринича Даниила Ларионовича, Кононовича Герасима Фомича, Кононович Пелагею Даниловну, Кононович Анну Станиславовну, Устин Марию Яковлевну и Ковшик Дорофею.

Аналогичные показания об обстоятельствах совершенного преступления даны свидетелями Устин, Лемеш, Ковальчук, Хомич, Кононовичем Иваном Иосифовичем и Довжонком Василием Петровичем. Последний также указал, что жительницу деревни Кононович Анну каратели зверски мучили, вырезав на груди пятиконечную звезду.

О том, что действия Катрюка и других участников карательной операции отличались особой жестокостью, совершены в том числе в отношении лица, находящегося в беспомощном состоянии, также свидетельствуют показания Раецкого – жителя деревни Дальковичи.

Как показал свидетель, после нападения карателей деревня была полностью сожжена. На пепелищах обнаружены останки не успевших скрыться жителей деревни и убитых партизан. Кононовича Герасима каратели сожгли живьем, привязав его к столбу рядом с подожженным домом. Его нашли лежащим рядом с этим столбом, так как веревки, которыми он был привязан, перегорели. Тело его было полностью обгоревшим. Аринича Даниила каратели, задушив полотенцем, обложили подушками и одеялами, а затем подожгли. Трупы Кононович Анны и Кононович Пелагеи нашли обгоревшими недалеко от их домов. Устин Марию каратели расстреляли во дворе ее дома. Убита она была выстрелами в голову. Труп Ковшик Дорофеи нашли во дворе ее сожженного дома сильно обгоревшим. Она была слепой и не сумела даже отойти от горящего дома. Ей было около 70 лет.

Непосредственное активное участие Катрюка в преступлении подтверждено показаниями допрошенных по делу в качестве свидетелей Васюры, Топчего, Хренова, Дзебы, Пономаренко, Мышака, а также допрошенного в качестве свидетеля и обвиняемого Сахно.

В частности, по показаниям свидетеля Хренова и обвиняемого Лакусты, Катрюк с факелом в руках ходил по дворам и поджигал дома. Из показаний свидетеля Дзебы следует, что в числе грабивших и поджигавших дома он видел Катрюка.

9. Очередным эпизодом злодеяний Катрюка стало убийство им жителя деревни Козыри весной 1943 г.

Как усматривается из исследованных в судебном разбирательстве показаний Курки, допрошенного 15 октября 1973 г. в качестве обвиняемого, при проведении карательной операции в одной из деревень в районе Плещениц Лакуста и Катрюк задержали мужчину, подвели его к Винницкому, Мелешко, «немцу-шефу», стоявшим на улице около колодца. Катрюк о чем-то докладывал немцу, затем «дал по мужчине очередь из автомата», и тот упал. После этого Катрюк и Лакуста бросили мужчину в колодец.

Совершение Катрюком убийства также подтверждено показаниями Лакусты, данными в качестве обвиняемого 7 декабря 1973 г.

10. Виновность Катрюка в акте геноцида белорусского народа, совершенном 22 и 23 мая 1943 г. в деревне Вилейка в ходе проведения совместно с нацистскими преступниками операции под наименованием «Коттбус», подтверждена следующими доказательствами.

Исходя из исследованных в суде приказа № 43/43 боевой группы фон Готтберга о проведении операции «Коттбус» от 15 мая 1943 г., дополнительного приказа № 2 к нему от 31 мая 1943 г., донесения фон Готтберга об итогах указанной операции от 28 июня 1943 г., задачи названной операции предусматривали уничтожение советских партизан, осуществлявших борьбу с немецко-фашистскими захватчиками, разрушение их лагерей и изъятие продовольственных запасов, убийство местных жителей и их принудительный угон для привлечения к рабскому труду в пользу нацистской Германии, уничтожение их жилых домов, полное лишение всех сельскохозяйственных продуктов и домашнего скота.

Приговорами от 15 марта 1974 г. в отношении Лакусты, Курки, Кнапа, Лозинского и Сахно, от 26 декабря 1986 г. в отношении Васюры установлено, что в деревне Вилейка 20–23 мая 1943 г. карателями убито 35 человек, большинство из них расстреляно и сожжено в сарае, молодежь угнана на работу в Германию, сожжены дома и надворные постройки.

Из оглашенных в судебном разбирательстве показаний свидетеля Васюры следует, что полицейскими 118-го батальона по приказу гитлеровского командования была учинена расправа над мирными жителями деревни Вилейка, во время которой было расстреляно и сожжено несколько десятков женщин, стариков и детей, молодежь угнана на каторжные работы в Германию, сожжено большое количество жилых домов и надворных построек.

Полицейские 1-го взвода 1-й роты, в состав которого входило отделение Катрюка, отобрали группу людей в количестве не менее 25 человек, в основном женщин, стариков и детей, и погнали их к отдельно стоявшему сараю, примерно в 600 метрах от штаба. Затем каратели закрыли их в сарае, подожгли его и открыли по нему огонь из имевшегося у них оружия. Все находившиеся в сарае мирные жители погибли.

Кнап, допрошенный в качестве свидетеля и обвиняемого по уголовному делу, также показал, что одним из карателей, расстреливавших обреченных жителей деревни, был Катрюк.

Показания Кнапа подтвердили допрошенные в качестве свидетелей Дзеба и Козынченко, которые показали, что видели, как Катрюк вел огонь из чешского ручного пулемета.

О том, что Катрюк принял активное участие в карательной операции в деревне Вилейка, показал Сахно. В ходе допросов в качестве свидетеля и обвиняемого он прямо указал, что Катрюк в числе карателей 1-го взвода насильно, избивая прикладами оружия, загнал людей в сарай, который был подожжен. Обреченные на смерть женщины и дети плакали, кричали, молили о пощаде, им удалось выломать дверь. Несколько человек выскочили из горящего сарая, но здесь же были сражены пулями карателей. Отчетливо помнит, что по ним вел огонь из имевшегося у него оружия Катрюк. Один из полицейских бросил в сарай гранату. Всего было расстреляно около 50 мирных граждан.

Лозинский, допрошенный в качестве обвиняемого и свидетеля, наряду с этим показал, что Катрюк совместно с другими карателями поджигал дома жителей деревни.

По показаниям свидетеля Варламова, в ходе карательной операции в деревне Вилейка Катрюк и другие полицейские «сортировали» людей: молодежь садили на автомашины и вывозили в сторону Плещениц для дальнейшего вывоза на работы в Германию. Затем по приказу Васюры Мелешко и Катрюк с подчиненными им полицейскими отобрали человек 30 женщин и детей и загнали их в сарай, после чего из имеющегося оружия расстреляли и заживо сожгли.

Участие Катрюка в совершенных в деревне Вилейка преступных действиях подтвердили допрошенные в качестве свидетелей полицейские 118-го батальона Хренов, Лакуста, Курка и Мелешко.

Из показаний свидетелей Прадеда Василия Антоновича, Прадед Ольги Ивановны следует, что их с другими жителями Вилейки вывезли для привлечения к рабскому труду в Германию. Отец и мать Прадеда Василия карателями были расстреляны.

Свидетель Шалойко показала, что знает об уничтожении жителей деревни Вилейка со слов тети Прадед Зинаиды Антоновны, которая также рассказывала ей о том, что ее каратели отправили на принудительные работы в Германию.

Об обстоятельствах уничтожения жителей деревни, вывоза их в Германию для привлечения к рабскому труду показали жители Вилейки – свидетели Зорич, Бычек, Кулеш, Шинкевич, Бутько, Ворон, Садко, Черныш.

Из показаний последнего усматривается, что в сарае были расстреляны и сожжены женщины и дети, в том числе его беременная жена Черныш Анна, четверо детей в возрасте от 5 до 15 лет, сестра Зикрацкая Прузина, мать Черныш Степанида Кондратьевна, племянник Черныш Алеша в возрасте 5 лет, троюродная сестра Зикрацкая Татьяна с 5 детьми, Подемацкая Ульяна с 2 детьми и Смоленский Антон.

Согласно показаниям свидетеля Садко, в деревне Вилейка каратели расстреляли и сожгли часть односельчан, в том числе его жену Садко Веру Антоновну с 2 детьми Марфой и Зиной в возрасте 8 и 9 лет. Вместе с его семьей в сарае были расстреляны и сожжены Зикрацкая Татьяна Ефимовна и ее 5 детей в возрасте от 1 года и старше, Черныш Степанида Ивановна и ее малолетний внук Алеша, Подемацкая Ульяна Юльяновна и ее 2 детей в возрасте от 6 до 8 лет, Завадская Елена Алексеевна и ее 2 детей в возрасте от 2 до 4 лет, Зикрацкая Прузина Фоминична, Черныш Анна Федоровна и ее 4 детей в возрасте от 3 до 15 лет, при этом Черныш была беременна и скоро должна была родить. Всего в сарае Зорича Ефима 22 мая 1943 г. карателями было расстреляно и сожжено 24 жителя деревни Вилейка. Из них 16 детей, 7 женщин и 1 старик. Тогда же в сарае

Гойчука Федора, который стоял с правой стороны дороги напротив сарая Зорича Ефима, каратели расстреляли и сожгли Завадского Николая Андреевича, Подемацкого Александра Ивановича, Зикрацкого Николая Артемовича, Зикрацкого Леона Артемовича и Завадского Трофима Ивановича. В первый день нахождения в деревне каратели, кроме сожжения жилых домов и построек, убили Шинкевича Антона Ивановича, Соболя Ивана Андреевича и Шинкевич Анастасию Антоновну. После отъезда карателей из деревни односельчане обнаружили трупы жителей деревни Вилейка Гойчука Федора Павловича и Юзько Василия Ивановича.

При проведении 10 июня, 16 и 21 октября 2021 г., 30 октября 2023 г. осмотров архивных документов Белорусского республиканского фонда «Взаимопонимание и примирение» получены фотокопии квалификационных карт с приложением соответствующих документов в отношении лиц, пострадавших от национал-социалистических преследований в годы Второй мировой войны.

В частности, установлено, что 23 мая 1943 г. из деревни Вилейка Докшицкого района Витебской области принудительно вывезены в Германию:

Прадед Василий Анатольевич – насильно содержался в г. Берлине с мая 1943 г. Освобожден Красной Армией, убит на родину 10 июля 1945 г.;

Прадед Ольга Ивановна – насильно содержалась в г. Ромбах с мая 1943 г. в рабочем лагере и использовалась в качестве чернорабочей на заводе боеприпасов, с июля 1944 г. – на земляных работах вблизи г. Ланштут. Освобождена в мае 1945 г.;

Прадед Зинаида Антоновна – принудительно вывезена в Германию и насильно содержалась в г. Рамбург, работала на кирпичном заводе. Вернулась на родину 5 октября 1945 г.;

Шинкевич Виктор Иосифович – насильно содержался в г. Випперфюрт, работал рабочим на сельхозработах у бауэра до 13 апреля 1945 г. Вернулся на родину в апреле 1945 г.

Согласно копиям квалификационных карт в отношении Шинкевича Аркадия Петровича, 1927 г. р., Зорича Владимира Ефимовича, 1929 г. р., Лях (Кулеш) Ольги Макаровны, 1927 г. р., указанные лица насильно вывезены из деревни Вилейка Бегомльского района Минской области и принудительно содержались в Германии, выполняя различные виды работ.

11. Полагаем доказанной виновность Катрюка в акте геноцида в отношении жителей деревни Осовы, совершенном 27 мая 1943 г.

В ходе карательной операции в составе 118-го батальона в указанном населенном пункте Катрюк с целью убийства принудительно водворил жителей деревни в сарай и, препятствуя возможности покинуть данное помещение, запер его, после чего, действуя с особой жестокостью, путем поджога сарая и сожжения находившихся в нем лиц заживо, расстрелял их из стрелкового огнестрельного боевого оружия, применения взрывных устройств и боеприпасов лишил жизни не менее 78 человек, включая заведомо малолетних.

Факт массового убийства жителей деревни установлен вступившими в законную силу приговорами от 15 марта 1974 г. в отношении Лакусты, Курки, Кнапа, Лозинского и Сахно, от 22 мая 1975 г. в отношении Мелешко и от 26 декабря 1986 г. в отношении Васюры.

Об обстоятельствах этого зверства показали допрошенные по уголовному делу в качестве свидетелей выжившие жители деревни Осовы, а также родственники погибших – Ковель Валентина Николаевна, Ковель Николай Савельевич, Булойчик, Сушко,

Семенчук Иван Поликарпович, Семенчук Андрей Анатольевич, Шило, Зорич, Скакун Андрей Андреевич, Скакун Елена Михайловна и другие.

Из показаний свидетеля Ковель Валентины Николаевны, с 1941 г. проживавшей в деревне Осовы, усматривается, что в мае 1943 г. оккупанты проводили карательную операцию против партизан в этой местности. Партизаны предупредили жителей об опасности и посоветовали уходить из деревни в лес. Скрывались в лесу более недели. Затем среди сельчан начали вестись разговоры о том, что каратели якобы мирное население трогать не будут. Многие в это поверили и стали возвращаться в дома. Когда она с родителями мужа вернулась в Осовы, в деревне уже находились каратели. Солдат немецкой национальности было мало. В основном были каратели из числа украинцев. На следующий день свекровь увидела, что каратели с западной окраины деревни стали выгонять местных жителей и гнать их под конвоем на восточную окраину. Свекровь ей приказала убежать из дома. На улице каратели собирали по деревне молодежь. Заметили и ее. Она была присоединена к другим. На окраине деревни Осовы с северной стороны примерно в 200 метрах от жилых домов находился сарай. Каратели пригнали их туда и приказали остановиться. Семьи партизан – жены, дети, родители – были согнаны в сарай. В их числе оказалась и ее свекровь. Затем она услышала 2 взрыва гранаты. После этого по обреченным открыли огонь. Стояла ужасная картина. Были слышны крики и стоны погибающих людей. Вскоре сарай загорелся. Всего каратели сожгли и расстреляли 78 мирных советских граждан из числа партизанских семей, в основном женщин, детей, стариков. В их числе погибла и ее свекровь.

Из показаний свидетеля Скакун Ольги Марковны следует, что в числе погибших в деревне Осовы людей были трое ее детей: Скакун Владимир Иванович, 1930 г. р., Скакун Зинаида Ивановна, 1938 г. р., Скакун Николай Иванович, 1941 г. р. Расстреляли ее детей за то, что их отец Скакун Иван Григорьевич в то время находился в партизанском отряде. Каратели, среди которых было много украинцев, переночевали в деревне, а утром 27 мая 1943 г. ее и других женщин заставили выбирать картофель из ям, которые находились в полукилометре от деревни. Перед обедом отпустили домой. Дома детей не нашла. В это время в противоположном конце деревни раздались выстрелы и крики людей. Она побежала на эти крики и увидела догоравший сарай, возле которого стояли односельчане. От них узнала, что каратели расстреляли и сожгли в этом сарае партизанские семьи, в том числе ее детей.

Из показаний свидетеля Сушко усматривается, что среди убитых карателями жителей деревни Осовы были его мать Сушко Александра Антоновна, жена Сушко Анна Ивановна и малолетние дети: сыновья Виктор, 1936 г. р., Тимофей, 1939 г. р., дочери Ядвига, 1938 г. р., и Нина, 1942 г. р.

Свидетель Семенчук Иван Поликарпович показал, что 27 мая 1943 г. каратели в числе других партизанских семей расстреляли его родных: отца – Семенчука Поликарпа Александровича, мать – Семенчук Просковью Даниловну, сестру – Семенчук Зинаиду Поликарповну, жену – Политыко Полину Ивановну.

Из показаний свидетеля Скакуна Андрея Григорьевича усматривается, что в деревне Осовы немецкие каратели уничтожили в том числе его семью из 4 человек: его жену Скакун Анну Егоровну и 3 детей в возрасте от 2 до 6 лет. В числе 78 человек погибли тогда учительница Осовской школы Грив Ольга Даниловна с сыном в возрасте 2 или 3 лет, жена и 3 детей партизана Горавчика Иосифа Антоновича, жена и 5 детей партизана Горавчика Афанасия Антоновича, 3 детей его брата партизана Скакуна Ивана Григорьевича и другие семьи партизан. Сначала каратели бросили в сарай с людьми

2 или 3 гранаты, а потом открыли стрельбу. Крыша сарая была из соломы, поэтому он быстро загорелся.

Аналогичные показания даны свидетелем Скакуном Константином Адамовичем, Скакун Еленой Михайловной.

Из показаний свидетеля Скакун Татьяны Григорьевны усматривается, что среди расстрелянных была и ее родная сестра Шило Анастасия Григорьевна с 2 детьми: сыном Владимиром, которому было 6 лет, и 11-месячной дочкой Валентиной.

Из акта комиссии по обследованию мест массовых расстрелов советских граждан в сельских Советах Бегомльского района Минской области от 15 ноября 1944 г. усматривается, что в деревне Осовы немцами зверски уничтожено 80 человек.

Сведения о конкретных лицах, пострадавших от действий карателей, усматриваются из списка расстрелянных, повешенных, замученных граждан СССР по селу Осовы.

Непосредственное активное участие Катрюка в массовом уничтожении мирных граждан в деревне Осовы подтверждено показаниями Васюры, Козынченко, Кнапа, Лозинского, Топчего, Сахно, Лакусты, Курки, Мелешко, допрошенных в качестве свидетелей.

Васюра, в частности, показал, что 27 мая 1943 г. карателями 118-го полицейского батальона было уничтожено свыше 70 мирных жителей деревни Осовы. В указанную деревню подразделения батальона прибыли накануне. Наутро по приказанию Кернера и Смковского к штабу полицейские 1-й роты согнали большую группу жителей деревни и погнали к отдельно стоявшему в конце деревни большому деревянному сараю. Он видел, как Катрюк с полицейскими своего отделения конвоировал обреченных. Затем полицейские загнали людей в сарай, подожгли его и открыли огонь из винтовок и автоматов.

По показаниям Козынченко, он видел, как Катрюк непосредственно расстреливал жителей деревни Осовы из своего ручного пулемета чешского производства. Кроме того, Козынченко показал, что после расправы над людьми деревня была сожжена.

Из исследованных в суде показаний Лозинского усматривается, что в Осовах они конвоировали к месту расправы и загоняли в сарай большую группу людей, несколько десятков, среди которых были женщины, мужчины, дети и старики. Дверь сарая была кем-то из полицейских заперта снаружи. По приказанию Кернера взводы Мелешко и Пасечника были поставлены перед сараем в цепь полукругом. Вначале кто-то из полицейских поджег крышу сарая, а после этого по команде командиров, стоявших позади, был открыт по сараю с людьми ружейно-пулеметный огонь. Все стоявшие в цепи полукруга полицейские стреляли по сараю с людьми, в том числе Катрюк.

Сахно также показал, что видел, как непосредственно Катрюк после уничтожения жителей деревни поджигал их дома.

12. Преступная деятельность Катрюка продолжена в июле – августе 1943 г. Он, действуя в составе 118-го батальона, осуществил карательную операцию под наименованием «Герман», проводившуюся в соответствии с приказом от 7 июля 1943 г. бригадефюрера СС и генерал-майора полиции фон Готтберга при участии особого батальона под командованием оберштурмбаннфюрера СС Дирлевангера и других преступных вооруженных формирований в районе населенных пунктов Мир – Рубежовичи – Раков – Холькло – Богданов – Ивье – Пудино – Кореличи.

Находясь в указанный период в Лучинском бору Налибокской пущи, Катрюк совместно с иными участниками вооруженной организованной группы и другими лицами об-

наружил скрывавшихся от преследования карателей в землянках жителей данной местности еврейской национальности и, действуя с особой жестокостью, путем применения взрывных устройств и боеприпасов, расстрелял из стрелкового огнестрельного боевого оружия, умышленно, противоправно лишил жизни не менее 50 человек, в том числе заведомо малолетних и престарелых.

Изложенные обстоятельства совершения Катрюком очередного акта геноцида белорусского народа подтверждены исследованными в судебном разбирательстве доказательствами.

Приговорами Гродненского областного суда от 15 марта 1974 г. в отношении Лакусты, Курки, Кнапа, Лозинского и Сахно, Военного трибунала Белорусского военного округа от 26 декабря 1986 г. в отношении Васюры установлено, что в Лучинском бору в июне – августе 1943 г. карателями обстреляны и подорваны гранатами землянки, где скрывались советские граждане еврейской национальности, в результате чего было уничтожено не менее 50 человек.

Исходя из копии приказа № 398/43 боевой группы фон Готтберга о проведении операции под названием «Герман» от 7 июля 1943 г., дополнительного приказа № 1 к нему от 18 июля 1943 г., приказа от 1 августа 1943 г. на эвакуацию района, боевого донесения об операции «Герман» от 20 августа 1943 г., задачи карательной операции «Герман» предусматривали уничтожение советских партизан, осуществлявших борьбу с немецко-фашистскими захватчиками, разрушение их лагерей и изъятие продовольственных запасов, убийство местных жителей и их принудительный угон для привлечения к рабскому труду в пользу нацистской Германии, уничтожение их жилых домов, полное лишение всех сельскохозяйственных продуктов и домашнего скота. В операции принимали участие 118-й батальон, оперативная группа Дирлевангера, состоявшая из спецбатальона СС и усиленной жандармской команды особого назначения, и другие подразделения.

Согласно показаниям допрошенного в качестве свидетеля Кнапа, летом 1943 г. 118-й батальон участвовал в большой операции против партизан в районе г. Новогрудка. В ходе данной операции полицейскими в районе Лучинского бора было уничтожено не менее 50 мирных советских граждан еврейской национальности, которые прятались от карателей в лесу и на болотах. Во время облавы полицейские задержали гражданина еврейской национальности, который после того, как Васюра его допросил, указал место нахождения укрывшихся граждан. Офицеры штаба и личный состав 1-го взвода под командованием Лакусты пошли туда, куда их повел задержанный мужчина. Примерно через 30 минут он услышал несколько одиночных выстрелов, а затем разрывы гранат. Подойдя к месту, где находился 1-й взвод, увидел развороченную взрывами гранат землянку, в которой на полу лежало около 20 изуродованных трупов мужчин, женщин, детей. В землянку невозможно было смотреть: тела погибших были разорваны, человеческие останки перемешаны с землей. К их приходу Лакуста, Катрюк и другие в землянке обыскивали одежду убитых, снимали с рук кольца, вырывали золотые зубы, из одежды доставали золотые монеты и другие драгоценности. Около землянки лежало еще 6–7 трупов. Ему известно, что тогда же обнаружена и уничтожена еще одна землянка с гражданами еврейской национальности.

Из показаний свидетеля Васюры следует, что во время операции в Налибокской пуще полицейскими 1-го взвода 1-й роты, среди которых находился и Катрюк со своим отделением, было уничтожено около 50 мирных советских граждан еврейской националь-

ности, скрывавшихся в землянках в лесу. Полицейские 1-го взвода 1-й роты забросали землянки гранатами, в результате чего все скрывавшиеся в них люди были убиты.

Аналогичные обстоятельства усматриваются из показаний допрошенных в качестве свидетелей Спивака, Лозинского, Скрипки, Дзебы, Капусты.

Из показаний Курки, допрошенного в качестве обвиняемого и свидетеля, в ходе карательной операции он видел, как непосредственно Катрюк бросил гранату в землянку, в которой от карателей скрывались люди.

Согласно показаниям Лакусты в качестве подозреваемого и обвиняемого, в уничтожении лиц еврейской национальности, скрывавшихся в Налибокской пуще, принимало участие подразделение Катрюка. При истреблении указанных лиц применялись гранаты и огнестрельное оружие. Всего убито не менее 40–50 человек. В землянке, которую забрасывал гранатами 1-й взвод, было около 20 человек.

По показаниям Мелешко и Янковского, Катрюк из автомата расстреливал убежавших от карателей мужчин и женщин еврейской национальности.

О массовом уничтожении нацистскими карателями лиц еврейской национальности в Налибокской пуще во время Великой Отечественной войны показали допрошенные в качестве свидетелей жители находящиеся в данной местности населенных пунктов Ковалевский, Казерский, Шакаль, Соболевский, а также лесничий Бакштовского лесничества Ивьевского лесхоза Садовский.

При осмотре 27 октября 1973 г. в Лучинском бору мест, где в землянках были убиты лица еврейской национальности, в ходе раскопок обнаружены костные останки, предметы одежды и домашней утвари.

Согласно заключениям экспертов от 24 ноября, 10 и 17 декабря 1973 г., обнаруженные в ходе осмотра в Лучинском бору костные останки представляют собой кости разных людей, которые находились в земле не менее 25 лет, имеют отверстия, характерные для огнестрельных ранений, переломы. Форма и размеры части отдельных костных останков свидетельствуют об их принадлежности к женскому полу. Обнаружены также костные останки, которые являются костями не менее 3 детей до 15 лет (возраст одного из них 9–10 лет). Установить личности погибших в ходе следствия не представилось возможным.

Оценивая собранные по делу доказательства, полагаю, что виновность Катрюка в совершении при изложенных в обвинении обстоятельствах действий с целью планомерного уничтожения полностью белорусского народа – национальной, этнической группы и группы, определенной на основе территориального, идеологического и других произвольных критериев, путем убийства членов такой группы и причинения им тяжких телесных повреждений, умышленного создания жизненных условий, рассчитанных на полное физическое уничтожение такой группы, то есть геноцида – преступления, предусмотренного ст. 127 УК, доказана.

Изложенные доказательства являются достоверными, допустимыми, относимыми и в своей совокупности достаточными для вывода о виновности Катрюка по каждому пункту обвинения.

Отдельные неточности и несоответствия в показаниях потерпевших, свидетелей и лиц, осужденных по иным приговорам, не являются существенными. Они объясняются давностью событий, о которых сообщает допрашиваемый, и его ролью в произошедшем. Наличие таких неточностей не ставит в целом под сомнение правдивость приведенных выше показаний и не влияет на выводы о доказанности виновности Катрюка в содеянном.

Преступные действия Катрюка полностью соответствуют признакам геноцида.

В данном случае преступление геноцида с объективной стороны посягает на основы существования и развития белорусского народа, а с субъективной – характеризуется наличием у виновного специальной цели планомерного его уничтожения полностью.

Под белорусским народом необходимо понимать советских граждан, проживавших на территории Белорусской Советской Социалистической Республики в годы Великой Отечественной войны.

О совершении Катрюком умышленных действий, образующих объективную сторону геноцида, свидетельствуют изложенные факты совершения им в отношении членов названной группы убийств, в том числе массовых, причинения тяжких телесных повреждений, уничтожения им в ходе карательных операций жилых домов, лишения людей продуктов питания и предметов одежды, домашнего скота и птицы, другого имущества, необходимого человеку для выживания и обеспечения минимальных жизненных потребностей, а также принудительного перемещения людей в Германию для привлечения к рабскому труду и иным формам их эксплуатации.

Указанные действия, являющиеся формами геноцида, объективно были направлены на полное уничтожение населения на белорусской земле.

Данные обстоятельства подтверждаются исследованными в судебном заседании документами о преступных планах нацистской Германии в отношении советских граждан, проживавших и находившихся на территории БССР, в соответствии с которыми, я напому, не менее 75 % населения Беларуси подлежало уничтожению, а также переселению с занимаемой территории, оставшаяся его часть – насильственному онемечиванию.

Для их реализации гитлеровским руководством создавались в том числе националистические преступные формирования из лиц, поддерживавших идеологию нацизма, к которым относился и 118-й полицейский батальон.

О том, что Катрюк разделял указанные преступные цели, направленные на полное уничтожение белорусского народа, свидетельствуют его добровольное вступление в названное вооруженное формирование, возглавляемое нацистскими преступниками, принятие им присяги на верность фашистскому режиму и активное участие на протяжении длительного периода в спланированных карательных операциях против населения Беларуси в качестве командира структурного подразделения батальона.

Преступные действия Катрюка отличались особой жестокостью.

Совершая массовые убийства людей, в том числе путем их сожжения заживо, Катрюк проявлял особое зверство, исключительный цинизм и особую безжалостность по отношению к лицам, лишенным возможности оказать сопротивление и иным образом противостать ему и другим карателям.

Материалами дела достоверно установлено, что жертвами преступных действий Катрюка являлись малолетние, престарелые и иные лица, находившиеся в беспомощном состоянии, беременная женщина.

Лишение жизни людей совершалось Катрюком в присутствии их близких и других лиц, которые понимали характер и последующую направленность его действий на лишение их жизни, что причинило им особые страдания и мучения.

Фактический характер совершаемых Катрюком во время карательных операций злодеяний в отношении мирного населения, которые никак не могли быть связаны с выполнением военных задач, свидетельствует о прямом умысле и наличии у него присущей геноциду специальной цели – планомерного уничтожения полностью белорусского народа.

Осуществление уголовного преследования Катрюка за преступления геноцида, совершенные в период Великой Отечественной войны, основано на следующих нормах права.

Согласно ч. 3 ст. 1 УК Уголовный кодекс Республики Беларусь основывается на Конституции Республики Беларусь и общепризнанных принципах и нормах международного права.

В ст. 6 Устава Международного военного трибунала для суда и наказания главных военных преступников европейских стран «оси», принятого 8 августа 1945 г., сформулирован следующий общий принцип: являются преступлениями и влекут за собой индивидуальную ответственность преступления против мира, военные преступления и преступления против человечества, независимо от того, являлись ли эти действия нарушением внутреннего права страны, где они были совершены, или нет.

Руководители, организаторы, подстрекатели и пособники, участвовавшие в составлении или осуществлении общего плана или заговора, направленного на совершение любых из вышеупомянутых преступлений, несут ответственность за все действия, совершенные любыми лицами в целях осуществления такого плана.

В ст. 1 Конвенции о предупреждении преступления геноцида и наказании за него от 9 декабря 1948 г. подтверждено, что геноцид, независимо от того, совершается ли он в мирное или военное время, является преступлением, которое нарушает нормы международного права и против которого Договаривающиеся Стороны обязуются принимать меры предупреждения и карать за его совершение. В ст. 4 названной Конвенции установлено, что лица, совершающие геноцид, подлежат наказанию независимо от того, являются ли они ответственными по Конституции правителями, должностными или частными лицами.

В соответствии со ст. 1 Конвенции о неприменимости срока давности к военным преступлениям и преступлениям против человечества от 26 ноября 1968 г. никакие сроки давности не применяются в том числе за преступления против человечества, а также за преступление геноцида, даже если эти действия не представляют собой нарушения внутреннего законодательства той страны, в которой они были совершены.

Согласно ст. 1 Закона Республики Беларусь от 5 января 2022 г. № 146-З «О геноциде белорусского народа» совершенные нацистскими преступниками и их пособниками, националистическими формированиями в годы Великой Отечественной войны и послевоенный период злодеяния, направленные на планомерное физическое уничтожение белорусского народа путем убийства и иных действий, признаваемых геноцидом в соответствии с законодательными актами и нормами международного права, являются геноцидом белорусского народа.

Основываясь на вышеприведенных нормах права, следует прийти к выводу, что действия Катрюка подлежат квалификации именно по ст. 127 УК Республики Беларусь.

Указанная юридическая оценка содеянного не противоречит иной квалификации действий сообщников Катрюка по отдельным эпизодам преступлений – Васюры, Лакусты, Мелешко и других лиц по ранее постановленным приговорам, поскольку нормы международного права об ответственности за геноцид не были имплементированы в уголовный закон БССР. В ходе расследования уголовного дела в отношении Катрюка в полном объеме установлены обстоятельства содеянного, что позволило прийти к однозначному выводу о том, что совершенные Катрюком злодеяния являются не чем иным, как геноцидом.

Высокий суд! Настоящий судебный процесс дал исчерпывающий ответ на вопрос о том, кем в действительности был Катрюк.

Это один из пособников нацистских преступников, который на добровольных началах, с особым рвением и усердием реализовывал единую с ними цель планомерного уничтожения белорусского народа.

Катрюк принимал непосредственное участие в наиболее тяжких преступлениях германского фашизма на территории Беларуси: массовых убийствах, беспощадных расправах с мирным населением, зверских карательных акциях.

Содеянное Катрюком не имеет сроков давности.

На основании изложенного, Высокий суд, прошу Катрюка Владимира Константиновича, 1 октября 1921 года рождения, уроженца поселка Лужаны Кицманского района Черновицкой области Украинской Советской Социалистической Республики, имевшего гражданство Союза Советских Социалистических Республик, умершего 22 мая 2015 года, признать виновным в геноциде – действиях, совершаемых с целью планомерного уничтожения полностью белорусского народа – национальной, этнической группы и группы, определенной на основе территориального, идеологического и других произвольных критериев, путем убийства членов такой группы и причинения им тяжких телесных повреждений, умышленного создания жизненных условий, рассчитанных на полное физическое уничтожение такой группы, то есть в преступлении, предусмотренном ст. 127 УК Республики Беларусь.

Руководствуясь ч. 4 ст. 356 и ч. 3 ст. 468-24 УПК, постановить в отношении Катрюка обвинительный приговор без назначения наказания.

Благодарю за внимание!

ГЛАВА V

ВЫПИСКА ИЗ ПРИГОВОРА ВЕРХОВНОГО СУДА РЕСПУБЛИКИ БЕЛАРУСЬ В ОТНОШЕНИИ В.К. КАТРЮКА ОТ 18 МАРТА 2024 г.

ПРИГОВОР

Именем Республики Беларусь

18 марта 2024 года

гор.Минск

Верховный Суд Республики Беларусь в открытом судебном заседании в составе:

председательствующего - заместителя Председателя Верховного Суда Республики Беларусь Кондратьева С.В., народных заседателей - Урбан Д.В. и Сикорского М.В., с участием государственных обвинителей - заместителя Генерального прокурора Республики Беларусь Стука А.К. и прокурора отдела Генеральной прокуратуры Республики Беларусь Великого С.В., защитника-адвоката Гомбалева А.В., в помещении суда рассмотрел уголовное дело по обвинению

Катрюка Владимира Константиновича, родившегося 1 октября 1921 года в пос.Лужаны Кицманского района Черновицкой области Украинской ССР (до 28 июня 1940 года территория Буковины, Румыния), ранее не судимого, имевшего гражданство Союза Советских Социалистических Республик, умершего 22 мая 2015 года,

в совершении преступления, предусмотренного ст.127 УК Республики Беларусь.

Судебным следствием Верховный Суд Республики Беларусь

у с т а н о в и л:

Согласно ст.6 Конвенции Организации Объединенных Наций от 9 декабря 1948 года «О предупреждении преступления геноцида и наказания за него», геноцид является преступлением, нарушающим нормы международного права, а лица, его совершившие, подлежат наказанию и должны быть судимы компетентным судом того государства, на территории которого было совершено это деяние.

В соответствии с п.3 ст.85 УК Республики Беларусь лицо, совершившее преступление, предусмотренное ст.127 УК Республики Беларусь, освобождению от уголовной ответственности в связи с истечением сроков давности не подлежит. Аналогичные положения предусмотрены Конвенцией Организации Объединенных Наций о неприменимости срока давности к военным преступлениям, преступлениям против мира и человечества от 26 ноября 1968 года, ратифицированной Указом Президиума Верховного Совета БССР 27 марта 1969 года.

В силу ст.468¹³ УПК Республики Беларусь порядок производства по таким уголовным делам устанавливается общими правилами с учетом особенностей, предусмотренных главой 49² УПК Республики Беларусь.

Таким образом, суд считает установленным, что нацистскими преступниками и их пособниками в годы Великой Отечественной войны на территории БССР было уничтожено не менее 3000000 человек, пострадало не менее 11726 населенных пунктов, из которых не менее 270 повторили судьбу Хатыни. Итоговый ущерб по состоянию на 1 октября 2022 года составил более 2,3 трил.долларов США или 43529,30 тонн золота в эквиваленте.

При этом Катрюк В.К., реализуя с иными лицами цели нацистской Германии по планомерному уничтожению населения БССР как национальной и этнической группы, определенной по идеологическим, территориальным и иным критериям, с января по август 1943 года в составе 118 батальона охранной полиции умышленно лишил жизни не менее 393 человек, включая не менее 125 малолетних и несовершеннолетних детей, а не менее чем 21 лицу с целью убийства причинил телесные повреждения различной степени тяжести.

Создавая для достижения указанной цели для мирных граждан тяжелые жизненные условия, рассчитанные на полное их уничтожение, сжег в 7 деревнях не менее 218 жилых домов и строений, разграбил их имущество и продовольствие, необходимые для обеспечения минимальных жизненных потребностей, принудительно переместил в Германию без средств к существованию для рабского труда не менее 6 человек.

Своими действиями, подрывая основы существования БССР, Катрюк В.К. совершил геноцид белорусского народа, поэтому им содеянное суд квалифицирует по ст.127 УК Республики Беларусь.

Является обоснованным и обвинение Катрюка В.К. в совершении преступления организованной группой.

В соответствии с приговором Международного военного трибунала в г.Нюрнберге, ст.ст.1-2 Конвенции о неприменении срока давности к военным преступлениям и преступлениям против человечества, вступившей в силу для БССР 11 ноября 1970 года, в случае совершения таких преступлений в отношении гражданского населения во время войны их исполнители или соучастники, участвующие в осуществлении общего плана, направленного на их совершение, несут ответственность за все действия, совершенные иными лицами во исполнение такого плана, независимо от степени их завершенности.

Как установлено в судебном заседании, 118 батальон состоял в основном из лиц, объединенных общими националистическими взглядами, имел строгую дисциплину, управляемую и устойчивую организационную структуру, командиров и начальников. Катрюк В.К. вошел в состав этого

формирования добровольно, достоверно знал и разделял идеи и цели нацистской Германии, намереваясь с иными пособниками нацистов способствовать их осуществлению на протяжении длительного времени, что следует из характера и направленности его преступных действий.

Это свидетельствует о предварительной объединенности, управляемости и устойчивости данного формирования, отличающегося стабильностью личного состава, согласованностью действий всех его участников и четким распределением ролей между ними, в связи с чем в соответствии с ч.1 ст.18 и п.11 ч.1 ст.64 УК Республики Беларусь совершение Катрюком В.К. преступления организованной группой суд признает обстоятельством, отягчающим его ответственность.

Суд отмечает, что Катрюк В.К. совершил преступление против человечества, сопряженное с умышленным лишением жизни множества лиц с особой жестокостью и при отягчающих обстоятельствах, что, с учетом особой тяжести содеянного и наступивших последствий, свидетельствует об исключительной общественной опасности им содеянного.

Вместе с тем, признав доказанным, что преступление, предусмотренное ст.127 УК Республики Беларусь, совершено умершим обвиняемым, суд в соответствии с ч.3 ст. 468²⁴ УПК Республики Беларусь постановляет в отношении Катрюка В.К. обвинительный приговор без назначения наказания.

На основании изложенного, руководствуясь ст.ст.349-352,364 и 468²⁴ УПК Республики Беларусь, Верховный Суд Республики Беларусь

п р и г о в о р и л:

Катрюка Владимира Константиновича признать виновным в геноциде - действиях, совершенных с целью планомерного уничтожения полностью белорусского народа как национальной и этнической группы, определенной на основе территориального, идеологического и других произвольных критериев, путем убийства и причинения ее членам тяжких телесных повреждений, умышленного создания жизненных условий, рассчитанных на полное физическое уничтожение такой группы, то есть в совершении преступления, предусмотренного ст.127 УК Республики Беларусь.

В соответствии со ст.468²⁴ УПК Республики Беларусь в связи со смертью постановить в отношении Катрюка В.К. обвинительный приговор без назначения наказания.

Приговор может быть обжалован и опротестован в апелляционную инстанцию Верховного Суда Республики Беларусь в течение десяти суток со дня провозглашения, а потерпевшим Шатило И.Б. - в тот же срок со дня вручения копии приговора.

Председательствующий:
Народные заседатели:

Верно.
Заместитель Председателя Верховного Суда
Республики Беларусь
2 апреля 2024 года

С.В.Кондратьев

Справка

Приговор Верховного Суда Республики Беларусь от 18 марта 2024 года
вступил в законную силу 2 апреля 2024 года

Заместитель Председателя Верховного Суда
Республики Беларусь
2 апреля 2024 года

С.В.Кондратьев

ГЛАВА VI
УГОЛОВНОЕ ПРЕСЛЕДОВАНИЕ КОМАНДИРА
118-го БАТАЛЬОНА ОХРАННОЙ ПОЛИЦИИ К.А. СМОВСКОГО

К.А. Смовский в 1920-е и 1950-е гг.
Материалы уголовного дела №21028030022 о геноциде населения Беларуси
в годы Великой Отечественной войны и послевоенный период

Будущий нацистский пособник, палач и командир 118-го батальона охранной полиции К.А. Смовский родился 21 мая 1889 г. в селе Гнединцы Лохвицкого уезда Полтавской губернии (современная территория Прилукского района Черниговской области Украины).

Получив образование в начальной школе, К.А. Смовский продолжил обучение в гимназии города Прилуки, а затем в военно-учебном заведении Российской империи – Михайловском артиллерийском училище, которое окончил в 1913 г. Участник Первой мировой войны.

После Февральской революции 1917 г. К.А. Смовский присоединился к украинскому националистическому движению и начал активно участвовать в его жизни, неоднократно избирался делегатом различных украинских съездов.

В ноябре 1917 г. поступил на службу в армию Украинской народной республики (далее – УНР), в составе которой занимал различные командные должности и принимал участие в сражениях против войск Советской России. Несмотря на интернирование военно-служащих армии УНР в 1919 г. польскими властями, К.А. Смовский не бросил начатое дело и остался верен избранному «идеалам» – в 1920 г. продолжил службу в рядах армии УНР как вновь сформированной.

В 1929 г. благодаря ранее заключенным договоренностям между руководством Польши и Украинской народной республики К.А. Смовский оказался в числе офицеров армии УНР, принятых в Войско Польское для прохождения службы по имеющейся специальности на случай войны с СССР. Проходил службу в 11-м уланском полку, расположенном в городе Цеханув, последнее воинское звание – майор.

Участвовал в боевых действиях на территории Польши в 1939 г., попал к немцам в плен. Вместе с тем в январе 1940 г. при активном заступничестве военного министерства правительства УНР в изгнании К.А. Смовский был освобожден из плена.

С началом Великой Отечественной войны Смовский прибыл на территорию оккупированной Украинской ССР. В октябре 1941 г., находясь в городе Киеве, он принимал участие в организации деятельности карательных подразделений украинской полиции.

Боевой опыт, жестокость, деятельность убежденного украинского националиста и ее результаты не могли остаться без внимания оккупационных властей – весной 1942 г. палач К.А. Смовский получил назначение на должность командира 118-го карательного батальона украинской полиции, созданного для проведения операций по истреблению мирного населения.

Новоиспеченный командир-палач не просто получил назначение, а самостоятельно принимал меры по поиску и отбору предателей Родины, способных по своим качествам выполнять преступные приказы нацистов по осуществлению геноцида.

Из протоколов допроса подозреваемого Г.Н. Васюры от 5 апреля 1952 г., 8 апреля 1952 г.

«...В Киев я был зачислен на курсы полицейских, но через 3–5 дней на курсы пришел командир 118-го полицейского батальона, предложил мне и другим полицейским служить в этом батальоне, и я дал на это свое согласие...»

«...Спустя несколько дней моего пребывания на курсах полицейских, примерно в ноябре месяце 1942 года, меня в числе группы молодых полицейских в 20 человек поставили в строй и повели...»

По прибытии в расположение батальона подошедший к строю немецкий офицер указал пальцем на 8 человек полицейских, в том числе и на меня, и потребовал, чтобы мы вышли из строя... Нас повели в штаб батальона... Здесь спросил писарь штаба <...> наши устаревшие данные, а после того как все нами сказанное записал, доложил командиру батальона Смовскому. Командир 118-го батальона Смовский в тот же день объявил мне, что я назначен на должность командира взвода 1-й роты...»

Будучи на территории оккупированной Белорусской ССР командиром 118-го батальона, К.А. Смовский принял активное участие в реализации преступных целей нацистской Германии, направленных на геноцид белорусского народа. В период с января 1943 г. по май 1944 г. он организовал и осуществил на территории Витебской, Минской и Гродненской областей жестокие, в том числе массовые, убийства мирных жителей, партизан, уничтожение и хищение имущества, угон граждан для принудительных работ, руководил участием батальона в карательных операциях «Коттбус» и «Герман». По указанию К.А. Смовского лишено жизни 433 человека, включая женщин, детей и престарелых лиц, совершены покушения на лишение жизни ряда человек, причинены гражданам телесные повреждения различной степени тяжести.

Жертвами палачей 118-го батальона стали жители деревень Чмелевичи, Селище, Заречье, Котели, Боброво-1, Губа, Росохи, Малые Нестановичи, Рудня, Хотаевичи, Дальковичи, Новая Вилейка, Вилейка, Осовы, Нивки, Маковье, Уборок, Бурдуки, Павловичи, Морино, Мишуковичи, Николаево, Дындылишки, хутора Рембоковщина, а также искавшие в Налибокской пуще спасения евреи. Апогеем карательной деятельности стала расправа с мирными жителями деревни Хатынь, в результате которой погибло 149 человек, в том числе не менее 77 детей.

...В тот день с утра на шоссе на дороге Плещеницы-Логойск возле дер. Большая Губа партизанами из засады были убиты гауптман Вельке и еще двое-трое полицейских из первой роты нашего батальона. Об этом было сообщено в штаб батальона и командование батальона по тревоге подняло всех полицейских, находившихся в расположении батальона. В район случившегося выехали тогда первыми на автомашине немцы Кернер, Герман, командир батальона Смовский, начальник штаба Васюра, командиры рот Винницкий и Нарядько. Это я сам видел. Вслед за ними выехали на операцию полицейские первой и третьей рот, в том числе и мое отделение в полном составе. Шли мы пешком, некоторые ехали на повозках с тяжелым оружием. Везли туда станковые пулеметы, минометы, пушки. Наша рота шла для оцепления с правого фланга и в это время по самой деревне с опушки леса был открыт огонь из станковых пулеметов и минометов. Когда огонь прекратился, то полицейскими первой и третьей рот, а также эсэсовцами Хатынь была оцеплена плотным кольцом. В то время в ней находились жители. Вошли в деревню Кернер, Смовский, Васюра и эсэсовские офицеры. От них поступила команда согнать жителей деревни в один сарай, что и было сделано полицейскими. Стояли в сарае всех, кто был обнаружен в Хатыни. Эту деревню называли партизанской, хотя партизан в ней я не видел. Когда одна часть полицейских из первой и третьей рот сгоняли жителей в сарай, то вторая часть полицейских разошлась по дворам и занялась грабежом. Полицейские грузили на подводы хлеб, скот и другое имущество, представлявшее ценность. Я со своим отделением был в оцеплении Хатыни, но, как командир отделения, все время не стоял на одном месте. По цепи я переходил в другие места, разговаривал с командирами других подразделений, подходил близко к сараю, в который загонялись жители деревни. Тогда я видел около сарая командира батальона Смовского, начальника штаба батальона Васюру, немцев Кернера, Германа, командиров рот Нарядько и Винницкого. Там находились и другие полицейские нашего батальона, а также эсэсовцы. Когда женщины, дети и другие жители Хатыни были заперты в сарае, то сарай стали забрасывать полицейские гранатами. Гранаты взрывались, из сарая раздавались крик и плач людей. Затем по сараю был открыт ружейно-пулеметный огонь. Картина была жуткой. В то время я видел, как от сарая в сторону леса бежал

ребенок лет 6-7 и был убит выстрелом в него. От чьей пули он был убит я не могу точно сказать, но по возвращении в Плещеницы были разговоры среди полицейских батальона, что по бежавшему ребенку стрелял либо Смовский либо кто-то другой, стоявший вместе с ним около сарая. Сарай потом был подожжен. Вскоре были подожжены и все другие постройки Хатыни. К нашему отъезду вся деревня горела.

Материалы уголовного дела №21028030022 о геноциде населения Беларуси в годы Великой Отечественной войны и послевоенный период

Освободительное наступление Красной Армии в 1944 г. заставило спешно отступить карательный батальон на запад, за пределы СССР. Оказавшись на территории Восточной Пруссии, К.А. Смовский покинул батальон, однако продолжил службу в других военных формированиях в интересах нацистской Германии.

В марте 1945 г. был прикомандирован к штабу Украинской национальной армии (далее – УНА), от имени командования которой в мае 1945 г. вел переговоры с командующими американских и английских войск об условиях интернирования УНА на контролируемых ими территориях.

После поражения нацистов с 1945 по 1950 г. проживал на территории Западной Германии, получил в 1947 г. звание генерал-хорунжего от правительства УНР в изгнании, как и многие нацистские преступники, впоследствии был укрыт властями США на их территории, принимал активное участие в деятельности ветеранских организаций армии УНР, опубликовал мемуары под названием «Моя служба Отечеству» в эмигрантском украинском еженедельнике «Свобода».

К.А. Смовский умер 8 марта 1960 г. в городе Миннеаполис (США) в возрасте 70 лет, будучи не осужденным за совершенные преступления. Историк З. Стефанив написал и опубликовал в еженедельнике «Свобода» некролог о кончине карателя. Период руководства 118-м батальоном охранной полиции в нем описан следующим образом: «...С 1942 г. по конец 1944 г. был командиром украинских частей Украинской освободительной армии на восточном фронте...» Упоминаний о руководстве карательными операциями и уничтожении мирного населения оккупированной Беларуси в нем не содержится.

Уже в первые послевоенные годы руководству органов государственной безопасности стало известно, кто из числа украинских националистов являлся главным командиром полицейских 118-го батальона. В ходе расследования уголовных дел, возбужденных в период с 1945 по 1955 г., бывшие каратели батальона дали показания о роли К.А. Смовского в батальоне, остальных командирах и штабных работниках из числа пособников нацистов и предателей Родины.

Расследование уголовных дел в отношении Г.Г. Лакусты, О.Ф. Кнапа, М.Д. Курки, С.В. Сахно, И.М. Лозинского, В.А. Мелешко и Г.Н. Васюры в 1970–1980 гг., то есть после смерти К.А. Смовского, показало полную картину злодеяний, совершенных последним.

Уголовно-процессуальное законодательство Белорусской ССР не содержало норм, позволяющих осуществлять производство по уголовным делам в отношении умерших лиц. Установление обстоятельств совершения К.А. Смовским преступлений против белорусского народа следственным путем не проводилось.

Имеющиеся в распоряжении следственной группы материалы, содержащие сведения о наличии в действиях К.А. Смовского признаков преступления, предусмотренного

ст. 127 УК, послужили основанием для принятия 16 июня 2024 г. решения о выделении из уголовного дела № 21028030022 в отдельное производство уголовного дела № 24028030127 в отношении последнего.

Созданной из работников Генеральной прокуратуры и прокуратуры Минской области группой прокуроров проведен комплекс следственных действий по установлению обстоятельств совершения К.А. Смовским актов геноцида в отношении белорусского народа.

В ходе предварительного расследования установлено, что К.А. Смовский обеспечивал управляемость и устойчивость 118-го батальона, являвшегося, по своей сути, вооруженной организованной группой, координировал преступную деятельность, поддерживал дисциплину, распределял функции участников организованной группы при проведении карательных операций и сам принимал в них непосредственное участие, то есть являлся руководителем указанного преступного формирования, а все совершенные батальоном преступления на оккупированной территории Белорусской ССР охватывались его умыслом.

Собранные доказательства послужили основой для вынесения 7 октября 2024 г. постановления о привлечении К.А. Смовского в качестве обвиняемого по 26 эпизодам совершения актов геноцида белорусского народа.

Извлечение из постановления о привлечении в качестве обвиняемого от 7 октября 2024 г.

Постановление
о привлечении
в качестве обвиняемого

«...Приговором Международного военного трибунала для суда и наказания главных военных преступников европейских стран «оси» в городе Нюрнберге от 1 октября 1946 г. признано доказанным, что руководство нацистской Германии, развязавшее Вторую мировую войну, преследовало цель уничтожить Союз Советских Социалистических Республик (далее – СССР, Советский Союз) как независимое государство, расчленив его, создать так называемые имперские комиссариаты, превратить Белорусскую Советскую Социалистическую Республику (далее – БССР) и другие территории Советского Союза в германские колонии.

Массовые систематические убийства гражданского населения оккупированных территорий, его принудительный угон на территорию Западной Европы, включая Германию, для привлечения к рабскому труду и иным формам эксплуатации в пользу нацистской Германии, разграбления и расхищения имущества всех форм собственности на оккупированных территориях, уничтожение городов, сел и деревень, экономическая эксплуатация СССР, убийства комиссаров и политических руководителей, бесчеловечное обращение с советскими военнопленными, создание концентрационных лагерей и лагерей смерти стали частью тщательно разработанного руководством нацистской Германии плана по реализации идеи (теории) расширения жизненного пространства на Восток в целях обеспечения существования, развития и господства арийской расы посредством ведения на территории Советского Союза войны на уничтожение, выполнение которого началось без предупреждения 22 июня 1941 г.

Немецко-фашистские захватчики, совершив 22 июня 1941 г. вероломное нападение на Советский Союз, временно оккупировали территорию БССР, где по преступным указаниям гитлеровского правительства и командования германской армии, попирая

правила и обычаи ведения войны, установленные международными конвенциями и договорами, проводили массовое истребление и истязание мирного населения и военнопленных, в том числе в концентрационных лагерях и лагерях смерти, осуществляли их принудительный угон в немецкое рабство, грабили, сжигали и уничтожали города, села, промышленные предприятия, школы, больницы и другие культурные и материальные ценности.

Безнаказанное применение любых форм и методов истребления советских граждан прямо предусматривалось в разработанных руководством нацистской Германии документах политического, экономического, военного и идеологического характера, в том числе подписанной А. Гитлером 18 декабря 1940 г. директивой № 21 «План Барбаросса», Генеральным планом «Ост», в соответствии с которым не менее 75 % населения БССР подлежало уничтожению, а также переселению с занимаемой территории, оставшаяся его часть – насильственному онемечиванию.

Советские граждане, белорусы, лица иных национальностей и этнической принадлежности, находившиеся на территории БССР в годы Великой Отечественной войны (далее – белорусский народ), то есть группа, определенная нацистскими преступниками на основе национального, этнического, территориального, идеологического и других произвольных критериев, подверглась всем формам геноцида, предусмотренным Конвенцией Организации Объединенных Наций от 9 декабря 1948 г. «О предупреждении преступления геноцида и наказании за него»: убийствам членов такой группы; причинению ее членам серьезных телесных повреждений или умственного расстройства; предумышленному созданию для группы таких жизненных условий, которые рассчитаны на полное физическое уничтожение ее; мерам, рассчитанным на предотвращение деторождения в среде такой группы; насильственной передаче детей из этой человеческой группы в другую.

Жители оккупированных территорий Советского Союза из числа поддерживающих идеологию нацистской Германии, являясь пособниками нацистских преступников – исполнителями приказов нацистского режима, военного командования вермахта, вспомогательной полиции и их союзников, военнослужащих СС, признанной вышеуказанным приговором Нюрнбергского трибунала преступной организацией, поступившие добровольно или по призыву на службу в указанные подразделения, а также иные лица, умышленно содействовавшие исполнению приказов нацистских преступников в любой форме, реализовывали единую с нацистскими преступниками цель планомерного уничтожения полностью белорусского народа в составе националистических (коллорабационистских) и иных преступных формирований, в том числе батальонах охранной полиции (Schutzmannschaft-Bataillonen, шуцманшафт-батальоны).

Одним из указанных пособников нацистских преступников, непосредственно участвовавшим в совершении геноцида белорусского народа, являлся Смовский Константин Авдеевич, 21 мая 1889 года рождения, уроженец села Гнединцы Лохвицкого уезда Полтавской губернии Российской империи (в настоящее время – село Гнединцы Прилукского района Черниговской области Украины), умерший 8 марта 1960 г.

Смовский К.А., преследуя цель планомерного уничтожения полностью белорусского народа, руководствуясь мотивами национальной и идеологической вражды и розни, сформированными на почве ненависти к государственной идеологии СССР, осенью 1941 г. добровольно вступил во входившее в состав Организации украинских националистов формирование «Буковинский курень», затем принял активное участие в организации украинской вспомогательной полиции «шуцманшафт» в городе Киеве, после образования

весной 1942 г. 118-го батальона охранной полиции (далее – 118-й батальон) вошел в его состав и возглавил его в качестве командира.

Созданный для реализации вышеназванной преступной цели и ее осуществлявший 118-й батальон представлял собой вооруженную организованную группу, то есть устойчивое и управляемое преступное формирование предварительно объединившихся для совместной преступной деятельности лиц, организационная структура которого включала роты, взводы, отделения, штаб и другие подразделения, имевшее на вооружении артиллерийское и стрелковое огнестрельное боевое оружие, в том числе 45-миллиметровое орудие (пушку), минометы, пулеметы, автоматы, винтовки, карабины, пистолеты и др., взрывные устройства и боеприпасы, в том числе гранаты.

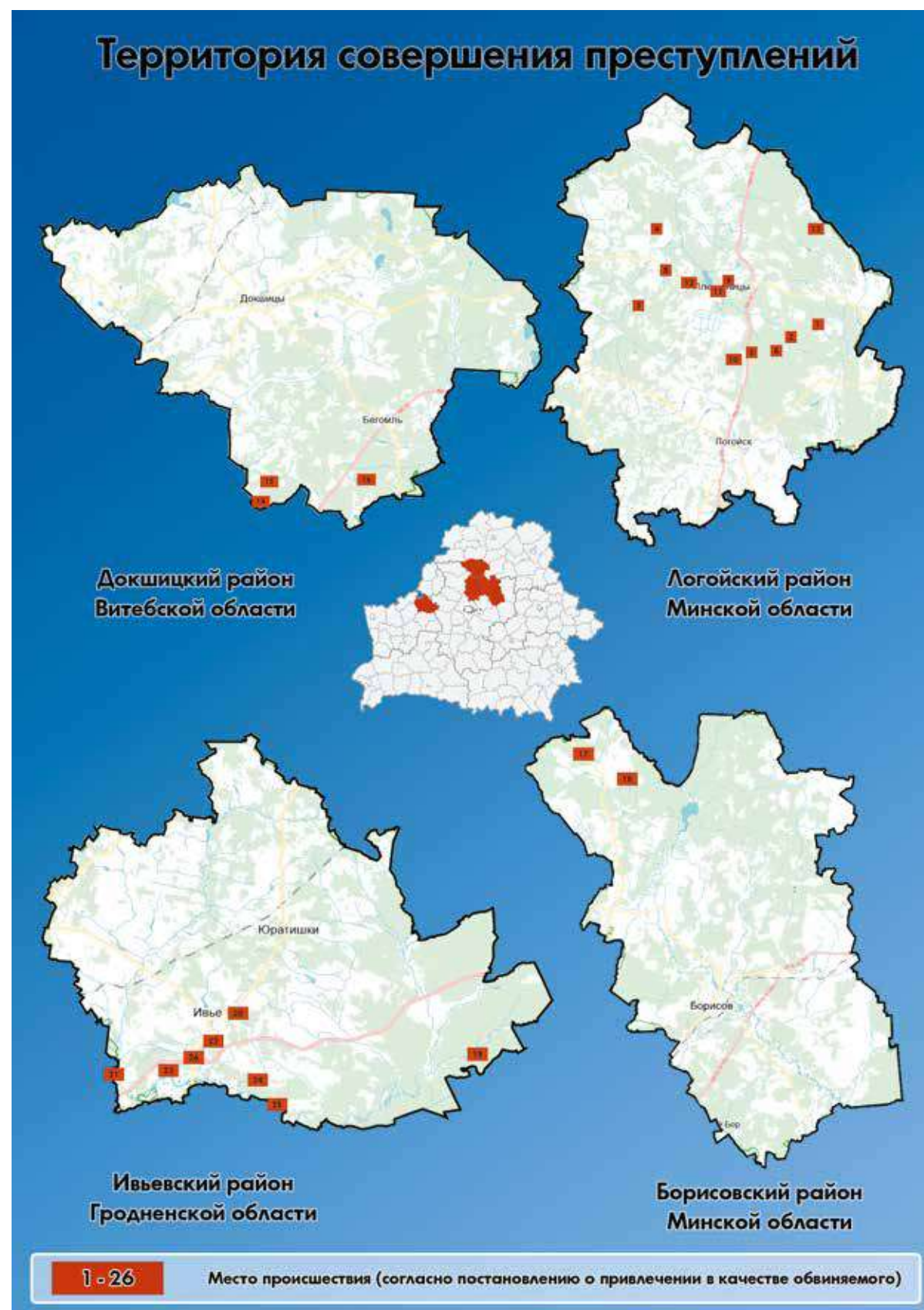
Руководство 118-м батальоном осуществлялось Смовским К.А. как командиром указанного батальона, который подчинялся штурмбаннфюреру СС Э. Кёрнеру – куратору батальона со стороны нацистской Германии и непосредственно организовывал исполнение преступных нацистских приказов, в том числе бригадефюрера СС и генерал-майора полиции Курта фон Готтберга.

При этом Смовский К.А., являясь руководителем указанного преступного формирования, обеспечивал его управляемость, устойчивость путем осуществления координации преступной деятельности, рассчитанной на длительный период времени, поддержания внутригрупповой дисциплины, основанной на подчиненности ему участников группы, распределения функций участников организованной вооруженной группы, совместного, согласованного и непосредственного участия в совершении преступлений, в том числе с использованием находящегося на вооружении 118-го батальона различного оружия.

Во исполнение общей цели нацистских преступников, направленной на геноцид белорусского народа, руководствуясь вышеназванными мотивами, осознавая фактический характер и общественную опасность совершаемых действий, их направленность на достижение названной цели, предвидя их общественно опасные последствия и желая их наступления, Смовский К.А., имевший гражданство СССР, перешел на сторону врага и в период с января 1943 г. по май 1944 г. в составе вооруженной организованной группы – 118-го батальона, являясь его командиром в звании майора, то есть руководителем организованной группы, добровольно исполняя заведомо для него преступные приказы нацистских преступников и иных лиц, действуя совместно и согласованно с начальником штаба 118-го батальона Васюрой Г.Н., осужденным приговором Военного трибунала Белорусского военного округа от 26 декабря 1986 г. по ч. 1 ст. 61 УК БССР, командиром 1-го взвода 1-й роты – заместителем командира 1-й роты 118-го батальона Мелешко В.А., осужденным приговором Военного трибунала Краснознаменного Белорусского военного округа от 22 мая 1975 г. по ч. 1 ст. 61 УК БССР, командиром отделения – помощником командира взвода этого же батальона Лакустой Г.Г., рядовыми полицейскими того же батальона Куркой М.Д., Кнапом О.Ф., Лозинским И.М. и Сахно С.В., осужденными приговором судебной коллегии по уголовным делам Гродненского областного суда от 15 марта 1974 г. по ч. 1 ст. 61 УК БССР, командиром отделения 1-го взвода 1-й роты данного батальона Катрюком В.К., осужденным приговором Верховного Суда Республики Беларусь от 18 марта 2024 г. по ст. 127 УК Республики Беларусь, иными лицами, подчиненными ему в 118-м батальоне, а также военнослужащими особого батальона СС О. Дирлевангера, другими лицами, в ходе осуществления на территории БССР карательных операций совершил геноцид – действия, направленные на планомерное уничтожение полностью белорусского народа, путем:

убийств, в том числе массовых, то есть умышленного противоправного лишения жизни лиц по мотивам национальной и идеологической вражды и розни, включая заведомо малолетних, престарелых и находящихся в беспомощном состоянии, беременных женщин, в том числе с особой жестокостью и общеопасным способом, посредством расстрелов из артиллерийского и стрелкового огнестрельного боевого оружия, применения взрывных устройств и боеприпасов, сожжения заживо, истязаний, нанесения ударов в жизненно важные органы, а также умышленного совершения по мотивам национальной и идеологической вражды и розни непосредственно направленных на лишение жизни указанными способами действий, в том числе в отношении заведомо малолетних, престарелых и находящихся в беспомощном состоянии, сопровождавшихся причинением лицам телесных повреждений различной степени тяжести, включая тяжкие телесные повреждения, которые не были доведены до конца по не зависящим от него обстоятельствам;

умышленного создания жизненных условий, рассчитанных на полное физическое уничтожение белорусского народа, посредством лишения, в том числе с применением насилия, опасного для жизни и здоровья потерпевших и угроз применения такого насилия (то есть путем разбоя), жилья, продуктов питания и предметов одежды, домашнего скота и птицы, другого имущества, необходимых человеку для выживания и обеспечения минимальных жизненных потребностей, принуждения под угрозой убийства к длительному пребыванию в суровых климатических условиях в зимний период на улице без верхней одежды, обрекая людей на гибель от природных факторов и болезней, а также посредством принудительного перемещения людей в Германию в условиях, угрожающих их жизни и здоровью, и без средств к существованию, для привлечения к непосильному рабскому труду и иным формам их эксплуатации в пользу нацистской Германии, осознавая, что такие действия могут влечь гибель человека от физического изнеможения, истощения и голода, предвидя их общественно опасные последствия и желая их наступления, при следующих обстоятельствах...»

По результатам предварительного расследования 17 октября 2024 г. Генеральной прокуратурой уголовное дело в отношении Смовского К.А. направлено в Верховный Суд Республики Беларусь для рассмотрения по существу.

ПОСТАНОВЛЕНИЕ о направлении уголовного дела в суд

«17» октября 2024 г. г. Минск

Генеральный прокурор Республики Беларусь государственный советник юстиции 2 класса Швед А.И., рассмотрев материалы уголовного дела № 24028030127, поступившего в порядке статьи 468¹⁹ УПК Республики Беларусь,

УСТАНОВИЛ:

Управлением Генеральной прокуратуры Республики Беларусь по надзору за расследованием особо важных уголовных дел 17.10.2024 окончено предварительное расследование уголовного дела № 24028030127 в отношении умершего Смовского К.А., обвиняемого в совершении преступления, предусмотренного статьей 127 УК.

Действия обвиняемого Смовского К.А. квалифицированы правильно. По делу собраны достаточные доказательства, подтверждающие виновность Смовского К.А. в совершении инкриминируемого ему деяния. Оснований для возвращения уголовного дела для производства дополнительно предварительного расследования не имеется.

Уголовное дело подлежит направлению в Верховный Суд Республики Беларусь для определения подсудности.

На основании изложенного, руководствуясь статьями 34, 263, 264, частью 2 статьи 269, частью 3 статьи 274 и статьями 468²⁰, 468²¹ УПК Республики Беларусь,

ПОСТАНОВИЛ:

1. Уголовное дело № 24028030127 в отношении умершего Смовского Константина Авдеевича, 21 мая 1889 года рождения, обвиняемого в совершении преступления, предусмотренного статьей 127 УК Республики Беларусь, направить в Верховный Суд Республики Беларусь для определения подсудности.
2. О принятом решении уведомить защитника и потерпевшего.

Генеральный прокурор
Республики Беларусь
государственный советник
юстиции 2 класса

 А.И.Швед

Речь государственного обвинителя

Полученные в ходе следствия доказательства стали подтверждением вины Смовского К.А. в совершении инкриминируемых последнему преступлений и основанием для постановления 30 декабря 2024 г. Верховным Судом Республики Беларусь обвинительного приговора по ст. 127 УК.

Тем самым «героический образ» Смовского К.А. как борца с тоталитарным советским режимом, пламенного сторонника идей независимой Украины, искусственно созданный эмигрантской средой при поддержке спецслужб западных стран, полностью снят – перед мировым обществом предстало истинное лицо карателя и палача белорусского народа.

Выписка из приговора Верховного Суда Республики Беларусь в отношении К.А. Смовского от 30 декабря 2024 г.

ПРИГОВОР Именем Республики Беларусь

30 декабря 2024 года

г.Минск

Верховный Суд Республики Беларусь в открытом судебном заседании в составе председательствующего - судьи Верховного Суда Республики Беларусь Бондаренко С.А., народных заседателей – Болтышевой И.А., Алексеенко А.В., с участием государственного обвинителя - прокурора управления Генеральной прокуратуры Республики Беларусь Великого С.В., защитника-адвоката Гомбалева А.В., в помещении суда рассмотрел уголовное дело по обвинению

Смовского Константина Авдеевича, 21 мая 1889 года рождения, уроженца села Гнединцы Лохвицкого уезда Полтавской губернии Российской империи (с 3 июня 1925 года входило в состав Украинской Советской Социалистической Республики, в настоящее время данный населенный пункт находится на территории Прилукского района Черниговской области Украины), имевшего гражданство Союза Советских Социалистических Республик, ранее не судимого, умершего 8 марта 1960 года,

в совершении преступления, предусмотренного ст.127 УК Республики Беларусь.

Судебным следствием Верховный Суд Республики Беларусь

установил:

Таким образом, в судебном заседании установлено, что 118 батальон состоял в основном из лиц, объединенных общими националистическими взглядами, имел строгую дисциплину, управляемую и устойчивую организационную структуру, командиров и начальников.

Это свидетельствует о предварительной объединенности, управляемости и устойчивости данного формирования, которое представляло собой вооруженную организованную группу, отличалось стабильностью личного состава, согласованностью действий всех его участников и четким распределением ролей между ними, его целью являлась длительная совместная преступная деятельность.

Смовский К.А. обеспечивал управляемость и устойчивость 118 батальона, координировал преступную деятельность, поддерживал дисциплину, распределял функции участников организованной группы при проведении карательных операций и сам принимал в них непосредственное участие, то есть являлся руководителем указанного преступного формирования, а все эпизоды преступной деятельности охватывались его умыслом.

Как установлено в судебном заседании, Смовский К.А., осуществляя руководство 118 батальоном, во исполнение целей нацистской Германии, организовал лишение жизни не менее 433 человек, включая детей, женщин и престарелых лиц, покушение на лишение жизни ряда лиц, причинение гражданам телесных повреждений различной степени тяжести. Жители ряда деревень были лишены жилья, продуктов питания и предметов одежды, домашнего скота и птицы, другого имущества, необходимых человеку для выживания и обеспечения минимальных жизненных потребностей, а также Смовским К.А. обеспечивалось принудительное перемещение населения на другие территории для привлечения к непосильному рабскому труду и иным формам эксплуатации в пользу нацистской Германии.

Следовательно, Смовский К.А. с января 1943 года по май 1944 года в составе 118 батальона, являясь его руководителем, совершил на территории Витебской, Минской и Гродненской областей жестокие, в том числе, массовые убийства мирных жителей, партизан, уничтожение и хищение имущества, угон граждан для принудительных работ, что суд признает геноцидом белорусского народа, признаки которого закреплены в Уставе Нюрнбергского международного военного трибунала от 8 августа 1945 года, резолюциях Генеральной ассамблеи ООН от 11 февраля и 13 декабря 1946 года и Законе Республики Беларусь от 5 января 2022 года «О геноциде белорусского народа».

Действия Смовского К.А. суд квалифицирует по ст.127 УК Республики Беларусь как геноцид, то есть совершение действий с целью планомерного уничтожения полностью белорусского народа как национальной и этнической группы, определенной на основе территориального, идеологического и других произвольных критериев, путем убийства и причинения ее членам тяжких телесных повреждений, умышленного создания жизненных условий, рассчитанных на полное физическое уничтожение такой группы.

Обвиняемый Смовский К.А. после войны иммигрировал в США, где скончался 8 марта 1960 года.

Согласно ст.6 Конвенции Организации Объединенных Наций от 9 декабря 1948 года «О предупреждении преступления геноцида и наказания за него», геноцид является преступлением, нарушающим нормы международного права, а лица, его совершившие, подлежат наказанию и должны быть судимы компетентным судом того государства, на территории которого было совершено это деяние.

В соответствии с п.3 ст.85 УК Республики Беларусь лицо, совершившее преступление, предусмотренное ст.127 УК Республики Беларусь, освобождению от уголовной ответственности в связи с истечением сроков давности не подлежит. Аналогичные положения предусмотрены Конвенцией Организации Объединенных Наций о неприменимости срока давности к военным преступлениям, преступлениям против мира и человечества от 26 ноября 1968 года, ратифицированной Указом Президиума Верховного Совета БССР 27 марта 1969 года.

В силу ст.468¹³ УПК Республики Беларусь порядок производства по таким уголовным делам устанавливается общими правилами с учетом особенностей, предусмотренных главой 49² УПК Республики Беларусь.

С учетом изложенного, суд приходит к выводу, что Смовский К.А. совершил преступление против человечества, сопряженное с умышленным лишением жизни множества лиц с особой жестокостью, в составе организованной группы, что, с учетом особой тяжести содеянного и наступивших последствий, свидетельствует об исключительной общественной опасности им содеянного.

Вместе с тем, признав доказанным, что преступление, предусмотренное ст.127 УК Республики Беларусь, совершено умершим обвиняемым, суд в соответствии с ч.3 ст. 468²⁴ УПК Республики Беларусь постановляет в отношении Смовского К.А. обвинительный приговор без назначения наказания.

На основании изложенного, руководствуясь ст.ст.349-352, 364 и 468²⁴ УПК Республики Беларусь, Верховный Суд Республики Беларусь

п р и г о в о р и л:

Смовского Константина Авдеевича признать виновным в геноциде - действиях, совершенных с целью планомерного уничтожения полностью белорусского народа как национальной и этнической группы, определенной на основе территориального, идеологического и других произвольных критериев, путем убийства и причинения ее членам тяжких телесных повреждений, умышленного создания жизненных условий, рассчитанных на

полное физическое уничтожение такой группы, то есть в совершении преступления, предусмотренного ст.127 УК Республики Беларусь.

В соответствии со ст.468²⁴ УПК Республики Беларусь в связи со смертью постановить в отношении Смовского К.А. обвинительный приговор без назначения наказания.

Приговор может быть обжалован и опротестован в апелляционную инстанцию Верховного Суда Республики Беларусь в течение десяти суток со дня провозглашения, а потерпевшим Шатило И.Б. - в тот же срок со дня вручения копии приговора.

Председательствующий: подпись

Народные заседатели: подписи

Верно
Судья Верховного Суда
Республики Беларусь
16 января 2025 года

С.А.Бондаренко

Справка

Приговор Верховного Суда Республики Беларусь от 30 декабря 2024 года вступил в законную силу 14 января 2025 года.

Судья Верховного Суда
Республики Беларусь
16 января 2025 года

С.А.Бондаренко

Приговор в отношении
К.А. Смовского

СОДЕРЖАНИЕ

ПРЕДИСЛОВИЕ	3
ГЛАВА I	
ПРАВОВЫЕ ОСНОВАНИЯ УГОЛОВНОГО ПРЕСЛЕДОВАНИЯ ЗА СОВЕРШЕНИЕ ГЕНОЦИДА	6
ГЛАВА II	
В.К. КАТРЮК И 118-й БАТАЛЬОН ОХРАННОЙ ПОЛИЦИИ. УГОЛОВНОЕ ПРЕСЛЕДОВАНИЕ КАРАТЕЛЕЙ 118-го БАТАЛЬОНА ОХРАННОЙ ПОЛИЦИИ НА ТЕРРИТОРИИ БЕЛАРУСИ	12
ГЛАВА III	
ПРЕСТУПНАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ В.К. КАТРЮКА	23
ГЛАВА IV	
ВЫСТУПЛЕНИЕ ГОСУДАРСТВЕННОГО ОБВИНИТЕЛЯ – ЗАМЕСТИТЕЛЯ ГЕНЕРАЛЬНОГО ПРОКУРОРА РЕСПУБЛИКИ БЕЛАРУСЬ А.К. СТУКА В ПРЕНИЯХ ПО УГОЛОВНОМУ ДЕЛУ В ОТНОШЕНИИ В.К. КАТРЮКА	149
ГЛАВА V	
ВЫПИСКА ИЗ ПРИГОВОРА ВЕРХОВНОГО СУДА РЕСПУБЛИКИ БЕЛАРУСЬ В ОТНОШЕНИИ В.К. КАТРЮКА ОТ 18 МАРТА 2024 г.	180
ГЛАВА VI	
УГОЛОВНОЕ ПРЕСЛЕДОВАНИЕ КОМАНДИРА 118-го БАТАЛЬОНА ОХРАННОЙ ПОЛИЦИИ К.А. СМОВСКОГО	184

Массово-политическое издание

ГЕНОЦИД БЕЛОРУССКОГО НАРОДА
Преступления палачей 118-го карательного батальона

Редактор Л. В. Языкович
Художественный редактор И. А. Гринь
Технический редактор Ю. Н. Ракович
Корректоры: А. Н. Малей, Т. Б. Михайлова

Подписано в печать 02.04.2025. Формат 60 × 84 ¹/₈.
Бумага офсетная. Печать офсетная.
Усл. печ. л. 23,25. Уч.-изд. л. 17,19.
Доп. тираж 2000 экз. Заказ

Республиканское унитарное предприятие «Издательство «Беларусь».
Свидетельство о государственной регистрации издателя, изготовителя,
распространителя печатных изданий № 1/4 от 09.07.2013.
Пр. Победителей, 11, 220004, Минск, Республика Беларусь.

Открытое акционерное общество «Полиграфкомбинат им. Я. Коласа».
Свидетельство о государственной регистрации издателя, изготовителя,
распространителя печатных изданий № 2/3 от 04.10.2013.
Ул. Корженевского, 20, 220024, Минск, Республика Беларусь.

ISBN 978-985-01-1791-5

